

ДАВИД
РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ДАВИД РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

*Перевод по редакции
члена-корреспондента
Академии Наук СССР
М. Н. Сми т*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

ДАВИД РИКАРДО

ПИСЬМА
К ЭКОНОМИСТАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

Английские издания сочинений Рикардо обычно включают и его переписку. В особенности полно она приведена в последнем издании (Кембридж, 1952). Интерес к этой переписке вполне понятен. Начало 19-го века было для Англии периодом быстрого развития капитализма, что, естественно, вызвало к жизни ряд теоретических интерпретаций новых явлений. Авторы их весьма слабо разбирались в экономических новшествах эпохи и нередко выступали как апологеты старого. Рикардо же является наиболее смелым и последовательным интерпретатором развивающегося промышленного капитализма. Он, как говорит Маркс, «... анализирует буржуазную экономику... с такой теоретической проницательностью, что лорд Брум мог о нем сказать:

«Казалось, будто мистер Рикардо упал с другой планеты»¹.

На противоположном полюсе мы видим фигуру Мальтуса — яркого апологета феодального землевладения. А между ними находятся большей частью вульгаризаторы Рикардо, как Джеймс Милль, Мак-Куллох, Сэй и др.

В переписке полемика Рикардо со всеми этими авторами достигает большой остроты. Письма Рикардо являются поэтому ценным дополнением к его теоретическим работам. В них выявляются полностью как сильные, так и слабые стороны Рикардо, так же как и характер его идейной борьбы за то новое, что он внес в экономическую науку. В этом отношении письма продолжают и углубляют борьбу, которая велась в книгах, журнальных статьях и парламентских речах.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 47.

В V том русского издания включены письма Рикардо к четырем экономистам его эпохи: Мальтусу, Мак-Куллоху, Джемсу Миллю и Сэю.

Форма публикации писем на русском языке такова: из писем Рикардо изъяты все те места, которые относятся к личным и семейным связям, — приветствия, приглашения и т. д. Полностью опущены лишь письма, совершенно не имеющие теоретического и полемического характера. Что же касается писем его оппонентов, то из них приводятся — в примечаниях к соответствующим письмам Рикардо — лишь важнейшие положения, если, конечно, Рикардо сам не приводит их в своих ответах.

М. Смит

ПИСЬМА
К Т. МАЛЬТУСУ

ВВЕДЕНИЕ

В письмах Рикардо к Мальтусу ярко обрисовываются как социальный облик одного и другого, так и совершенно различные базы их экономических теорий. Внешне полемика ведется в любезных тонах и письма почти всегда содержат добрые пожелания, приветствия, сообщения о семейных обстоятельствах и т. п. Но это отнюдь не снижает остроты и глубины полемики.

Основной теоретической базой, пронизывающей все споры, является *теория стоимости*.

Теория стоимости Рикардо изложена в его основной работе — «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817 г.). Маркс отмечает: «Так как Рикардо... наиболее последовательно сформулировал и развил определение меновой стоимости рабочим временем, то, естественно, против него и направляется полемика, поднятая экономистами»¹.

Полемика эта продолжается и в письмах. В переписке с Мальтусом ей отведено немало места. В письмах к нему Рикардо снова и снова утверждает свою теорию: «Ничто не имеет для меня так мало значения, как повышение и понижение денежной цены товаров. Крупные вопросы, на которых мы должны фиксировать свое внимание, это... увеличение или уменьшение количества труда, необходимого для возделывания хлеба или производства промышленных товаров»². В письме от 9 октября 1820 г. к Мальтусу он пишет: «Вы говорите, что спрос и предложение регулируют стоимость. Сказать так — значит, по моему мнению, ничего не сказать...»³

Но для Мальтуса основой теории стоимости является «великий принцип предложения и спроса». Он утверждает, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 47.

² Письмо от 28 сентября 1821 г. См. стр. 126 настоящего тома.

³ См. стр. 111.

отношение спроса к предложению «всегда является основным моментом, определяющим цены и прибыли»¹. Мальтус утверждает также, что изменение цен на зерно никак не связано с затратами труда, необходимого для выращивания его. Все это повторяется много раз и выдвигается в качестве критических аргументов против теории Рикардо.

Впрочем, под конец переписки Мальтус тоже начинает рассуждать о «стоимости труда». Здесь его аргументация столь бессмысленна и противоречива, что, читая его письма, трудно даже уследить за развитием его аргументов. Он то заявляет, что стоимость товара равна стоимости затраченного труда плюс «прибыль на затраченный труд», то утверждает, что труд всегда и везде создает одинаковую стоимость. И под конец, поговорив о труде, он все же возвращается к спросу и предложению, утверждая, что «предложение, поступающее от труда одного и того же количества и качества, будет в среднем пропорционально спросу»².

В ответных письмах Рикардо на эти рассуждения Мальтуса меняется даже его обычный тон. Почти исчезают приветствия и семейные новости, все письма наполнены решительной, настойчивой аргументацией в защиту правильной теории. Местами она страдает неясностью, отрывчатостью, не всегда удачной терминологией, но все же уничтожает аргументы Мальтуса полностью.

«Мерой стоимости» Рикардо считает труд, затраченный на производство товара, создающий и заработную плату и прибыль. Металлические же деньги, которыми измеряется стоимость товара, — тоже товар, имеющий стоимость и являющийся «стандартом» ее. Рикардо неоднократно указывает Мальтусу, что, кроме живого труда, надо учитывать и капитал, т. е. прошлый труд, создавший средства производства. Свою меру стоимости Рикардо считает, однако, применимой к большинству товаров, но не ко всем: «Самое большее, что может сделать человек, — это найти меру, применяемую в большом числе случаев и не очень сильно отклоняющуюся от точности во многих других случаях»³.

Рикардо не мог подняться до гениально простого определения меры стоимости К. Маркса как «среднего, общественно необходимого труда». Это определение включает и учет капитала, т. е. средств производства, влияющих на производительность труда или на количество рабочего времени, нужного для создания того или иного товара в ту или иную эпоху.

¹ Примечание к письму Рикардо от 11 августа 1814 г. См. стр. 37.

² Примечание к письму Рикардо от 15 августа 1823 г. См. стр. 147.

³ Письмо Рикардо от 15 августа 1823 г. См. стр. 152.

В своем споре с Мальтусом Рикардо подходил иногда довольно близко к такому пониманию вопроса, но не мог сформулировать его с достаточной полнотой и четкостью.

* *
*

Каковы же важнейшие социальные проблемы, о которых ведется полемика? Это главным образом *рента*, получаемая лендлордами, и связанные с ней *хлебные законы*; далее, это *прибыль*, получаемая владельцами капитала, и *заработная плата*, получаемая обладателем рабочей силы, а также некоторые экономические и политические вопросы более общего характера.

В процессе полемики четко выявляется социальный облик как Рикардо, так и Мальтуса.

Рикардо — идеолог промышленного капитализма, борющийся с крепкими еще феодальными устоями, всячески отстаивающий свободный ввоз хлеба, а тем самым и дешевый хлеб, как основу низкой цены рабочей силы и, следовательно, высоких прибылей. Все его доводы исходят ведь из определения вновь созданной стоимости как суммы заработной платы (цены рабочей силы) и прибыли. Но чтобы хлеб и другие продукты первой необходимости были дешевы и цена рабочей силы невысока, рента, т. е. доля лендлорда в сельскохозяйственной продукции, не должна быть высока. «...Рента, — говорит Рикардо, — всегда вычитается из прибыли с капитала», она «ни в коем случае не создает богатства (как это утверждает Мальтус. — *М. С.*); она представляет всегда часть уже созданного богатства...»¹

Повышение цены на хлеб, говорит Рикардо в другом письме, «сопровождается меньшим количеством прибавочного продукта», но из этого последнего «землевладелец получает столь большую часть, что... положение фермера постоянно ухудшается». Фермеров Рикардо, естественно, относил к капиталистам.

Таковы его взгляды на ренту и ее получателей — лендлордов.

Взгляды Мальтуса на ренту и ее получателей диаметрально противоположны взглядам Рикардо. Для него «рента является созданием, а не перенесением богатства», а увеличение ее есть «увеличение национального дохода». Мальтус говорит при этом, что рента поднялась в результате роста капиталовложений и технических улучшений в земледелии, но эти капиталовложения сделаны «на основе высокой цены на зерно.

¹ Письмо Рикардо от 6 февраля 1815 г. См. стр. 49.

Разве это не рост богатства?»¹ Итак, в основе всего — высокая цена на хлеб для народа; а «рост богатства» состоит не в улучшении аграрной техники и, следовательно, в большей производительности труда, а в увеличении ренты.

В других письмах Мальтус всячески защищает хлебные законы, ограничивающие ввоз дешевого хлеба. Одновременно он увязывает эти ограничения с «уменьшением капитала». Последнее должно явиться результатом введения ограничений и привести к росту прибыли и процентов. «Вы согласитесь, — говорит он, обращаясь к Рикардо, — что высокая норма прибыли и процента чаще является спутником бедности, чем изобилия»².

Итак, заботы о росте ренты в результате введения хлебных законов трогательно сочетаются у Мальтуса с заботой о высокой норме прибыли и процента, являющейся «спутником бедности».

О «преимуществах» высоких цен на хлеб и сырье сельскохозяйственного происхождения Мальтус говорит и в ряде других мест, заявляя, в частности, что «общее падение цен неизбежно сопровождается бедствиями», причем под «бедствиями» подразумеваются недостаточно высокие, с его точки зрения, рента и норма прибыли.

Не меньший интерес представляет и полемика Рикардо и Мальтуса о заработной плате, прибыли и о положении рабочих.

Рикардо, как мы знаем, ставит величину заработной платы в зависимость от стоимости рабочей силы и всячески ратует за дешевый хлеб (за усовершенствование в земледелии, против хлебных законов и т. д.). Вновь созданная стоимость — это сумма заработной платы и прибыли, и при уменьшении одного слагаемого увеличивается второе. Эти чисто арифметические рассуждения имеют, конечно, и определенную социально-экономическую базу — стремление к быстрейшему развитию промышленного капитализма.

И все же ни в своих теоретических работах, ни в переписке Рикардо нигде не проявляет хищнических тенденций по отношению к рабочим. Наоборот, в ряде писем мы находим известное внимание к их положению.

В письме от 21 октября 1817 г., как бы отвечая на все рассуждения Мальтуса о благах дороговизны и «бедствиях», приносимых низкими ценами на хлеб и другие продукты первой необходимости, Рикардо заявляет: «...бедствия, которые приносит дороговизна, падают исключительно на рабочие классы..»

¹ Примечание к письму Рикардо от 20 августа 1818 г. См. стр. 100.

² Примечание к письму Рикардо от 25 июля 1814 г. См. стр. 35.

рабочие часто затрачивают больше труда, не только не получая прежнего количества пищи и предметов первой необходимости, но часто не получая даже прежней стоимости в виде заработной платы или прежнего вознаграждения в деньгах, в то время как все стало дороже»¹. Еще раньше, в письме от 4 сентября 1817 г., отвечая на рассуждения Мальтуса о перенаселении в Ирландии и его предложение переселять часть сельского населения в промышленные центры, Рикардо говорил о возможности для рабочего удовлетвориться и скромным достатком. Он также заметил: «И в конце концов мы ведь не знаем, достанется ли все это на его долю. Может случиться, что его труд только увеличит наслаждения его нанимателя»².

Эти и другие аналогичные замечания свидетельствуют о том, что позиция идеолога промышленного капитализма не мешала Рикардо видеть и ряд явлений, присущих капиталистической эксплуатации труда.

В полной мере проявляет по этому вопросу Мальтус свойственную ему «низость мысли» (Маркс). Он ведь способен делать «только такие выводы, которые «приятны» (полезны) аристократии против буржуазии и им обоим *против* пролетариата»³.

Письма Мальтуса полны высказываний, сетующих на возможность падения нормы прибыли в связи с изменениями заработной платы; в то же время он увязывает необходимость снижения последней со своей теорией населения: «Увеличение денежной заработной платы при условии неизменной стоимости денег, — пишет он, — отнюдь не является необходимым при расширении обработки земли до крайних пределов. Необходимо лишь, чтобы цена хлеба поднялась до такой точки, на которой при фиксированном уровне заработной платы должен остановиться дальнейший рост населения»⁴. Таким образом, прославление Мальтусом благ дороговизны оказывается тесно связанным с теорией населения. Высокий уровень дороговизны — предел роста населения.

Еще определеннее и циничнее его высказывание о причинах «застоя в промышленности и торговле».

«...Непроизводительное потребление землевладельцев и капиталистов является абсолютно необходимым для поддержания высокого уровня прибылей... Что же касается до непроизводительного потребления рабочих классов, превышающего то, что им необходимо как для работы, так и для размножения..., оно

¹ См. стр. 93—94.

² См. стр. 92.

³ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), часть II, М., 1957, стр. 110 и 111.

⁴ Примечание к письму Рикардо от 21 сентября 1819 г. См. стр. 101.

оказывает на прибыли совершенно противоположное действие»¹. Отсюда вывод, что причиной застоя является «неправильное распределение продуктов между рабочими и капиталистами». Вполне откровенное высказывание Мальтуса, опять-таки связанное с его теорией населения.

В одном из своих писем Рикардо касается пресловутой работы Мальтуса о населении и вскрывает ряд арифметических ошибок в ходе вычислений Мальтуса.

Важнейшая из поправок Рикардо следующая: «... ваши средние основаны на арифметической прогрессии, а вы применяете их к геометрическим рядам. Спрашиваю, правильно ли это?»²

Рикардо ограничивается лишь коротким вопросом: «правильно ли это?» Но у читателя, естественно, напрашивается вопрос: не основана ли вся теория населения Мальтуса на математически неправильных построениях, явно подогнанных под его социальные установки?

В письмах Рикардо и Мальтуса имеются и некоторые высказывания по поводу происходящих политических событий. Так, в 1818 и 1819 гг., когда в ряде крупных городов Англии — Лондоне, Манчестере и др. происходили народные волнения и рабочие демонстрации выдвигали требования введения всеобщего избирательного права, Мальтус в письме к Рикардо с ужасом и негодованием заявляет, что результатом введения всеобщего избирательного права будет самая «кровопролитная революция», какую только он, Мальтус, может себе представить; она произойдет благодаря осуществлению тех «угроз», которые раздавались «на митингах, собиравшихся за последнее время». Участникам этих митингов, «очевидно, внушали, что такая реформа полностью избавит их от всех бедствий». Но так как они будут в этом разочарованы, то «в стране начнется эра убийств, которые приостановит только военный деспотизм». Ведь в Англии, вопит трус Мальтус, революция будет гораздо ужаснее, чем во Франции, поскольку промышленное население в Англии начала 19-го века гораздо больше, чем во Франции конца 18-го века.

Рикардо, относившийся также отрицательно к происходившим волнениям, на эти трусливые вопли Мальтуса отвечает в очень спокойном тоне. Если всеобщее избирательное право

¹ Примечание к письму Рикардо от 21 июля 1821 г. См. стр. 118.

² Письмо Рикардо от 8 февраля 1817 г. См. стр. 89.

является радикализмом¹, то Рикардо отнюдь не склонен к нему «после того, как был свидетелем действий Хэнта, Уотсона и К^о»². Тем не менее Рикардо не считает «достаточной гарантией хорошего правительства» ту «умеренную реформу», на которую готов согласиться Мальтус. «Ваш план реформы... настолько же слишком умерен, насколько план всеобщего голосования слишком радикален». Возражает Рикардо и против утверждения Мальтуса, согласно которому люди верят, что всеобщее избирательное право избавит их от всяческих бедствий. «Я не могу так низко оценивать мышление благонамеренных людей, чтобы предполагать их искренне верящими в блага парламентской реформы: она-де даст им работу или освободит страну от уплаты тяжелых налогов... В речах, которые адресуются к толпе, я также не нахожу подобных экстравагантных обещаний». Не согласен он и с выкриками Мальтуса об ужасах революции. Лишь «несколько злонамеренных людей» могли бы воспользоваться революцией в целях личной наживы, ибо «такая цель должна быть по душе очень небольшому числу людей»³. Позиция Рикардо, как видим, резко отличается от позиции Мальтуса. Трезвая оценка положения, полное отсутствие подлой трусости, свойственной Мальтусу, и в то же время по вопросу об избирательном праве одобрение лишь некоей умеренной позиции, дальше которой он не решается идти.

Но политическое лицо Рикардо вырисовывается особенно рельефно в его письме по поводу проведения в парламенте в 1815 г. закона о пошлинах на ввозной хлеб. В Лондоне в течение трех дней происходили народные волнения в порядке протеста против нового закона. По поводу этих волнений Рикардо — сам убежденный противник хлебных законов — писал: «Сожалею, что народ прибег к беспорядкам и оскорблениям... Я убежден, что они скорее вредят, чем способствуют достижению цели, которую народ и я имеем в виду»⁴.

«Народ и я!» — Это смелое сопоставление не соответствует действительности, ибо народ боролся за дешевый хлеб, а Рикардо — за дешевую рабочую силу для развивающегося промышленного капитализма Англии. Именно в этом заключается сущность его экономических и политических взглядов.

¹ Термин, под которым в тогдашней Англии понималось леводемократическое направление. — *Прим. ред.*

² Вожди народных волнений в Лондоне и Манчестере в 1818 и 1819 гг.

³ Письмо Рикардо от 9 ноября 1819 г. и примечание к нему. См. стр. 103.

⁴ Письмо Рикардо от 9 марта 1815 г. См. стр. 52—53.

Мальтус и Рикардо. Две теоретические базы, два социальных облика. С одной стороны — мракобес, трус, невежда и ярый защитник уходящего из жизни уклада, как Мальтус, с другой — обладающий огромной смелостью мысли и сделавший большой шаг вперед в развитии науки политической экономии и в то же время ограниченный рамками своей «буржуазной шкуры» идеолог капитализма — Рикардо.

М. Смит

Трогмортон стрит, 18 июня 1811 г.¹

Спешу ответить на ваше любезное письмо и постараюсь по мере сил устранить те немногие ваши возражения, которые мешают нам придерживаться одного и того же мнения по вопросу о деньгах и о законах, регулирующих их стоимость в странах, поддерживающих постоянные торговые отношения друг с другом. В этой дискуссии я преследую только ту цель, о которой говорите и вы, а именно распространение истины; если, однако, я не сумею убедить вас и вы пожелаете изложить свои взгляды в печати, то для меня не важно, упомянете вы мое имя или нет. Я убежден, что вы сделаете именно то, что должно наиболее полно содействовать установлению истинных принципов науки.

Я не вижу никакого существенного различия между слитками и любым другим товаром, поскольку дело идет о регулировании их стоимости и о законах, определяющих их вывоз или ввоз. Верно, что золото в слитках является не только товаром, находящим себе применение в ремеслах, оно было также повсеместно признано как мера стоимости и средство обмена; но на этом основании оно не было еще вычеркнуто из числа товаров. Был найден новый способ использования данного определенного товара, и вследствие этого увеличился спрос на него и выросло предложение его. Этот новый способ использования золота превратил каждого человека в торговца слитками; их покупают, чтобы снова продать, и общая конкуренция всех

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 16 июня 1811 г. Последний, ознакомившись с некоторыми статьями Рикардо по финансовым вопросам, обратился к нему с двумя возражениями:

1) Раз драгоценные металлы используются в качестве «средства обмена», то между ними и другими товарами существует «реальное различие».

2) Утверждение Рикардо об избытке находящихся в обращении денег с точки зрения Мальтуса неправильно. — *Прим. ред.*

торговцев ими будет так же несомненно и так же строго регулировать их стоимость в каждой стране; конкуренция тех же или других торговцев регулирует таким же образом стоимость всех других товаров. Вы дали свою санкцию¹ на то, чтобы называть продавцом слитков всякого покупателя товаров, и, хотя на языке торгового люда продавцы денег во всех случаях называются покупателями, все же, несмотря на это, не менее верно и то, что они являются продавцами одного товара и покупателями другого. Природа зерна не изменилась, когда было открыто, что его можно использовать по-новому, с помощью брожения и перегонки; и если мы впоследствии откроем, что зерно можно использовать еще для сотни других целей и тем способствовать росту комфорта и удовольствий людей, то спрос на него возрастет и цена его в первое время значительно повысится, но это будет единственным изменением, которому оно подвергнется; его по-прежнему будут ввозить и вывозить согласно тем же правилам, как и всякий другой товар. Мы, без сомнения, в этом пункте с вами не расходимся; вам остается поэтому лишь показать, почему новое использование золота, явившееся результатом признания последнего в качестве мировых денег, должно освободить его от действия всеобщего закона конкуренции и почему оно не может столь же определенно и неизменно тяготеть к наиболее выгодному рынку (неизменно только в том смысле, в каком этот термин применяется к другим товарам).

Возможно, что слово «избыток» было не совсем удачно выбрано мною для выражения того впечатления, которое произвел на меня факт неблагоприятного торгового баланса; но, просматривая статью в (Эдинбургском) «Обзрении», я убедился, что вы употребляете это слово точно в таком же смысле, какой хотел ему придать я; ведь вы допускаете, что относительно избыточное количество находящихся в обращении денег может быть и часто бывает причиной неблагоприятного торгового баланса. Но вы утверждаете, что это не его единственная причина. Ну, а я при моем понимании этого слова утверждаю, что это его неизменная причина. Эта относительная избыточность может быть вызвана как уменьшением количества товаров, так и фактическим возрастанием количества денег в обращении (или, что то же самое, возросшей экономией в тратах) в одной стране или же быть результатом увеличения количества товаров или уменьшения количества денег в другой. В каж-

¹ В статье-обзоре (Мальтуса) о взглядах Рикардо и других на золото в слитках, помещенной в «Edinburgh Review» за февраль 1811 г. (см. кембриджское издание, т. VI, стр. 24).

дом из этих случаев избыток денег создается так же верно, как если бы рудники стали более производительными. Я не отрицаю, что стоимость драгоценных металлов подвергается временным колебаниям; напротив, я утверждаю, что эти колебания никогда не прекращаются, но я приписываю их все одной причине, а именно избытку находящихся в обращении денег, образуемому в результате указанных выше причин, а не спросу на отдельные товары. Этот спрос, по моему мнению, регулируется относительным состоянием денежного обращения; он является не причиной, а следствием. Мне кажется, что вы недостаточно принимаете во внимание обстоятельства, которые побуждают одну страну входить в долг по отношению к другой. Во всех приводимых вами случаях вы всегда предполагаете, что долг уже заключен, и забываете о том, на чем я неизменно настаиваю, а именно, что мотивом заключения долга является относительное состояние денежного обращения. Я говорю, что зерно не будет покупаться, если деньги не будут относительно избыточны; вы отвечаете мне, исходя из предположения, что оно уже куплено и что вопрос только в платеже. Купец не станет покупать зерно в долг в другой стране, если он не уверен, что получит за него больше денег, чем он обязался уплатить за него; если бы торговля двух стран ограничивалась этими сделками, то для меня это служило бы удовлетворительным доказательством того, что деньги избыточны в одной стране, а зерно — в другой. Это доказывало бы также, что избыточны только деньги. В самом деле, если бы сахар экспортировался каким-либо другим торговцем, долг за зерно уплачивался бы без вывоза денег. Я сказал бы также, что сахар — избыточный товар; и вывоз сахара — более избыточного товара, уменьшая общее количество товаров, повысил бы стоимость денег, так что по истечении короткого времени, если бы зерно продолжали ввозить, а сахар — вывозить, деньги перестали бы быть избыточными даже по сравнению с зерном. Ваше замечание относительно особых издержек, сопровождающих вывоз громоздких товаров, вполне верно, но во всех наших спорах мы должны предполагать, что эти издержки составляют часть цены товара; наше сравнение сделано на основании цен, по которым импортер может продавать их, а эти цены необходимо включают издержки всякого рода.

Я не думаю, чтобы знание номинального вексельного курса на Ямайке проливало бы какой-нибудь свет на спорный вопрос. Постараюсь, однако, познакомиться со всеми деталями этого дела и надеюсь, что в ближайшую субботу буду в состоянии посетить вас в Гертфордшире и тогда мы сможем далее обсудить все эти кажущиеся трудности.

Нью Гров Майл энд, 17 июля 1811 г.¹

Я очень жалею, что вероятность достигнуть в конце концов соглашения по вопросу, который в последнее время привлекал наше внимание, так не велика для нас с вами. Ваше определение слова «избыточный» в применении к денежному обращению меня не удовлетворяет. Следует, конечно, признать, что повышение *цены одного товара*, как это имеет место при недостатке хлеба, должно сопровождаться падением цен всех других, но почему же все-таки при таких обстоятельствах невозможен избыток денег в обращении? Я думаю, что количество денег в обращении должно быть рассматриваемо в целом и что его следует сравнивать со всей совокупностью товаров, которое оно приводит в движение. Предположим, что после неурожая количество денег в обращении более избыточно по отношению к товарам, чем перед неурожаем, тогда как в других странах не произошло подобного сдвига в отношении между деньгами и товарами; в этом случае ни одно выражение не может, я думаю, определить положение вещей правильнее, чем выражение «относительный избыток количества денег в обращении». При таких обстоятельствах не только деньги, но и все другие товары стали дешевле по сравнению с хлебом и экспортировались бы поэтому в обмен на хлеб при наличии спроса на него в данной стране. В этих условиях я подразумеваю под относительным избытком относительную дешевизну и считаю, что при обычных условиях вывоз товара всегда является доказательством такой дешевизны. Право, я не мог ожидать, что по вопросу о сравнительной дешевизне денег, как о единственно удовлетворительном доказательстве их избытка, у меня будет какое-либо разногласие именно с вами; ведь вы признаете, что количество денег, находящееся в обращении в какой-либо стране, регулируется их стоимостью и может поэтому быть относительно избыточным, хотя и состоит всего из 1 млн., или недостаточным, хотя бы оно равнялось 100 млн. Конечно, если бы я думал, что разногласие между нами ограничивается вопросом о правильном употреблении слова, я немедленно уступил бы по этому пункту, но я убежден, что мы расходимся в принципе. Вы придерживаетесь того мнения, что неурожай повышает цену хлеба, но понизит в некоторой степени цены других товаров. Окажет ли он такое действие или

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 14 июля, в котором последний интерпретирует по-своему значение слова «избыток» в применении к денежному обращению». Оно применимо, утверждает Мальтус, только в условиях «сравнительного повышения цен» и совершенно не применимо в условиях, при которых «повышение цен на одни товары непременно сопровождается падением их на другие, как это имеет место при недостатке хлеба или других необходимых продуктов». — *Прим. ред.*

нет — это не существенно; но если бы ваше мнение было правильно, то тогда по-моему не было бы совершенно вывоза денег, потому что деньги не были бы самым дешевым экспортным товаром. Если бы до неурожая деньги имели одинаковую стоимость в каких-либо двух странах или, другими словами, если бы цены всех экспортных товаров без исключения были одинаковы в обеих странах, то, с вашей точки зрения, после неурожая цены всех товаров понизились бы в той стране, где он имел место. Пока цены были бы неравны в двух странах, товары вывозились бы только в обмен на хлеб, и тогда между нами не было бы никакого разногласия, потому что мы расходимся по вопросу о причине вывоза денег. В самом деле: вы сказали, что иностранный рынок может быть переполнен товарами¹. Как, переполнен товарами при более высоких ценах! Это невозможно: эти два обстоятельства несовместимы. Если цена какого-либо товара составляла 20 ф. ст. в обеих странах и вследствие неурожая понизилась до 15 ф. ст. в одной из них, то в другой не могло бы иметь места переполнение рынка этим товаром до тех пор, пока цена его не упала бы и там до 15 ф. ст. Не только цена одного товара должна упасть на иностранном рынке, но должны упасть также цены всех товаров (вы ведь предполагаете, что цены всех товаров упали в Англии), прежде чем деньги смогут быть вывезены в обмен на хлеб; в этом случае я признал бы, что деньги могли бы вывозиться, но даже тогда это было бы так только потому, что они более дешевы в целом по сравнению с товарами в вывозящей стране; а это, по моему убеждению, есть доказательство их относительного избытка.

Вы утверждаете, что благодаря плохому урожаю деньги становятся дешевле по сравнению с хлебом, но по отношению ко всем другим товарам они стоят дороже, чем прежде; а затем вы настаиваете — и это мне кажется непоследовательным, что этот товар, ставший таким образом редким и дорогим, будет экспортироваться, хотя до того, как повысилась его стоимость, он не проявлял тенденции оставить наш рынок; имеются при том же товары, цены которых претерпели противоположное изменение и которые стали дешевле, тогда как прежде были дороже, но которые мы все же будем упорно стремиться удержать для себя. С такого рода рассуждениями я не могу примириться.

Что касается другого положения, согласно которому вексельный курс точно измеряет обесценение денег, то я могу только скромно остаться при этом мнении, несмотря на то что против меня высказались высокие авторитеты. Я не думаю

¹ В вышеупомянутой статье в «Edinburgh Review».

утверждать, что лихорадочное состояние вексельного курса, вызванное, например, субсидией, предоставленной иностранной державе, точно измеряет стоимость денег, потому что спрос на деньги, обусловленный такой причиной, не был бы следствием естественного развития торговли страны. Результатом такого спроса явилось бы поэтому форсирование вывоза товаров из-за премии, которую поставлял бы вексельный курс. После выплаты субсидии вексельный курс стал бы снова точно выражать стоимость обращающихся денег. Тот же результат, как и в случае с субсидией, получился бы благодаря расходам правительства в другой стране. Естественной тенденцией таких расходов является создание неблагоприятного вексельного курса; но если спрос на векселя регулярен, то приходится удивляться, что премия на вывоз уменьшается благодаря конкуренции между экспортерами товаров. Я придерживаюсь того мнения, что если при обычном ходе дел произошло бы — в силу какого-либо из так часто упоминавшихся обстоятельств — незначительное изменение в стоимости денег каких-либо двух стран, то это вскоре отразилось бы на вексельном курсе; а если бы такое положение вещей продолжалось постоянно, вексельный курс не проявил бы тенденции к выравниванию. Факты показывают, однако, достаточно ясно, что в соотношениях между денежным обращением и товарами разных стран нет никакого постоянства: они подвергаются постоянным колебаниям, всегда приближающимся к известному абсолютному уровню, но никогда в действительности не совпадающим с ним. Надеюсь, я не утомил вас защитой отстаиваемых мною мнений. Уверяю вас, что я не придерживаюсь упрямо какой-либо системы и готов отказаться от тех или иных своих взглядов, как только убеждаюсь, что они неправильны.

Тромборг стрит, 22 октября 1811 г.¹

Я чрезвычайно обязан вам за труд, который вы взяли на себя по просмотру посланных мною рукописей, и за замечания, которые вы на них написали.

Несмотря на ваше лестное поощрение, я не думаю, что буду иметь достаточно уверенности в себе, чтобы снова выступить публично; цель, которую я имел в виду, полностью до-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 20 октября 1811 г. В этом письме Мальтус снова подтверждает свое несогласие с Рикардо по вопросу об избытке обращающихся денег. По мнению Мальтуса, нельзя говорить «об избытке или дефиците обращающихся денег», если «эти термины могут быть ... поняты как единственная причина колебаний вексельного курса». Мальтус заявляет также, что, по его мнению, «введение в обращение драгоценных металлов преследует другие цели, а не восстановление уровня (стоимости) денег». — *Прим. ред.*

стигнута: общественное внимание пробуждено, и дискуссия находится теперь в самых надежных руках. Я сожалею, однако, что вы не можете прийти к признанию моей доктрины, согласно которой вексельный курс не подвергается влиянию никаких других причин, кроме одной: отношению между количеством денег в обращении и теми нуждами, для которых они требуются в различных странах земного шара. Возможно, это происходит оттого, что вы толкуете мое положение слишком прямолинейно. Я хочу доказать, что, если бы нации верно понимали свои собственные интересы, они вывозили бы деньги из одной страны в другую только при наличии сравнительного излишка их. В самом деле, я исхожу из предположения, что в своих коммерческих сделках нации весьма бдительно учитывали свои выгоды и прибыли, в особенности при современном усовершенствованном состоянии разделения в использовании имеющегося капитала, благодаря чему деньги на деле приходят в движение только в том случае, когда это выгодно как стране-отправителю, так и стране-получателю. Первый подлежащий рассмотрению пункт — в чем заключаются интересы страны в предположенном случае? Второй пункт — какова их практика? Вполне очевидно, что у меня нет нужды особенно настаивать на последнем пункте; для меня будет достаточно, если я смогу ясно доказать, что интересы публики именно таковы, какими я их показал. Сказать, что люди не знают самого лучшего и самого дешевого способа вести свои дела и платить свои долги, не было бы ответом мне, потому что это вопрос факта, а не науки; такое же возражение может быть выдвинуто почти против любого положения политической экономии. Вам остается поэтому доказать, что возможен и такой случай, когда в интересах нации уплата долга путем пересылки денег окажется предпочтительной перед всяким другим способом, т. е. когда деньги не являются самым дешевым экспортным товаром и когда на деньги (принимая в расчет все издержки, с которыми связан вывоз различных товаров, как и денег) нельзя будет купить за границей больше товаров, чем в своей стране. Вы, мне кажется, неоднократно допускали, что вывоз товаров регулируется их относительными ценами. А раз это так, то разве не столь же несомненно, что деньги направятся в ту страну, где большая часть товаров дешева, поскольку эти товары направятся в любую другую страну, где большая часть товаров дорога. Я говорю «большая часть» потому, что если бы девизина половины экспортных товаров балансировалась дороговизной другой половины в обеих странах, то ясно, что торговля таких стран ограничивалась бы только обменом товаров. Когда вы говорите, что деньги направляются за границу в уплату долга или субсидии или для закупки хлеба, хотя они

и не находятся в избытке, и в то же время допускаете, что деньги скоро вернуться и будут обменены на товары, вы как будто допускаете все, на чем я настаиваю, а именно: что в интересах обеих стран экономить расходы по вывозу денег, если в стране, являющейся должником, нет избытка денег, так как за этим последуют другие бесполезные расходы — расходы по отсылке денег обратно.

Если в какой-нибудь стране импортные товары дороги и вместе с тем этой дороговизне не соответствует дешевизна экспортных товаров, то количество денег в такой стране выше естественного уровня, и деньги неизбежно должны вывозиться в уплату за дорогие товары; но что доказывает такое положение вещей, как не избыток денег, находящихся в обращении? Можно с уверенностью и вполне правильно сказать, что деньги вывозятся, чтобы восстановить естественный уровень, а не нарушить его.

Нью Гров Майл энд, 22 декабря 1811 г.¹

Я желаю исправить некоторые ошибки в рукописях, которые я вам оставил. Эти ошибки, как и многие другие, я обнаружил благодаря остроумным аргументам, которые вы противопоставили моим заключениям. В своих попытках проследить влияние субсидии на форсирование вывоза товаров я установил, если мне не изменяет память, что они вызовут, во-первых, спрос на векселя; во-вторых, вывоз всех тех товаров, цены которых в обеих странах настолько различны, что для вывоза их требуется только ничтожный стимул в виде первого же понижения вексельного курса; в-третьих, действительное изменение в относительном уровне цен, т. е. повышение их в вывозящей и понижение во ввозящей стране, в такой степени притом, чтобы уравновесить выгоду от неблагоприятного вексельного курса, и, наконец, дальнейшее падение вексельного курса и последующий вывоз дополнительного количества товаров, а затем и денег, до тех пор, пока не будет выплачена субсидия. Если субсидия невелика, то она будет выплачена, по-видимому, целиком путем вывоза товаров, поскольку падение вексельного курса будет достаточно, чтобы поощрить их вывоз, но не достаточно, чтобы поощрить вывоз денег. Если бы вывоз денег производился в той же пропорции, что и вывоз товаров, т. е. если предположить, что товары какой-либо страны равны 100, а деньги — 2, и при этом не меньше чем 1/50 вывоза в уплату субсидии будет состоять из денег, то после такой уплаты цены останутся прежними в обеих странах; и

¹ См. примечание на стр. 22.

хотя вексельный курс должен был при этом понизиться до того предела, при котором вывоз денег становится выгодным, он немедленно проявит тенденцию к восстановлению прежнего уровня и через короткое время — к повышению до паритета. Но именно потому, что деньги будут вывозиться в меньшей пропорции, вексельный курс будет постоянно оставаться неблагоприятным и будет проявлять тенденцию к повышению не в большей степени, чем к падению.

Полагаю, вы допускаете, что в случае увеличения количества денег в обращении на 2%, хотя бы последние и были целиком металлическими, цены товаров в нашей стране поднялись бы на 2% выше прежнего уровня и что, поскольку такое повышение ограничится только нашей страной, оно помещает вывозу и будет содействовать ввозу. Следствием этого будет увеличение спроса на векселя и падение вексельного курса. Это повышение цен и падение вексельного курса, являющиеся результатом такого положения, какое вы не отказываетесь назвать избыточным денежным обращением, будут не временными, а постоянными, если только они не будут скорректированы уменьшением количества обращающихся денег у нас или изменением в относительном количестве их в других странах.

Что таковы были бы последствия прямого увеличения количества денег в обращении — это, я думаю, вы допустите лишь с незначительными оговорками; так как неурожай или предоставление субсидии приводит к таким же последствиям, а именно к относительно высокому уровню цен внутри страны, сопровождающемуся неблагоприятным вексельным курсом, то и для этих последствий допустимо только то же лечение. Поскольку же в случае увеличения количества обращающихся денег вексельный курс не будет проявлять тенденции к повышению, он не будет проявлять этой тенденции и в случае предоставления субсидии: ведь в обоих случаях он вызывается избытком находящегося в обращении денег или, говоря более популярным языком, — относительным состоянием цен, которое делает вывоз денег чрезвычайно прибыльным.

Я постоянно утверждал, что деньги всего мира распределены между различными странами соответственно объему их торговли и их платежам и что если бы в какой-либо стране в силу той или иной причины количество денег превзошло такую пропорцию, то избыток был бы непременно вывезен и разделен между другими странами. Я, однако, всегда предполагал, что мои читатели поймут меня правильно, т. е. что таковы будут факты только при условии, если деньги могут вывозиться без всяких издержек. Если издержки вывоза денег во Францию составляют 3%, в Вену — 5, в Россию — 6 и в Ост-Ин-

дию — 8%, то денежное обращение Англии может превысить свой естественный уровень по сравнению с этими странами на 3, 5, 6 и 8% соответственно, а следовательно, вексельный курс может постоянно оставаться неблагоприятным в этих пропорциях. Если уж получился излишек обращающихся денег, то неблагоприятный вексельный курс должен будет держаться до тех пор, пока не наступит какое-нибудь изменение в их относительном количестве. Условия возникновения такого изменения многочисленны, и они детально рассмотрены в рукописях, которые я вам оставил. Особенно настоятельно я обращаю ваше внимание на точное совпадение результатов увеличения количества обращающихся денег и результатов субсидии; ведь на таком совпадении основывается весь успех аргументации, выдвигаемой мною в пользу моего мнения, согласно которому неблагоприятный вексельный курс не проявляет тенденции выравниваться сам собой.

Может быть, кто-либо будет утверждать, что относительно высокий уровень цен внутри страны, вызванный увеличением количества денег в обращении, является естественным следствием этой причины, но что это не так в случае наличия субсидии: что вывоз товаров в уплату за субсидию является вынужденным и что он вызывает переполнение товарами иностранного рынка, и что лишь после того, как субсидия уплачена и необходимость в вывозе исчезнет, цены на иностранном рынке поднимутся до их прежнего уровня. Это, однако, будет неверно. Цены товаров в других странах могут несколько повыситься, но не смогут достигнуть прежнего уровня, если только вексельный курс также не повысится до своего паритета; но этого не произойдет, пока спрос на векселя не превысит предложения. При этом цены иностранных товаров, не могущих доставляться в обычном изобилии в период действия субсидии, т. е. при необходимости уплачивать большое сальдо, упали бы на внутреннем рынке; с момента же, когда наши товары принимались бы в обмен, на эти товары предъявлялся бы большой спрос; вывоз наших товаров уравнивался бы ввозом иностранных товаров, и число продавцов векселей было бы не выше и не ниже числа покупателей их.

Лондон, 17 декабря 1812 г.

Мне кажется, что по многим пунктам, связанным с нашим старым спором, мы достигли соглашения, хотя между нами все еще остается некоторое разногласие. В последнее время я уделяю этому меньше внимания, чем вы, и, так как память моя ненадежна, я всегда сожалею, что не набросал на бумаге главных пунктов расхождения в наших спорах. Я не могу

отказаться от мысли, что нет такого неблагоприятного вексельного курса, который нельзя было бы выправить путем уменьшения количества денег в обращении, и считаю это доказательством наличия избыточности их в течение по крайней мере известного времени. Пока вексельный курс неблагоприятен, он всегда сопровождается избытком денег в обращении, хотя не всегда им вызывается.

Биржа, 25 февраля 1813 г.

Вы ясно сформулировали пункт расхождения между нами; я думаю, что мы никогда не понимали друг друга так хорошо, как теперь. Существуют несколько причин, воздействующих на вексельный курс и носящих преходящий характер; есть также другие, более постоянного типа.

Если мы согласны с тем, что перемена во вкусах в одной стране по отношению к товарам другой, а также передача субсидии оказывают известное воздействие на вексельный курс, то единственный спорный вопрос между нами относится к продолжительности этого действия. Я придерживаюсь того мнения, что они будут оказывать влияние в течение очень долгого времени и что на деле придется прибегать к слиткам только как к последнему средству.

Биржа, 24 марта 1813 г.

Мне кажется, что вы приписываете неправильной причине то различие в изменениях цен, которое, вероятно, было бы последствием удвоения, с одной стороны, количества кофе, сахара или индиго, а с другой — количества драгоценных металлов. Кофе, сахар и индиго представляют товары, спрос на которые был бы неизбежно ограничен, хотя они потреблялись бы в большем количестве при значительном падении их стоимости, так как новые способы их употребления не могут быть ни многочисленны, ни разнообразны. Иначе обстоит дело с золотом и серебром. Эти металлы представляют в известной степени редкость и им можно найти новое применение различного рода; понижение их цены вследствие увеличения количества будет всегда сдерживаться не только в силу возникновения спроса на них для тех целей, для которых они и прежде применялись, но и в силу нужды в них для совершенно новых целей. Если бы они имелись в достаточном изобилии, мы могли бы делать из них даже чайники и кастрюли. Именно этому существенному различию между этими товарами, а не тому обстоятельству, что один из них употребляется в качестве средства обращения, я приписал бы различные последствия, которые были

бы результатом увеличения их количества. Однако, с какой бы то ни было точки зрения, я не вижу, какое отношение имеет это к интересующему нас вопросу, а именно, часто ли прибегают к драгоценным металлам для уплаты долгов между странами, если не произошло никакого нарушающего ход вещей изменения в количестве или пропорциях денег в обращении.

Я так же, как и вы, удивляюсь, что введение решительной системы Ванситтарта никак не отразилось на государственных бумагах. Причиной этого явления можно считать отсрочку выпуска новых государственных бумаг, благоприятные известия из-за границы и в первую очередь недостаток сообразительности у большинства держателей государственных бумаг.

Лондон, 10 августа 1813 г.

По дальнейшем размышлении я утвердился в мнении, которое высказал по вопросу о влиянии открытия новых рынков или расширения старых. Весьма охотно допускаю, что со времени войны не только номинальная, но и реальная стоимость нашего вывоза и ввоза возросла; но я не вижу, каким образом это допущение подкрепляет наш взгляд на этот предмет.

Англия могла расширить свою транзитную торговлю при помощи капитала других стран. Вместо того чтобы вывозить сахар и кофе непосредственно из Гваделупы и Мартиники в континентальную Европу, плантаторы этих колоний могут сначала вывозить сахар и кофе в Англию, а из Англии — на континент. В этом случае список предметов нашего вывоза и ввоза увеличится без всякого увеличения британского капитала. Вкус к какому-нибудь иностранному товару мог возрасти в Англии за счет потребления какого-нибудь отечественного товара. Это снова увеличило бы стоимость нашего вывоза и ввоза, но не служило бы доказательством ни общего роста прибылей, ни увеличения материального благосостояния.

Я придерживаюсь того мнения, что увеличение стоимости товаров является всегда следствием либо роста количества денег в обращении, либо увеличения их покупательной силы в результате более экономного способа их использования, но никогда не является причиной таких явлений. Наоборот, уменьшение стоимости товаров — я имею в виду их номинальную стоимость — является главной причиной роста продукции рудников; но увеличение номинальной стоимости товаров никогда не может привлечь деньги в обращение. Оно, несомненно, является следствием, а не причиной.

Биржа, 17 августа 1813 г.

Я принадлежу к числу тех, кто с наибольшей готовностью признает, что мы испытали большой прирост богатства и благосостояния со времени начала войны; но нельзя сказать с уверенностью, что такой рост должен был сопровождаться ростом прибыли или, скорее, повышением нормы прибыли; именно в этом заключается спорный вопрос между нами. Я, однако, вряд ли сомневаюсь в том, что в течение долгого периода, именно того интервала, о котором вы упоминаете¹, норма прибыли была повышенной, но это повышение сопровождалось столь решающими улучшениями в земледелии как у нас, так и за границей, — ибо французская революция в высшей степени благоприятствовала росту производства продуктов питания, — что оно вполне согласуется с моей теорией. Согласно моему умозаключению произошло быстрое возрастание капитала, но оно не проявило себя в низкой норме процента, так как этому мешали новые благоприятные условия в производстве продуктов питания.

Я вполне согласен с тем, что рост стоимости отдельных товаров, вызванный спросом, имеет тенденцию увеличивать количество денег в обращении, но это всегда является результатом дешевизны некоторых других товаров. Поэтому именно их дешевизна является непосредственной причиной выпуска дополнительных денег.

Я не был еще дома с тех пор, как получил ваше письмо. Я перечитаю то место у Адама Смита, на которое вы мне указываете, и подумаю над другими вопросами в вашем письме, чтобы быть готовым изложить вам мою теорию, когда мы встретимся.

Факты, которые вы извлекли из таблиц Уитенхолла, любопытны и едва ли могут быть согласованы с какой-либо теорией. Я приписываю многие из них тому состоянию смуты, в которое Европа была погружена вследствие размеров и характера войны; было бы совершенно невозможно делать на основании их правильные заключения без точного исчисления состояния как действительного, так и номинального вексельного курса за периоды, на которые вы указываете.

Лондон, 30 декабря 1813 г.

Я развлекался один или два вечера, высчитывая вексельный курс, цену золота и т. д. в Амстердаме, и прилагаю результаты моего труда. Я имею все основания думать, что мои

¹ Вероятно, с 1793 по 1813 г. (см. кембриджское издание, т. VI, стр. 94).

ТАБЛИЦА, ПРИЛОЖЕННАЯ К ПИСЬМУ

Цена золота в Амстердаме. Премия по отношению к установившейся цене в 355 гильдеров за марку (в %)	Стоимость марки (8 унций) в текущих гильдерах	Соответствующая цена 1 унция стандартного золота в Лондоне ¹ (ф. ст. шилл. пенс.)	Соответствующая цена унция стандартного серебра в Лондоне (пенсы)	Стоимость унции стандартного золота (в текущих фламандских шиллингах)	Стоимость унции стандартного золота (в фламандских банко-шиллингах) ² лаж 3%
1	2	3	4	5	6
Паритет 355 ф. ст.	355 ф. ст.		68,00	137	133
1	358,55		67,32	138,4	134,3
2	362,10		66,67	139,8	135,7
3	365,65		66,02	141,3	137,2
4	369,20		65,38	142,5	138,6
5	372,75		64,76	143,9	139,8
6	376,30		64,15	145,3	141,1
7	379,85		63,55	146,6	142,5
8	383,40		62,96	148	143,9
9	386,95		62,39	149,3	145,3
	389,37	3 17 10 ¹ / ₂	62,00	150,3	146,0
10	390,50	3 18 1	...	150,7	146,3
11	394,05	3 18 10	...	152,1	147,6
12	397,60	3 19 6 ¹ / ₂	...	153,5	149,0
13	401,15	4 0 3	...	154,8	150,3
14	404,70	4 0 11 ¹ / ₂	...	156,2	151,7
15	408,25	4 1 8	...	157,5	152,9
16	411,80	4 2 4 ¹ / ₂	...	158,9	154,3
17	415,35	4 3 0 ¹ / ₂	...	160,3	155,6
18	418,90	4 3 9	...	161,7	157,0
19	422,45	4 4 5 ¹ / ₂	...	163,1	158,3
20	426	4 5 2	...	164,5	159,6
21	429,55	4 5 10 ¹ / ₂	...	165,8	161,0

¹ Когда цена золота в Голландии превышает 10% премии, а монетный двор в Англии открыт для публики, стандартом в Лондоне будет серебро. Ввиду этого его рыночная и монетная цены будут совпадать, а рыночная цена золота будет выше монетной цены. Когда премия ниже 10%, цена серебра будет выше его монетной цены, и стандартом будет золото. Если бы цена золота в Голландии превышала 9% премии, английский фунт стерлингов оценивался бы в серебре и потому паритет вексельного курса составлял бы неизменно 38,61 текущих фламандских шиллингов и 37,48 банко-шиллингов, если бы лаж составлял 3%.

ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1813 г.

Реальный паритет вендельского курса (в текущих фламандских шиллингах за 1 ф. ст. золотом)	Реальный паритет вендельского курса (в фламандских банно-шиллингах за 1 ф. ст. золотом) лаж 3%	Когда цена золота в Лондоне в банкнотах составляет за унцию (ф. ст., шилл.)	Паритет в слитках должен быть умножен на	Цена стандартного серебра в Лондоне в банкнотах за унцию (шилл., пенсы)	Паритет вендельского курса с Амстердамом в банке, лаж 3%
7	8	9	10	11	12
35,20	34,17	4 0	0,973	5 2	37,48
35,55	34,51	4 1	0,961	5 3	36,88
35,90	34,85	4 2	0,949	5 4	36,30
36,25	35,19	4 3	0,938	5 5	35,75
36,61	35,54	4 4	0,927	5 6	35,21
36,95	35,87	4 5	0,916	5 7	34,68
37,31	36,22	4 6	0,905	5 8	34,17
37,66	36,56	4 7	0,895	5 9	33,67
38,01	36,90	4 8	0,885	5 10	33,19
38,36	37,24	4 9	0,875	5 11	32,72
38,61	37,48	4 10	0,865	6 0	32,27
38,71	37,58	4 11	0,856	6 1	31,84
39,06	37,92	4 13	0,838	6 2	31,42
39,62	38,27	4 15	0,820	6 3	30,98
39,77	38,62	4 17	0,803	6 4	30,58
40,12	38,96	4 19	0,786	6 5	30,17
40,48	39,30	5 0	0,779	6 6	29,79
40,83	39,64	5 2	0,764	6 7	29,41
41,18	39,98	5 4	0,749	6 8	29,04
41,54	40,32	5 6	0,735	6 9	28,69
41,89	40,67	5 8	0,721	6 10	28,33
42,24	41,02	5 10	0,708	6 11	27,99
42,59	41,36			7 0	27,66
				7 1	27,32
				7 2	27,02
				7 3	26,71
				7 4	26,40
				7 5	26,11
				7 6	25,82

² Лаж изменяется, но в этой таблице он для облегчения расчетов предполагается постоянным. Весовая марка = 3798 тройским грамам. Марка делится на 5120 оуен. 200 оуен чистого серебра в гильдере. Золото и серебро продаются в Голландии на марки, — это совершенно чистый металл — британский стандарт для золота — 11 частей чистого металла и одна — лигатуры; для серебра — 11,2 чистого и 18 пеннивайт (1 пеннивайт = 24 грана) лигатуры.

расчеты правильны, хотя меня несколько озадачивают размеры прибыли, видимо, получаемые от ввоза золота из Амстердама, если только цены указаны правильно. Если бы различие состояло в обратном явлении, мы могли бы приписать его тому обстоятельству, что качество голландских денег не соответствует монетному уставу, но в данном случае за гильдеры, какого бы качества ни была их чеканка, золото можно купить на 9,5% дешевле, чем в Лондоне. Мне говорили, что золото, которое не может быть вывезено, значительно понизилось в цене, хотя цена на золото, которое может быть вывезено, сохраняется. Я вполне уверен, что иностранное золото будет дешевле.

Примечание Рикардо к таблице

Столбцы 11 и 12 показывают, направляется ли серебро из Лондона в Амстердам или из Амстердама в Лондон. Предположим, цена серебра в Лондоне составляет 6 шилл. 7 пенс. и вексельный курс на Амстердам — 28 шилл. Против 6 шилл. 7 пенс. в столбце 11 паритет вексельного курса составляет 29,41 в столбце 12; следовательно, при 28 он неблагоприятен для Амстердама, и серебро можно будет вывозить из Амстердама в Лондон с прибылью в 5%. Если бы при тех же обстоятельствах вексельный курс составлял 31, оно могло бы вывозиться в Амстердам с прибылью в 5%.

Столбцы 8, 9 и 10 показывают, из какой страны золото можно вывозить с прибылью. Предположим, что цена золота в Амстердаме включает 16% премии, лаж — 3%, вексельный курс на Лондон — 31 и цена золота в Лондоне 5 ф. ст. 10 шилл. Из какой страны будет вывозиться золото и с какой прибылью?

Против 16% в столбце 1 паритет вексельного курса в столбце 8 составляет 39,64 и против 5 ф. ст. 10 шилл. цены золота в Лондоне в столбце 9, в столбце 10 стоит множитель 0,708, 39,64 при помножении на 0,708 дают 28,06, как паритет для банкнот, поэтому, когда вексельный курс составляет 31, он неблагоприятен для Голландии, и золото можно ввозить оттуда с прибылью около 10 $\frac{1}{2}$ %. Или так: когда марка может быть куплена с 16% премии в Амстердаме, унция стандартного золота будет стоить 154,3 фламандских банк-шиллинга, если лаж составляет 3%, что в переводе на английские деньги, по курсу 31 фламандский шиллинг за 1 ф. ст., дает 4 ф. ст. 19 шилл. 6 $\frac{3}{4}$ пенс. Но унция золота будет продаваться в Лондоне за 5 ф. ст. 10 шилл., что составляет прибыль почти в 10 $\frac{1}{2}$ %.

Лондон, 1 января 1814 в.

Закончив таблицу гамбургских вексельных курсов, подобную таблице о Голландии, уже посланную мною вам, я подумал, что вы, пожалуй, захотите иметь экземпляр ее. В этой таблице (см. стр. 34), как и в первой, результаты не вполне удовлетворительны; например в настоящее время, я полагаю, вексельный курс на Гамбург составляет 28 шилл., а цена доллара — 6 шилл. 11½ пенс. Из таблицы явствует, что при такой цене доллара паритет вексельного курса должен составлять 25 шилл.; следовательно, он теперь неблагоприятен для Гамбурга на 12%, а это, мне кажется, чрезвычайно высокий процент. В самом деле, при настоящих условиях не может быть никаких сношений с Гамбургом и котировка должна быть только номинальной.

Лондон, 26 июня 1814 г.¹

Я не могу разделить ваши опасения относительно влияния ограничений ввоза хлеба на понижение нормы процента. Повышение цены, или, скорее, стоимости хлеба без всякого увеличения капитала неизбежно должно уменьшить спрос на другие предметы, даже если цены этих товаров не повысятся вместе с ценою хлеба, что, несомненно, произошло бы (хотя и медленно). При том же капитале производство уменьшилось бы и упал бы спрос. Для спроса нет другого предела, кроме недостатка платежеспособности по отношению к требующимся товарам. Все, что имеет тенденцию уменьшать производство, имеет тенденцию сокращать платежеспособный спрос. Норма прибыли и процента должна зависеть от отношения производства к потреблению, необходимому для такого производства; это отношение в свою очередь зависит по существу от дешевизны предметов продовольствия, каковая в конечном счете, для каких бы промежутков времени мы не производили расчеты, является основным регулятором заработной платы.

Ничто не может более эффективно способствовать уменьшению спроса за границей на наши промышленные изделия, чем отказ ввозить зерно и другие товары, которые мы обыкновенно принимали в обмен на промышленные товары. Я твердо убежден, что при решительном отказе с нашей стороны ввозить какие бы то ни было иностранные товары мы вскоре перестали бы вывозить какие бы то ни было свои товары, даже если бы мы сделали для золота исключение из общего правила. Курс наших денег стоял бы на более высоком уровне, чем

¹ Письмо Мальтуса, на которое отвечает Рикардо, не сохранилось. — *Прим. ред.*

ТАБЛИЦА, ПРИЛОЖЕННАЯ К ПИСЬМУ ОТ 1 ЯНВАРЯ 1814 г.

Lomburg

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Цена дуката, или 53 гранов чистого золота в Банко-марках	Цена унции стандартного золота в Фламандских Банко-шиллингах	Паритет вексельного курса с Лондоном в Фламандских Банко-шиллингах за 1 ф. ст. золотом	Соответствующая цена унции стандартного серебра в Лондоне в пенсах	Соответствующая цена унции стандартного золота в Лондоне в ф. ст. и т. д.	Когда цена золота в Лондоне в Баннотах за унцию составляет: ф. ст. шилл.	Вексельный паритет в слитках должен быть умножен на	Когда цена доллара в Лондоне составляет за унцию шилл. пенсы	Паритет вексельного курса в серебре равняется
5.39	119,33	30,60	70,97		4 0	0,973	4 11 ¹ / ₂	35,08
5.45	120,66	30,94	70,19		4 1	0,961	5 1	34,22
5.51	121,99	31,28	69,43		4 2	0,949	5 2 ¹ / ₂	33,39
5.57	123,32	31,63	68,68		4 3	0,938	5 4	32,61
5.63	124,65	31,97	67,95		4 4	0,927	5 5 ¹ / ₂	31,87
5.69	125,98	32,33	67,23		4 5	0,916	5 7	31,15
5.75	127,31	32,68	66,53		4 6	0,905	5 8 ¹ / ₂	30,47
5.81	128,64	33,03	65,84		4 7	0,895	5 10	29,82
5.87	129,96	33,37	65,17		4 8	0,885	5 11 ¹ / ₂	29,19
5.93	131,29	33,72	64,51		4 9	0,875	6 1	28,59
5.99	132,62	34,07	63,86		4 10	0,865	6 2 ¹ / ₂	28,02
6.05	133,95	34,42	63,23		4 11	0,856	6 4	27,46
6.11	135,28	34,76	62,61		4 13	0,838	6 5 ¹ / ₂	26,93
6.17	136,61	35,08	62	3,893	4 15	0,820	6 7	26,42
6.23	137,92	35,42		3,931	4 17	0,803	6 8 ¹ / ₂	25,93
6.29	139,25	35,76		3,968	4 19	0,796	6 10	25,46
6.35	140,57	36,11		4,005	5 0	0,779	6 11 ¹ / ₂	25
6.41	141,89	36,45		4,043	5 2	0,764	7 1	24,55
6.47	143,21	36,79		4,081	5 4	0,749	7 2	24,13
6.53	144,54	37,14		4,119	5 5	0,735		
6.59	145,86	37,48		4,157	5 6	0,721		
6.65	147,19	37,83		4,195	5 8			
6.71	148,51	38,18		4,233	5 10	0,708		
6.77	149,84	38,52		4,270				
6.83	151,17	38,87		4,308				
6.89	152,50	39,22		4,346				

При цене долларов в 4 шилл. 1¹/₂ пенс. стандарт стоит на 2¹/₂ пенса больше.
 При цене — в 6 шилл. 1 пенс. — на 3 пенса больше.
 При цене — в 7 шилл. — на 3¹/₂ пенса больше.

N. В. 3 марки равняются 8 Фламандским Банно-шиллингтам.

в других странах, но существует предел, выше которого он не мог бы подняться. Всякая торговля является в конце концов обменом продуктами, и ни одна нация не станет покупать, если она не может продавать, и не станет долго продавать, если она не сможет также и покупать. Если бы, усвоив такую политику, страна повысила стоимость сырых материалов, которые она потребляет, и среди которых главным является зерно, тем самым она понизила бы норму процента. В противном случае она могла бы лишиться многих предметов роскоши и комфорта или пользовалась бы ими в меньшем изобилии, но норма процента не понизилась бы.

Это, скажете вы, повторение старой истории, и я мог бы избавить вас от труда читать на расстоянии 200 миль то, что я так часто излагал вам в качестве своего мнения и прежде, но вы сами вызвали меня на это и должны теперь терпеливо переносить последствия.

Я никогда не был убежден более сильно в правильности какого-либо положения политической экономии, чем в том, что для страны-импортера ограничения импорта зерна имеют тенденцию понижать прибыли.

*Гэткомб парк, близ Минчингемптона,
Глостершир, 25 июля 1814 г.¹*

Мне кажется, что вы отступили от того положения, по поводу которого мы сначала, по-видимому, разошлись. Если я правильно припоминаю, выдвинутое вами положение заключалось в том, что ограничения ввоза хлеба не понизят норму прибыли и процента, а в настоящее время добавляете или скорее ваша аргументация приводит к такому заключению: «если следствием такого ограничения будет большое уменьшение капитала». С такой поправкой я не возражал бы против этого положения, но считаю существенным, чтобы причины исследовались раздельно и чтобы каждой из них приписывались

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 6 июля 1814 г. В нем Мальтус утверждал, что введение ограничений на ввоз хлеба не приведет к снижению нормы прибыли и процента лишь при условии уменьшения капитала; последнее явится результатом введения ограничений и приведет к росту прибылей и процентов. «Вы согласитесь, — говорит он, обращаясь к Рикардо, — что высокая норма прибыли и процента чаще является спутником бедности, чем изобилия».

Далее Мальтус утверждает, что Рикардо ошибается, ставя платежеспособный спрос в зависимость от «трудности и расходов по производству зерна». Ведь раз капиталист затратил средства, то «нет никаких оснований», чтобы он «получил меньше прибыли на свой капитал». — *Прим. ред.*

должные следствия. Ограничение торговли зерном вызовет понижение нормы прибыли и процента, если капитал не испытывает никакого уменьшения. Уменьшение капитала будет иметь тенденцию повысить прибыль и процент независимо от ограничения ввоза зерна, но между этими двумя причинами нет никакой необходимой связи, так как они могут действовать одновременно как в одном и том же, так и в противоположных направлениях.

С уменьшением капитала платежеспособный спрос не может, мне кажется, ни увеличиваться, ни оставаться долго стабильным. И ваш вопрос — почему, если это верно, в начале войны прибыли повышаются — не имеет, по моему мнению, никакой связи с вашей аргументацией, потому что прибыли увеличатся при уменьшении капитала и продукции, если спрос, хотя бы и падающий, будет уменьшаться не так быстро, как капитал и продукция. В противоположном случае прибыли будут уменьшаться, если капитал и продукция будут увеличиваться. Эти соотношения совершенно не зависят от темпа производства и часто, я думаю, могут противодействовать тем следствиям, к которым обычно приводят, а в конечном счете почти всегда приводят к увеличению и уменьшению капитала.

Вы говорите, что «отношение производства к потреблению, необходимому для такого производства, по-видимому, определяется количеством накопленного капитала сравнительно со спросом на продукты капитала, а не только трудностью и издержками выращивания зерна». Мне кажется, что трудности и издержки выращивания зерна необходимо будут регулировать спрос на продукты капитала, так как этот спрос должен в основном зависеть от цены, по которой продукты могут быть куплены, а цены всех товаров должны расти, если растет цена зерна. Капиталист, «который с целью произвести определенное количество зерна может счесть необходимым затратить труд рабочих в течение ста дней вместо пятидесяти», не может сохранить для себя прежнюю долю, если рабочие, занятые в течение ста дней, не удовлетворятся тем же количеством хлеба для своего пропитания, которым они удовлетворялись прежде, при работе в течение пятидесяти дней. Если вы предполагаете, что цена зерна удвоилась, то капитал, который должен быть вложен, вероятно, также приблизительно удвоится в денежном выражении или, во всяком случае, значительно увеличится; и если денежный доход капиталиста должен быть получен от продажи зерна, который у него остается после погашения издержек производства, то можно ли себе представить, что норма его прибыли не уменьшится?

Гэткомб парк, 11 августа 1814 г.¹

Что касается стоящего перед нами теперь вопроса, то мы расходимся в объяснении тех последствий, к которым *необходимо* должны привести ограничения, налагаемые на ввоз иностранного хлеба. Я не думаю, что уменьшение капитала есть *неизбежное* последствие, но это — вероятное последствие. Мы согласны относительно последствий, которыми будет сопровождаться уменьшение капитала, но я сказал бы, что реальное уменьшение капитала уменьшит и количество труда, которое должно быть выполнено, и, следовательно, затронет заработную плату и спрос на продукты питания. В предполагаемом случае — при ограничении ввоза хлеба — поощряется дальнейшая обработка нашей собственной земли, но если это сопровождается уменьшением капитала, то создается также препятствие и для обработки земли, и повышение или понижение прибыли зависит, по моему мнению, от степени влияния этих противодействующих причин. Верно, что фабрикант шерстяных или хлопчатобумажных изделий не будет в состоянии вырабатывать то же количество товаров с помощью того же капитала, если он вынужден платить больше за применяемый им труд, но его прибыль будет зависеть от цены, по которой будут продаваться произведенные изделия. Если каждый человек принимает решение жить на свой доход, не затрагивая капитала, то повышение цены его товаров не будет пропорционально повышению цены труда, и, следовательно, процент его прибыли уменьшится, если он будет оценивать свой капитал, как он это и должен делать, в деньгах по той повышенной стоимости, до которой подымутся все товары вследствие повышения заработной платы. В этом случае я сказал бы, что платежеспособный спрос уменьшился, потому что прежнее количество товаров не может быть потреблено в течение года. Если бы потребление товаров происходило в прежних размерах, то было бы очевидно, что это делается за счет капитала. В этом случае капитал уменьшался бы скорее, чем спрос, а такое положение имело бы тенденцию повышать прибыль.

Но как долго [народ]² продолжал бы наслаждаться предметами роскоши за счет постоянного уменьшения капитала?

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 5 августа. В своем письме Мальтус еще раз излагает свои доводы в защиту введения пошлин на ввоз хлеба, свои соображения о связи нормы прибыли и процента с размерами капитала и об отношении спроса к предложению, «всегда являющемся основным моментом, определяющим цены и прибыли». — *Прим. ред.*

² Слово «народ» вставлено в кембриджском издании ввиду того, что рукопись в этом месте порвана (т. VI, стр. 120). — *Прим. ред.*

Это — путь к разорению, и, хотя отдельные люди часто вступают на этот путь, народы редко делаются жертвами такого безумия. Напротив, если какие-либо причины прерывают прогресс народов, если ограничения их торговли или разорительные войны приводят к уменьшению их капитала, то в такое время соблюдается большая экономия, и, как заметил Адам Смит, расточительность правительств встречает противодействие в воздержанности отдельных лиц. А если так, то я не могу ошибиться, утверждая, что, хотя в течение короткого периода капитал и продукция могут уменьшаться быстрее, чем спрос, все же с течением времени платежеспособный спрос не может увеличиваться или оставаться стабильным при уменьшающемся капитале. Вы говорите, — я прежде не понимал, что вы это допускаете, — «что общий объем спроса будет, конечно, уменьшаться в силу повышения цен, но отношение спроса к предложению, являющееся всегда главным пунктом в этом вопросе, так как оно определяет цены и прибыль, может продолжаться увеличиваться, как это имеет место во всех странах, капитал которых регрессирует». Но я не согласен и с этим объяснением. Мне кажется, что оно противоречит тому мнению, которое вы часто высказывали, а именно, что соблазн делать сбережения из доходов с целью увеличить капитал находится всегда в соответствии с нормой прибыли; и если благодаря накоплению капитала прибыль и процент упали бы действительно очень низко, то накопление почти приостановилось бы, потому что стало бы почти совершенно беспредметным. С этим взглядом я весьма охотно соглашаюсь и не могу отказаться от мысли, что он противоречит вышеприведенной цитате из вашего письма. Я утверждаю, как, мне кажется, делали и вы, что потребление в сравнении с производством всегда выше всего там, где больше всего накопление капитала. Уменьшите капитал Англии наполовину, и вы, несомненно, увеличите прибыль, но это произойдет не вследствие пропорционально большего спроса, а вследствие пропорционально большего производства; спрос по сравнению с производством вряд ли не уменьшился бы. Отдельные лица не исчисляют своих прибылей в материальной продукции, но нации неизменно поступают именно так. Если в 1815 г. у нас было точно такое же количество товаров всех категорий, как в нынешнем, 1814 г., то как нация мы были бы не богаче; но если бы стоимость денег упала, то эти товары были бы представлены большим количеством денег и отдельные люди были бы склонны считать себя более богатыми.

*Гэткомб парк, Минчингемптон,
30 августа 1814 г.¹*

...Думаю, что, если бы мы могли побеседовать, мы не очень разошлись бы по вопросу, который занимал нас последнее время; наше главное разногласие касается постоянства получающихся результатов. Часто случается, что недостаток товара или рост спроса на него повышают на некоторое время прибыль, но на этом основании еще нельзя сказать, что там, где прибыль высока, она высока потому, что спрос на продукты велик в сравнении с предложением. Существует много других причин, которые обуславливают постоянный высокий уровень прибыли. Могут существовать две страны, в одной из которых благодаря плохому правительству и плохому вследствие этого обеспечению собственности или в силу слабой склонности народа к сбережениям прибыль постоянно высока и процент равен 12; в другой же стране, где этих причин нет, прибыль может быть постоянно низка и процент равен 5. Было бы, несомненно, неправильно сказать, что причиной высокой прибыли является относительно более высокий спрос на продукты, если в обеих странах предложение было бы или могло быть в точности равно спросу. В Америке прибыль выше, чем в Англии, и все же я несколько не сомневаюсь, что отношение предложения к спросу в первой стране больше. Я думаю, что это по необходимости так и должно быть во всех странах, в которых богатство быстро увеличивается, ибо откуда же может возникать богатство, как не из перевеса производства над потреблением? Прибыль иногда бывает высока, когда мало хлеба и он дорог, но это происходит потому, что высокие цены дают стимул развитию промышленности. Если бы население могло немедленно приспособиться к скудному предложению, то таких последствий не было бы; и действительно, скудость предложения продолжается только до тех пор, пока со временем не произойдет постепенное выравнивание.

Я иногда подозреваю, что мы с вами неодинаково понимаем слово «спрос». Если цена хлеба повышается, то вы, быть может, приписываете это большему спросу. Я же назвал бы это большей конкуренцией. Нельзя, по моему мнению, сказать, что спрос растет, если уменьшается потребляемое количество,

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 19 августа. В нем Мальтус снова повторяет свои аргументы о влиянии размеров капитала, а также спроса на размеры прибыли. «Есть страны, в которых норма процента равна 12, и все же капитал там не увеличивается. Однако в этих странах спрос на продукты по сравнению с предложением очень велик и является в действительности причиной высоких прибылей». И далее: «Вы, право же, недостаточно принимаете во внимание естественные желания людей, которые ведь являются в конце концов основой спроса. Когда хлеба мало, то спрос на хлеб выше, чем спрос на труд». — *Прим. ред.*

хотя для покупки меньшего количества может потребоваться гораздо больше денег, чем для покупки большего. Если бы нас спросили, каков был спрос на портвейн в Англии в 1813 и 1814 гг., и нам пришлось бы ответить, что в первом году Англия ввезла 5 тыс. бочек, а в следующем — 4,5 тыс., то разве мы не должны все согласиться, что спрос в 1813 г. был больше? И все же вполне возможно, что за 4,5 тыс. бочек было уплачено вдвое больше денег.

Гэткомб парк, 16 сентября 1814 г.¹

Я согласен с вами, что в том случае, когда капитал почему-либо недостаточен в сравнении с возможностями применения его, прибыль будет высока. Будет ли это временно или постоянно — это зависит, конечно, от того, имеет ли причина такого положения временный или постоянный характер. Очень важно, однако, установить, в силу каких причин капитал оказывается недостаточным в сравнении с возможностями его применения и в какой мере, раз это установлено, можно считать эти причины временными или постоянными.

Исследование этого вопроса приводит меня к мысли, что состояние обработки почвы представляет почти единственную и постоянную причину такого явления. Существуют и другие обстоятельства, которые временно вызывают те же последствия на больший или меньший срок и нередко влияют частично на отдельные отрасли. Состояние земледельческой продукции в сравнении с средствами, необходимыми для того, чтобы заставить землю производить, воздействует на все отрасли, и оно одно только вызывает длительный эффект.

Мы с вами согласны также и в том, что платежеспособный спрос состоит из двух элементов: *покупательной способности и воли* к покупке; но я думаю, что воля очень редко отсутствует там, где есть покупательная способность, так как желание накапливать вызовет спрос так же неизбежно, как желание потреблять; различны будут только объекты, на которые направится спрос. Если вы думаете, что вместе с ростом капитала люди станут безразлично относиться как к потреблению, так и к накоплению, тогда вы правы, возражая против положения Милля о том, что по отношению к нации предложение никогда не может превышать спрос. Но разве рост капитала не

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 11 сентября. В этом письме, повторяя свои прежние соображения о причинах высоких прибылей, Мальтус особенно настаивает на «желаниях» людей, обуславливающих спрос: «спрос состоит из двух элементов — *покупательной способности и воли* к покупке... Воля к покупке будет всегда тем больше, чем меньше продукт по сравнению с населением». И далее: «При избытке капиталов, нелегко найти новые объекты, на которые имеется достаточный спрос. При недостатке капитала ничего не может быть легче». — *Прим. ред.*

порождает роста склонности к предметам роскоши всякого рода. И хотя нам кажется вполне естественным, что желание накапливать будет уменьшаться вместе с ростом капитала и уменьшением прибыли, не менее вероятно, однако, что потребление будет возрастать в той же степени. Обмен будет так же активен, как всегда, изменятся только его объекты. Если спрос *кажется* более активным, когда капитал недостаточен, то только потому, что *покупательная способность* сравнительно более высока. Там, где капитал скуден, предметы первой необходимости дешевы, если только страна в общем плодородна; а с ростом капитала и населения поднимается и цена предметов первой необходимости, и, таким образом, покупательная способность, хотя она в действительности более высока, будет сравнительно меньше. В стране с относительно небольшим капиталом стоимость годовой продукции может очень быстро возрастать; если же скажут, что это происходит вследствие больших размеров спроса, я буду утверждать, что в такой стране спрос не будет ограничиваться недостатком покупательной способности в той же степени, как в стране, изобилующей капиталом; это будет иметь место только потому, что цены на продовольствие не будут возрастать в одной и той же пропорции в обеих странах. Если в следующем году будет произведено хлеба в полтора раза больше, чем обычно, большая часть его, несомненно, погибнет; и то же можно сказать о любых товарах, какие мы только способны назвать. На деле же вопрос заключается вот в чем: если в следующем году сохранится прежняя стоимость денег, будет ли у кого-нибудь отсутствовать желание (если оно было у него раньше) затратить на этот раз в полтора раза больше, чем он тратит в настоящее время? И если у него отсутствует такое желание, то не почувствует ли он склонности прибавить прирост своего дохода к своему капиталу и использовать этот прирост в качестве такового? Короче говоря, я считаю, что потребности и вкусы людей беспредельны. Мы все желаем умножить наши удовольствия или нашу покупательную способность. Потребление умножает наши удовольствия, накопление — нашу покупательную способность, то и другое одинаково стимулируют спрос.

Гэткомб парк, 23 октября 1814 г.

Я не думаю, что мы очень существенно расходимся по вопросу о том, как легкость или трудность добывания пищи влияет на прибыль с капитала. Вы говорите, что я, по-видимому, думаю, что «состояние земледельческого производства по сравнению с средствами, необходимыми для того, чтобы заставить землю производить, есть почти единственная причина, регулирующая прибыль с капитала и возможность выгодного прило-

жения капитала». Мое мнение изложено здесь правильно, тогда как в другом месте вашего письма ваше изложение существенно отличается от моего высказывания; а именно: «что количество продукта в сравнении с издержками производства определяет прибыль». Вместо того чтобы допустить, что легкость получения пищи представляет почти единственную причину высокой прибыли, вы полагаете, будто можно с уверенностью сказать, что это — главная причина и, следовательно, трудность получения пищи есть главная причина низкой прибыли. Мне кажется, что различие между этими двумя положениями очень невелико. Вы приходите к выводу, что моя доктрина неправильна, во-первых, потому, что и в земледелии и в обрабатывающей промышленности могут иметь место усовершенствования, во-вторых, потому, что новые арендные договоры могут заключаться как раз не в период повышения цен на сырье и, в-третьих, потому, что цена труда может не повыситься немедленно в той же пропорции. Но усовершенствования в земледелии или в машинах, которые облегчат или увеличат производство, повысят, по моему предположению, прибыль, потому что «они увеличат производство в сравнении с средствами, необходимыми для производства». То же можно сказать о заработной плате, которая повышается не в той же пропорции, как цена продукта. Что касается старых арендных договоров — они тоже имеют отношение к этому вопросу, — то примите во внимание, что при исчислении прибыли от земледелия мы должны оценивать аренду по стоимости, которую она имеет в период исчисления, а не по той стоимости, о которой была достигнута договоренность ранее. Если бы вопрос шел о прибыли какой-нибудь фабрики, например винокуренного завода, то мы должны были бы исчислять прибыль согласно цене ячменя в данное время, хотя некоторым заводчикам могло так повезти, что они покупали ячмень, когда он был на 25% дешевле. Все эти пункты ясно оговорены в моем положении и нисколько не противоречат ему. В добавление к своим положениям вы говорите, «что в промежутке между двумя крайними точками (высокими прибылями и низкими прибылями, обусловленными легкостью или трудностью добытия пищи) могут иметь место значительные изменения и что практически ни одна страна никогда не была в таком положении, которое не допускало бы повышения прибыли в земледелии на некоторое время в силу повышения цен на сырье». Я соглашаюсь, что изменения будут иметь место потому, что средства получения продукта не всегда одинаково дороги, а если бы они и были одинаково дороги, то сам продукт мог бы приобрести большую ценность, и в каждом случае прибыль будет изменяться. Но даже в периоды этих временных измене-

ний важнейшая причина, а именно накопление капитала, может выравнять путь для постоянного понижения прибыли. С моей точки зрения важно установить, каковы те причины, которые могут вызвать повышение цены сырья, потому что влияние этого повышения на прибыль может быть диаметрально противоположным. Повышение цены сырья может быть результатом постепенного накопления капитала, поскольку, создавая новый спрос на труд, оно может дать стимул росту населения и, следовательно, способствовать обработке или мелиорации земель низшего качества; но это вызовет не повышение, а понижение прибыли, потому что возрастут не только ставки заработной платы, но и будет занято больше рабочих, тогда как поступление сырых продуктов не возрастет пропорционально. Общая стоимость выплаченной заработной платы будет больше, чем общая стоимость полученных сырых продуктов. Повышение цены сырых продуктов может иметь место вследствие одного или нескольких неурожаев, что, несомненно, повысит прибыль, потому что цена сырых продуктов поднимется значительно больше, чем это соответствовало бы образовавшейся нехватке, и поэтому значительно обгонит превышение цены производства. Повышение цены сырых продуктов может быть вызвано также падением стоимости денег, а это приведет к временному росту цен продуктов большему, чем рост заработной платы, и следовательно, повысит прибыль. Вы согласитесь, что обе эти причины носят временный характер и нисколько не затрагивают самого принципа, а лишь нарушают ход его развития. Ограничения ввоза сырых продуктов могут вызвать повышение их цены, которое будет постоянным или временным, смотря по тому, будет ли продиктованная этот ограничительный закон неправильная политика носить постоянный или временный характер. Сначала прибыль повысится, но в конце концов она упадет ниже прежнего уровня. Как явствует из сказанного, по моему мнению, постоянному повышению нормы прибыли в земледелии всегда предшествует не повышение, а падение цены сырых продуктов; и, хотя в силу повышения цены продуктов прибыль может повыситься, в конце концов она обычно устанавливается на уровне более низком, чем первоначальный. Я считаю обратное заключение одинаково верным, если оно касается низких цен продуктов. Я был бы рад узнать ваши мысли по этому вопросу. Могут существовать и другие причины высоких цен, но в настоящее время они не приходят мне на ум.

Я признаю, что ни одна страна не была и не может быть в таком положении, которое не допускало бы повышения прибыли в земледелии, потому что нет такой страны, которая не могла бы потерять или растратить часть своего капитала; нет

такой страны, которая могла бы избежать шеурожаев, обеспечения денег, реального падения стоимости драгоценных металлов и других случайностей, которые — одни длительно, другие временно — повышают прибыль. Вы скажете, что в богатых странах прибыль часто гораздо выше, а в бедных — гораздо ниже, чем это должно быть по моей теории. На это я отвечу, что в бедных странах прибыли очень сильно уменьшаются благодаря чрезвычайно высокой заработной плате; самую заработную плату можно рассматривать как часть прибыли с капитала, и часто она бывает основой возникновения нового капитала. В богатых странах заработная плата низка, слишком низка, чтобы рабочий мог пользоваться комфортом; очень большая часть валового продукта удерживается собственником капитала и считается прибылью.

Не думаю, чтобы я недооценил влияние, которое оказывают на прибыль потребности и вкусы людей; последние часто обуславливают на короткое время большую прибыль на отдельные товары; но они, я думаю, редко воздействуют на общую норму прибыли, потому что нечасто влияют на рост цен сырых продуктов. В книге V, гл. I, Адам Смит сжато, но, как мне кажется, вполне правильно указывает на влияние спроса на цены товаров. Я иду гораздо дальше, чем вы, в оценке роли потребностей и вкусов людей: я считаю их безграничными. Дайте только людям возможности для покупки, и требования их станут ненасытными. Теория г-на Милля построена на этом предположении; она не пытается указать, каково будет соотношение между теми или иными товарами, произведенными в результате накопления капитала, но предполагает, что будут производиться только те товары, которые отвечают потребностям и вкусам людей, потому что ни на какие другие товары не будет спроса.

Самый термин «накопление капитала» предполагает возможность применить где-нибудь больше труда; он предполагает, что весь доход общества увеличится и, следовательно, создаст спрос на большее количество пищевых продуктов и других товаров. Вы спрашиваете, «можем ли мы снабдить лиц, имеющих одинаковый доход, большим добавочным количеством товаров, не понижая при этом их цен в сравнении с ценами производства в достаточной мере, и этим уничтожить платежеспособный спрос на такое количество товаров, а следовательно, настолько же приостановить его в дальнейшем». Мы отвечаем, что речь идет не о таком случае; мы говорим о более высоких доходах, а не об одинаковых доходах; и вместо того, чтобы ожидать падения цен товаров, нам следует ожидать повышения их, потому что падение прибыли, которое обычно следует за накоплением, является следствием повышения цены производ-

ства в сравнении с ценою продукта, хотя обе они, несомненно, повысятся. Вы, по-видимому, думаете (и говорите), что не знаете другой причины падения прибыли, которое обычно следует за накоплением, кроме падения цены продукта в сравнении с издержками производства, или, другими словами, уменьшения платежеспособного спроса; а тем, что за этим следует, вы, по-видимому, хотите сказать, что цена товаров будет ниже не только относительно, но и абсолютно; в этом фактически и есть корень нашего разногласия по отношению к теории Милля.

Гэткомб парк, 18 декабря 1814 г.¹

Я вижу, что мы все же совершенно не согласны по вопросу, о котором мы последнее время спорили. Я старался убедить вас, что прибыль на капитал, применяемый в промышленности и торговле, редко понижается или повышается на продолжительное время в силу какой-либо другой причины, кроме дешевизны или дороговизны предметов первой необходимости, или тех предметов, на которые затрачивается заработная плата. Накопление капитала имеет тенденцию понижать прибыль. Почему? Потому, что всякое накопление сопровождается возрастающей трудностью добывания пищи, если только ему не сопутствуют усовершенствования в земледелии; в этом случае накопление не проявляет тенденции понижать прибыль. Если бы трудности добывания пищи не возрастали, прибыль никогда не понижалась бы, потому что для прибыльного производства нет никаких других границ, кроме повышения заработной платы. Если бы при каждом накоплении капитала мы могли прибавлять к нашему острову по куску свежей плодородной земли, прибыль никогда не упала бы. Я допускаю в то же время, что торговля или машины могут создать изобилие и дешевизну товаров, и если они таким образом повлияют на цены тех товаров, на которые расходуется заработная плата, то они в той же мере повысят прибыль; верно, однако, что в этом случае в землю будет вложено меньше капитала, ибо заработная плата составляет часть этого капитала.

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 23 ноября. В нем Мальтус повторяет все свои эклектические рассуждения о множестве причин, могущих влиять на размеры прибыли и заработной платы, хотя не отрицает и влияния на них состояния земледелия. С вопросом о последнем он связывает также и вопрос о приливе или отливе капитала к сельскому хозяйству, а также о «потребностях и вкусах людей». В противоположность мнению Рикардо о росте заработной платы вместе с ростом цены рабочей силы Мальтус утверждает, что «плодородие земли... является главной причиной высокой заработной платы» и, наоборот, «уменьшение заработной платы является прямым необходимым последствием трудностей выращивания пищи, так как заработная плата — это основной регулятор роста населения». — *Прим. ред.*

Уменьшение доли продукта вследствие накопления капитала падает не целиком на собственника капитала, а делится между ним и рабочим. Вся сумма уплачиваемой заработной платы будет больше, но сумма, уплачиваемая каждому рабочему, будет, по всей вероятности, несколько уменьшена.

Я не помню, чтобы я когда-нибудь допускал, что расширение внешней торговли приведет к отливу капитала от земледелия, разве что мы были бы экспортирующей страной в отношении хлеба. В последнем случае было бы верно мое положение, а именно, что норма прибыли никогда не может постоянно повышаться, если только капитал не изымается из земледелия. Я не уверен в том, что этот принцип может быть как-нибудь использован, даже если он верен, но это уже другое дело; полезность принципа не имеет ничего общего с его правильностью; в настоящее время я только стараюсь установить последнюю.

Я не могу согласиться с вашим утверждением: «если не предположить, что капитал будет изъят из земледелия, то выпуск на рынок новых объектов для удовлетворения желаний людей повысит стоимость всей массы товаров в стране, как бы ни оценивать ее — в деньгах, в хлебе, или в труде». Именно потому, что, как я думаю, в этом случае стоимость товаров не увеличится при обмене их на сырье, продукты или деньги, я прихожу к заключению, что более высокой прибыли не будет нигде получено. Если масса товаров возрастает, мы уменьшаем их меновую стоимость по сравнению с товарами, количество которых не увеличилось. Если мы удвоим количество или скорее удвоим легкость производства чулок, мы уменьшим их стоимость наполовину сравнительно со всеми другими товарами. Если мы сделаем то же самое по отношению к шляпам и башмакам, мы восстановим обычные отношения чулок к шляпам и башмакам, но не к другим предметам. Именно в этом, я думаю, заключается наше разногласие, и я надеюсь вскоре услышать все, что вы можете выдвинуть в пользу вашего взгляда на этот вопрос.

В новом издании своей книги (с. 99, т. 1) г-н Сэй защищает очень хорошо, по-моему, доктрину, утверждающую, что спрос регулируется производством. Спрос есть всегда обмен одного товара на другой. Когда сапожник обменивает башмаки на хлеб, он предъявляет платежеспособный спрос на хлеб, так же как булочник на башмаки. И хотя ясно, что спрос сапожника на хлеб должен быть ограничен его потребностью, все же, пока у него есть башмаки для обмена, он будет предъявлять платежеспособный спрос на другие предметы; если же на его башмаки нет спроса, то это показывает, что он не руководствуется правильными принципами торговли и что он не употребил сво-

его капитала и своего труда на производство товара, требуемого обществом; большая осторожность даст ему возможность исправить свою ошибку при дальнейшем производстве. Накопление необходимо увеличивает производство и точно так же необходимо увеличивает потребление. Накопление *продукта*, если последний надлежащим образом выбран, *может* всегда быть и накоплением *капитала*, самый продукт неизбежно будет стоить больше, чем на него было затрачено, при оценке в хлебе или в труде; и я думаю, это было бы верно, даже если бы все наши солдаты, матросы и слуги были заняты производительным трудом. Мне кажется, что вопрос о стоимости денег является как бы основой нашего разногласия в этом пункте.

Гэткомб парк, 13 января 1815 г.¹

Я не могу отказать от мысли, что лорд Лодердэль ошибся, а вы, как я думаю, придерживаетесь того же мнения, что и он, предполагая, что фермер находится в особо невыгодном положении, так как не располагает монополией на внутреннем рынке, тогда как столь многие отрасли производства пользуются этим преимуществом.

Согласитесь, что монополия на внутреннем рынке не всегда представляет большую выгоду для той отрасли производства, которой она предоставляется. Правда, закрывая доступ иностранной конкуренции, она повышает цену товара; но это одинаково убыточно для всех потребителей, и угнетает фермера не больше, чем представителей других отраслей. Если монополии имеют тенденцию повышать цену труда, то неудобство от этого будут ощущать все, кто пользуется наемным трудом, и поэтому это не будет особо убыточно для фермера или землевладельца. Если бы все монополии на внутреннем рынке были немедленно отменены, то условия для ввоза хлеба остались бы по меньшей мере теми же; а если так, то монополии не препятствуют естественному ходу хлебной торговли. Лорд Лодердэль при его взглядах на влияние монополий, по моему мнению, поступает вполне последовательно, рекомендуя пошлину на ввоз хлеба.

Я думал, вы утверждаете, что высокая или низкая прибыль в торговле совершенно независимы от размеров капитала,

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 29 декабря 1814 г. В нем Мальтус повторяет свои старые доводы и снова утверждает, что высокие цены на продукты земледелия могут быть обусловлены «преуспеванием торговли», и, хотя такое положение дел не может быть перманентным, все же вполне возможно, что в течение 20 лет «ведущая роль будет принадлежать коммерческим прибылям, и они-то и будут регулировать прибыли, получаемые в земледелии». — *Прим. ред.*

который может быть вложен в землю и что, следовательно, высокая прибыль может существовать до тех пор, пока процветает торговля, будет ли это длиться двадцать или сто лет. Как я теперь понимаю, вы хотите сказать, что прибыль в торговле может занимать ведущее положение и может регулировать прибыль в земледелии в течение периода некоторой длительности, возможно в течение двадцати лет.

Я всегда допускал, что при известных обстоятельствах прибыль в земледелии может на короткое время отклониться от своего обычного уровня. По-видимому, мы теперь расходимся только по вопросу о продолжительности периода таких отклонений; вместо двадцати лет я ограничил бы его четырьмя или пятью годами.

Если при затрате того же количества труда мы могли бы получить удвоенное количество олова из Корнуэлских рудников, после того как цена его установилась на нормальном уровне, то увеличилась бы стоимость всей массы товаров в Англии? Получали бы мы такое же количество леса из Норвегии в обмен на данное количество олова, как в настоящее время? Конечно, масса товаров как на рынках Норвегии, так и на рынках Англии увеличилась бы при большем изобилии олова или какого-либо другого товара, если бы труд, применяемый в добычании их, был направлен на другие цели; и все же стоимость всех этих товаров, выраженная в хлебе, деньгах или каком-либо другом предмете, кроме олова, продолжала бы, кажется мне, оставаться неизменной. Если бы лес можно было купить в Норвегии дешевле, чем в других местах, то этого было бы достаточно, чтобы часть внешней торговли направилась туда, хотя это приносило бы не большую прибыль, чем прибыль, получаемая в других отраслях.

Если бы, согласно вашему предположению, иностранный спрос на наши сырые продукты был выше, то нельзя сомневаться в том, что в землю было бы вложено больше капитала, и прибыль, я думаю, понизилась бы. Такой спрос не может существовать при современном положении дел в мире. Сырые продукты всегда ввозятся в относительно богатую страну, а вывозятся из нее исключительно в случаях оскудения или голода. Я не сомневаюсь, что если бы был разрешен свободный ввоз хлеба в нашу страну, то, поскольку это направило бы иностранный капитал на обработку земли в своих странах, в последних возникла бы тенденция к понижению прибыли; а если бы вся земля обрабатывалась с одинаковым умением и на одном и том же уровне, то норма прибыли была бы всюду одинакова, хотя более развитая промышленность и большая избирательность людей в отдельных странах могли бы обеспечить им большее изобилие других товаров.

Лондон, 6 февраля 1815 г.¹

Я только что прочитал с большим вниманием ваш опыт о повышении и развитии ренты² с целью выбрать все места, которые могли бы послужить нам темой для будущей дискуссии. Не будет похвалой, если я скажу, что все основные принципы в работе встречают мое полное признание, и я считаю, что она содержит много оригинальных взглядов, которые важны не только потому, что связаны с рентой, но и потому, что имеют отношение ко многим другим трудным пунктам, как налоги и т. д. и т. д.

Я не могу, однако, не выразить сожаления, что вы не рассматриваете отношения ренты к прибыли с капитала и к заработной плате в отдельности. Рассматривая воздействие двух последних на ренту совместно, вы, я думаю, не сделали предмет столь ясным, сколь это было бы возможно.

В опыте есть места, с которыми я не могу согласиться. Одно из них — влияние на ренту усовершенствований как в практике земледелия, так и в сельскохозяйственных орудиях. Мне кажется, что их непосредственные последствия выгодны только для фермера, а не для землевладельца. Как увеличение получаемого продукта, так и экономия, реализованная при получении того же количества продукта, составляет, по моему мнению, целиком выгоду фермера; а землевладелец выгадывает только с течением времени, так как эти улучшения могут поощрить накопление, а также обработку более бедных земель.

Я думаю, кроме того, что рента ни в коем случае не создает богатства; она представляет всегда часть уже созданного богатства и обязательно получается за счет прибыли с капитала, хотя использование ее не становится из-за этого менее выгодным с точки зрения общественных интересов.

Рассматривая ренту в этом свете, я вынужден взять назад ту уступку, которую я был склонен сделать, когда вы впервые поставили вопрос: «сберегается ли при ввозе зерна по цене более низкой, чем та, по которой мы можем возделывать его, вся разница и не должна ли быть сделана некоторая скидка с выигрыша вследствие потери ренты?» Ибо в настоящее время я определенно думаю, что вся разница в цене будет выиграна без какого-либо вычета. А если так, то аргументы тех, кто выступает за свободу хлебной торговли, остаются во всей своей первоначальной силе, так как рента всегда вычитается из прибыли с капитала.

¹ Письмо не датировано. Обозначено Мальтусом: февраль 1815 г. Почтовый штемпель от 6 февраля 1815 г. — *Прим. ред.*

² «Исследование о природе и развитии ренты и о принципах, какими она регулируется» («An Inquiry into the Nature and Progress of Rent, and the Principles by which it is Regulated», London, 1815).

Я постараюсь, если у меня будет досуг, изложить свои мысли об этом на бумаге и попытаюсь показать, что, поскольку дело касается ввоза, влияние налога и ренты совершенно различно. Может быть, экономно возделывать хлеб, если цена его повышается только вследствие обложения, так как при ввозе хлеба часть налога была бы целиком потеряна для [ввозя]щей страны¹. Подобное соображение отнюдь не должно влиять на нас в вопросе о возможной потере ренты.

Как вам известно, я рас[хожусь с вами] по вопросу о влиянии нало[гов] на увеличение количества продукта. Мне кажется, что вы не совсем последовательны, когда признаете, допуская, как вы это безоговорочно делаете, что последний поступивший в обработку участок земли не дает ничего, кроме прибыли на капитал, т. е. не приносит ренты, и все же утверждаете, что налоги на предметы первой необходимости или сырые продукты падают на землевладельца, а не на потребителя.

Лондон, 13 февраля 1815 г.²

Что касается шотландских фермеров, которые получили такую большую прибыль на капитал в течение последнего периода арендного договора, то они, мне кажется, воспользовались рентой, полученной не благодаря улучшениям в земледелии, а благодаря тому, что в обработку поступили более бедные земли. Если бы срок их арендных договоров истек раньше, то рента с этих ферм давно повысилась бы. Было бы желательно знать, как велика была рента с этих ферм в момент заключения первоначального договора, или вернее, в каком отношении она находилась тогда к капиталу и каково это отношение в настоящее время.

Влияние монополии не может, по моему мнению, чувствоваться до тех пор, пока не останется уже земельной площади, которая может быть обработана с выгодой. Вы сами сказали, и мне очень нравится это место, что последняя часть капитала, вложенного в землю, доставляет только обычную прибыль с капитала и не приносит никакой ренты. Если так, то цена хлеба подобно цене любого другого предмета, регулируется издержками производства, и прибыль с каждой последующей части

¹ Здесь и ниже в оригинале пропуск. Пропущенное восстановлено в кембриджском издании.

² Ответ на письмо Мальтуса от 12 февраля. В нем Мальтус возражает против предыдущего письма Рикардо и вновь утверждает, что, хотя «рента и является частью уже созданного богатства, она из-за этого не перестает быть вновь созданной». В целом письмо снова является защитой ввозных пошлин на зерно, несмотря на некоторые весьма путанные уступки аргументам Рикардо. — *Прим. ред.*

капитала, вложенного в землю, остается на прежнем уровне только потому, что дальнейшая затрата капитала не может принести большей выгоды; а все, что новое вложение приносит где-либо сверх прежнего уровня, есть рента, а не прибыль.

Я прочел с большим вниманием также и ваше «Приложение» и не могу отказаться от мысли, что вы совершенно отбросили то беспристрастие, которое, мне кажется, отличало вас в ваших «Замечаниях»¹. Вы открыто высказываетесь за ограничение ввоза; я не упрекаю вас за это. Нелегко правильно оценить опасности, которым мы можем подвергнуться. Те, кто высказывается за свободу хлебной торговли, могут недооценивать их, но возможно, что вы их переоцениваете. В высшей степени трудно учесть действительное значение этих опасностей; подходя к вопросу с экономической точки зрения, вы, хотя кое-где и допускали, что, ввозя дешевое зерно, мы можем выиграть больше, чем выращивая собственное дорогое, все же указываете на многие неудобства, которые мы испытали бы вследствие потери земледельческого капитала и по другим причинам; это создает впечатление, будто вы считаете, что даже с экономической точки зрения мы [не] должны² ввозить хлеб; что же касается того одобрения, с которым вы цитируете из Адама Смита место о преимуществах земледелия над торговлей в деле увеличения продукции, то я не могу не думать, что это одобрение противоречит всем вашим общим доктринам³.

Ваши замечания о выгодах (и, следовательно, о несправедливости по отношению к другим классам), которые получит держатель государственных бумаг от низкой цены хлеба, по моему мнению, весьма правильны; но я не думаю, что эти соображения находятся в противоречии к общему благу. Ведь держатели бумаг немало пострадали в разные периоды, а если теперь фонд погашения будет обращен на другие нужды, то к длинному списку прибавится новая вопиющая несправедливость.

Лондон, 9 марта 1815 г.

Мой круг знакомств охватывает так мало политэкономов, что у меня мало возможности узнать, поддерживает ли кто-либо те взгляды, которые вы считаете характерными для меня, читаются ли хотя бы мои работы и привлекают ли они

¹ «Observations on the Effects of the Corn Laws», 1814.

² В кембриджском издании в сноске отмечается, что по смыслу здесь должно быть «не должны». — *Прим. ред.*

³ В рукописи есть, по-видимому, какие-то неточности или описки, хотя основная мысль ясна. — *Прим. ред.*

внимание¹. Что касается моего собственного взгляда на данный вопрос, то он, быть может, очень односторонен, чтобы заслуживать внимания, но, несмотря на все усилия не быть слишком пристрастным в пользу своих собственных взглядов, я продолжаю считать их правильными.

Я действительно хотел бы изменить то, что сказал относительно стабильности цен товаров при всех колебаниях цены хлеба либо благодаря богатству, либо вследствие ввоза из чужих стран или усовершенствований в земледелии. Я не принял во внимание изменений в стоимости сырого материала, входящего во все промышленные товары. Я полагаю, что цена их подвержена изменениям не в силу роста или падения заработной платы, но в силу повышения или понижения цены сырых материалов, которые входят в их состав; для некоторых товаров эти колебания цен на сырье не могут быть незначительными.

Меня сильно угнетает, что мое изложение было так неудачно; я слишком торопился и не сумел сделать свои взгляды понятными даже для тех, кто хорошо знаком с этим предметом, не говоря уже о тех, кто лишь поверхностно соприкасался с ним.

После того как я вас видел, я получил записку от г-на Эдурда Уэста — автора, подписывающегося в качестве члена университетского колледжа; он, конечно, высказывается в пользу моих взглядов, потому что они очень похожи на его собственные. Я читал его книгу со вниманием и нашел, что его взгляды в значительной степени совпадают с моими. Он адвокат, молодой человек, и, по-видимому, усердно занимается политической экономией...

Г-н Джекоб² обошелся с ним и со мною довольно грубо, но не хочет снизойти до спора с нами. Я был бы очень доволен, если бы он оказался самым страшным из оппонентов, которые нападают на меня, так как он, кажется, совершенно невежествен в том, что касается научной стороны предмета.

Оппозиция против билля³ гораздо сильнее, чем я ожидал, но защитники его выступают в Палате общин весьма решительно, и я предполагаю, что он в конце концов пройдет. Сожалею, что народ прибег к беспорядкам и оскорблениям⁴. Я слишком большой приверженец порядка, чтобы стремиться

¹ Работа Рикардо «Опыт о влиянии низких цен на хлеб на прибыли с капитала» вышла 24 февраля 1815 г. — *Прим. ред.*

² В опубликованном им письме к Уайтбреду.

³ Проект закона, запрещавшего ввоз хлеба, если цена пшеницы на внутреннем рынке ниже 80 шилл. за четвер.

⁴ 6, 7 и 8 марта в связи с протестом против проведения билля в Лондоне имели место бурные народные волнения. Билль был все же принят 10 марта.

добиваться успеха с помощью таких средств; помимо того, я убежден, что они скорее вредят, чем способствуют достижению цели, которую народ и я имеем в виду...

Сэр Ф. Бардетт и некоторые другие думают, что высокая цена нашего хлеба вызвана огромным налогом и что она не должна и не может понизиться без ущерба для землевладельцев, пока наш долг не уменьшится. Если бы я мог убедить самого себя в том, что хоть какая-нибудь часть цены хлеба является результатом налогов, я высказался бы в пользу покровительственной пошлины, соответствующей этой части цены. Но если бы был прав он, то высокая цена не сопровождалась бы высокой рентой или обработкой худших земель. Я считаю ту и другую несомненным свидетельством того, что высокая цена вызывается богатством и недостатком плодородной земли. В самом деле, моя теория приводит меня к мысли, что только налоги, падающие непосредственно на землю или ее продукты, могут повысить цену хлеба, но даже такие налоги не имели бы влияния, если бы все подлежащие вывозу товары облагались в одинаковой степени, так как действие налога на подлежащие ввозу товары в стране, ввозящей зерно, мало отличается от действия пошлины на ввоз последнего.

Аппер Брук стрит, 14 марта 1815 г.¹

Я читал памфлет Торренса и считаю его в целом очень удачным произведением. Я расхожусь с большинством его взглядов в главе 2-й, часть 2-я, со многими взглядами в 3-й главе и с немногими в остальной части работы. Я рад слышать от вас, что вы собираетесь выступить с несколькими замечаниями о ней. Я считаю, что это противник, достойный вашего пера, и друзья истины не преминут извлечь пользу из этой дискуссии.

Что касается каких-либо замечаний относительно моих взглядов, то вы должны руководствоваться вашим собственным усмотрением. Если эти взгляды неправильны, я хотел бы, чтобы они были опровергнуты, но, поскольку я считаю, что они во всех существенных пунктах основаны на правильных принципах, я не прошу пощады. Я не забочусь о том, насколько строго их будут осуждать; нет ничего, что вы могли бы сказать о них и что задело бы меня, если только сказанное вами не будет выражать презрения, а я знаю, что вы его ко мне не питаете. Поступайте поэтому со мной так, как если бы я был вам совершенно чужим, и упомяните обо мне или нет, как сочтете лучшим.

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 12 марта, в котором Мальтус ставит вопрос о «влиянии роста относительной цены зерна на размеры прибавочного продукта, получаемого с земли, уже находящейся в обработке». — *Прим. ред.*

Без всяких колебаний я соглашусь с вами, что если, вследствие повышения относительной стоимости хлеба, на основной капитал и на заработную плату затрачивается меньше, то для землевладельца и фермера, вместе взятых, должно остаться больше; это само собою очевидно, но на деле не в этом предмет спора между нами, и я не могу отказаться от мысли, что вы упускаете из виду некоторые из наиболее важных обстоятельств, связанных с вопросом. Мое мнение таково, что меновая стоимость хлеба может постоянно расти только тогда, когда возрастают действительные издержки его производства. Если 5 тыс. кварталов валового продукта обходятся в 2,5 тыс. кварталов, расходуемых на заработную плату и т. д., а 10 тыс. кварталов обходятся вдвое дороже или в 5 тыс. кварталов, то меновая стоимость хлеба будет прежней, но если 10 тыс. кварталов обходятся в 5,5 тыс. кварталов, расходуемых на заработную плату и т. д., то цена повысится на 10%, потому что таков будет рост издержек. Повышение цены хлеба и понижение пены труда, выраженной в хлебе, по моему мнению, несовместимы, если только они не вызываются чем-либо в области денежного обращения; нет необходимости исследовать здесь, какие последствия это вызовет. Заметьте, я не оспариваю, что каждый отдельный рабочий может получать меньшую заработную плату, выраженную в хлебе; я полагаю, что так и будет, но я сомневаюсь в том, что выраженная в хлебе общая сумма заработной платы и т. д.¹, уплачиваемая за обработку земли, может быть уменьшена при повышении меновой стоимости хлеба. Если бы количество рабочих не увеличилось, но цена хлеба повысилась бы, то ваше положение нельзя было бы оспаривать. Но причина повышения цены хлеба лежит исключительно в увеличении издержек производства.

Я потерял памфлет лорда Лодердэля или, скорее, его кто-то взял из моего бюро. Если я смогу достать другой экземпляр, то пошлю его вместе с этим письмом. Я думаю, что усовершенствования в земледелии оказали большее влияние на понижение ренты, чем мы когда-либо воображали. Согласно моей теории эти усовершенствования полностью объясняют, почему не повышается рента; а по вашей теории, они говорят о совершенно ином.

Я хотел упрекнуть вас, узнав, с каким одобрением вы говорили о памфлете г-на Джекоба, когда г-н Базеви спросил ваше мнение о нем. К моему удовольствию, вы признаете, что г-ну Джекобу сильно не хватает научных знаний.

Из сказанного мною вы видите, что повышение цены хлеба в моем представлении всегда сопровождается меньшим коли-

¹ Здесь и ниже в рукописи пропуск. — *Прим. ред.*

чеством прибавочного продукта, но в сравнении с другими предметами последний может иметь одинаковую стоимость. Из этого продукта землевладелец получает столь большую часть, что, несмотря на повышение цены, положение фермера постоянно ухудшается.

Лондон, 17 марта 1815 г.¹

Если бы ваше положение было правильно, то из него вытекал бы следующий экстравагантный вывод: по мере возрастания населения и поступления в обработку худшей земли отношение продукта к издержкам по его производству, выраженным в хлебе, повышалось бы. Если бы мы получали в настоящее время 20 млн. кварталов хлеба при издержках в 5 млн. кварталов, то при издержках в 10 млн. кварталов мы получили бы больше 40 млн., несмотря на то что благодаря худшему качеству земли в течение последнего периода обработкой земли было бы занято более чем двойное количество рабочих. Если это верно, то принцип народонаселения ложен потому, что, чем больше растет население, тем больше увеличивается изобилие. Ваше положение все же очень остроумно и кажется весьма заманчивым, но, я думаю, вы ошибаетесь, предполагая возможным, что отношение всех выраженных в хлебе издержек ко всему полученному продукту может понизиться с ростом цены хлеба. Оба явления несовместимы: либо вся сумма издержек производства, выраженных в хлебе, повысится, либо нет. Если она возрастет, то цена хлеба повысится; если же нет, то я не вижу никакого основания для повышения цены хлеба. Я допускаю, что только последняя часть капитала, вложенного в землю, будет сопровождаться ростом издержек, выраженных в хлебе, но если это не увеличивает общей суммы издержек по производству всего продукта в целом, то цена его не повысится.

Предположим, что продукт страны составляет 10 млн. кварталов по цене 4 ф. ст. за квартал, а число занятых рабочих — 2,5 млн., причем каждый получает ежегодно в виде заработной платы 2 квартала хлеба. Предположим, кроме того, что население возрастает и требуется на 5 млн. кварталов хлеба боль-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 15 марта, в котором он утверждает, что «если цена зерна повышается вследствие роста населения или ограниченного ввоза, то весь капитал, уже применяемый в земледелии, станет более производительным», и что, следовательно, «повышение относительной цены зерна приведет к тому, что вся масса его будет вырабатываться с меньшими затратами зерна, оставляя таким образом большее количество для торговли и промышленных классов». — *Прим. ред.*

ше, но это количество может быть получено только трудом не меньше чем 2 млн. человек. Если предположить, что цена повышается пропорционально числу занятых людей, то она повысится до 4 ф. ст. 16 шилл., потому что для производства 10 млн. кварталов теперь потребуется в среднем 3 млн. человек вместо 2,5 млн. Предположим теперь, что каждый человек потребляет ежегодно один квартал хлеба в пищу, а остаток обменивает на другие предметы первой необходимости. В качестве заработной платы для него будет достаточно 14 бушелей; расход хлеба на заработную плату будет тогда составлять для 15 млн. кварталов продукта 7 875 тыс. кварталов, а для 10 млн. — 5 250 тыс. Но прежде он составлял только 5 млн., и доля прибавочного продукта, следовательно, уменьшилась.

Составляя этот расчет, я старался сделать его возможно более благоприятным для вашей точки зрения на этот вопрос, потому что цена хлеба, я думаю, повысилась бы пропорционально не увеличению числа занятых рабочих, а увеличению суммы выплаченной заработной платы; цена повысилась бы поэтому не до 4 ф. ст. 16 шилл., а до 4 ф. ст. 4 шилл., потому что $5 : 5^{1/4} = 4$ ф. ст.: 4 ф. ст. 4 шилл. Но если бы цена составляла только 4 ф. ст. 4 шилл., то рабочие потребовали бы больше хлеба, чем 14 бушелей: ведь расчет основан на большей меновой стоимости хлеба.

Кроме того, если даже ваше положение верно, оно не объясняет, почему теперь занята обработкой земли меньшая доля населения; ведь вы всегда предполагаете, что будет занято больше людей, но с меньшей заработной платой, выраженной в хлебе. Никогда не может случиться, я думаю, что без повышения цены хлеба прибыль будет падать и содействовать обработке худшей земли таким способом, какой я принял в моей таблице¹. Только повышение цены хлеба приводит все прочие прибыли в соответствие с земледельческой прибылью. Если цена хлеба остается низкой, то денежная заработная плата не повышается и средняя прибыль не может понизиться.

Если верно, что капитал, вложенный в земледелие, становится все более производительным, то это, я думаю, может быть объяснено только на основе предположения, что в земледелии имели место значительные улучшения и что заработная плата держалась на умеренном уровне благодаря усовершенствованиям в отраслях промышленности, снабжающих бедных предметами первой необходимости, на каковые расходуется часть их заработной платы.

¹ Речь идет о таблице, которую Рикардо дает в своем «Опыте о влиянии низкой цены хлеба и т. д.», вышедшем в свет за месяц до этого письма к Мальтусу. См. т. III настоящего издания, стр. 22. — *Прим. ред.*

Какая страшная перемена произошла на нашем политическом горизонте в течение немногих дней. Возможно ли будет сохранить мир, если Бонапарт утвердится как монарх Франции!? Перспектива весьма мрачная¹.

Лондон, 21 марта 1815 г.²

Ни по одному из предметов, которые мы обсуждали с вами за последнее время, мы не расходились так существенно, как по тому, который занимает наше внимание теперь. Если бы ваше положение подтвердилось, то, по моему мнению, оно опрокинуло бы как вашу теорию ренты, так и вашу теорию населения. Насколько я понимаю, вы утверждаете, будто чем больше повышается цена хлеба благодаря увеличению числа людей, занятых обработкой менее плодородной земли, тем больше будет не только прибавочный продукт, остающийся после оплаты рабочих, но и тем выше будет отношение этого прибавочного продукта ко всему капиталу, вложенному в землю. Если это верно, то для роста населения нет никаких препятствий, а производство продуктов питания может увеличиваться быстрее, чем увеличивается народонаселение. Согласно вашему положению, вместе с каждым дополнительным рабочим происходит не только равный, но и более значительный прирост прибавочного продукта. И можно было бы, следовательно, безгранично увеличивать число рабочих, а рента и прибыль, вместе взятые, должны были бы не просто возрастать, а возрастать в геометрической прогрессии. Я уверен, что правильно излагаю ваше положение, потому что если бы, как вы говорите, все выраженные в хлебе издержки производства на 1 квартал понижались по мере повышения цены, то прибавочный продукт должен был бы возрастать в геометрической прогрессии по мере увеличения вложенного капитала. Если же вы только хотели сказать, что прибавочный продукт будет возрастать вместе со всяким накоплением капитала, вкладываемого в землю, хотя и более медленными темпами, чем капитал, то я не только выдвигал такое положение, но и настойчиво защищал его, как основу моей теории; это — та база, на которой построена моя таблица. Вы неверно поняли одно место в моем последнем письме. Я, конечно, никогда не говорил и никогда

¹ Рикардо имеет в виду бегство Наполеона с острова Эльбы и высадку его во Францию 26 февраля 1815 г. — *Прим. ред.*

² Ответ на письмо Мальтуса от 19 марта, в котором Мальтус повторяет свои прежние рассуждения о росте «производительности капитала» при росте цен на хлеб в связи с нехваткой его «благодаря естественному росту населения или введению ограничений на ввоз». — *Прим. ред.*

не думал, что можно разумно обосновать увеличение числа людей для производства точно того же количества хлеба на той же самой земле. Я сказал только, что если в какой-либо период число рабочих, требующихся для производства 10 млн. кварталов хлеба, составляло 2,5 млн. человек, а в другой период вследствие увеличения спроса 15 млн. кварталов при введении в обработку некоторой части худшей земли могут быть получены трудом не меньше чем 4,5 млн. человек, то в этот последний период производство 10 млн. кварталов потребовало бы труда 3 млн. человек, потому что 15 относится к 4,5, как 10 к 3. И если мы предположили, что цена хлеба при таких обстоятельствах возросла в отношении 2,5 к 3 (а такое предположение гораздо более благоприятно для вашего взгляда на вопрос, чем мы должны были бы допустить), то это все же не подтвердило бы заключений, к которым вы приходите, а, напротив, доказало бы, что верна моя теория. Если бы расчет был сделан, как вы считаете более правильным, на основе увеличения числа рабочих с 10 до 10,5 млн., то результат был бы тот же, но нам пришлось бы ломать себе голову над десятичными или простыми дробями, к которым пришлось бы прибегнуть при таком предположении.

Я согласен с вами, что «естественная цена хлеба зависит целиком от цены последних добавочных количеств хлеба и не имеет никакого значения, приносит ли капитал на старой земле 50% (ренды и прибыли, вместе взятых) или 20%. В обоих случаях цена хлеба с такой земли не имеет отношения к издержкам производства». Я не вижу, каким образом допущение этого факта может подкрепить вашу аргументацию, которая касается только отношения прибавочного продукта ко всему вложенному капиталу.

Я не могу понять, при помощи какого аргумента вы могли бы показать, что наем дополнительного рабочего для обработки земли может и не оплатить расходов на него, хотя в обработке земли занято не больше четверти населения. Я допускаю полностью, что никакое давление не может уничтожить ренту, но раз последние доли капитала, вложенные в землю, не приносят ренты, то я не могу допустить, чтобы при этом не имело место побуждение привлечь больше рабочих, если их средняя продукция составляла бы в 3 раза больше пищи, чем они сами могли бы потребить. Если бы весь этот избыток, после вычета из него самого умеренного содержания собственников капитала, был поглощен землевладельцами в форме ренты, то они могли бы увеличить свой доход и привлечь больше рабочих к обработке земли при условии, что кто-нибудь из них сберег хотя бы часть своего дохода и ссудил его по обычной норме процента.

Лондон, 27 марта 1815 г.¹

Ни одно политическое событие, насколько я припоминаю, не производило такого ужасного впечатления, как последний при-скорбный переворот². В настоящее время налицо все зловещие предзнаменования войны и последствий ее для наших финансов; правда, наше мужество еще не поднято до надлежащего уровня; как и во всем остальном, мы приспособимся к новому положению через неделю — другую. Я буду рад, однако, обратить свое внимание на другие предметы.

В своем памфлете о слитках я отметил, что многие утверждают, будто они рассматривают деньги только как товар, подчиненный тем же законам изменения стоимости под влиянием спроса и предложения, как и другие товары, но все же в своих дальнейших рассуждениях о деньгах они обычно показывают, что в действительности считают деньги чем-то своеобразным: они ведь изменяются в силу причин, совершенно отличных от тех, которые действуют на другие товары. Не впадаете ли вы в ту же ошибку, когда говорите: «В первую очередь все зависит от отношения между хлебом и другими товарами; а так как труд и хлеб входят в цены всех товаров, то разница между хлебом и другими товарами не может никоим образом возрастать в какой-либо пропорции к росту денежной цены хлеба». Если деньги — товар, то не входят ли хлеб и труд в их цену или стоимость? И если да, то почему стоимость денег не может изменяться в сравнении с хлебом и трудом по тем же законам, что и стоимость всех других товаров? Поскольку этот вопрос касается ввоза хлеба, вы гораздо больше, чем я, заинтересованы в том, чтобы настаивать на единообразной стоимости товаров: ведь если повышение цены хлеба и труда повышает, как вы утверждаете, цену наших товаров, то это добавочное основание, почему мы не должны налагать ограничений на ввоз хлеба; это решительно ставит нас в невыгодное положение в конкуренции с иностранцами при продаже наших товаров.

Не останавливаясь, однако, на этом весьма существенном пункте, я соглашаюсь с вами, что повышение цены хлеба вызовет иное распределение продукта, полученного со старой земли. Это происходит благодаря понижению прибыли. Теперь уже не фабрикант будет иметь возможность содержать слугу или рабочего, что могло бы увеличить его комфорт, а земле-владелец, и это произойдет вследствие понижения стоимости

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 24 марта, в котором последний совершенно отходит от представления о деньгах как о товаре. В результате изменения цен на хлеб происходит изменение в распределении его: «увеличивается доля сырого материала, идущая на прибыль и ренту, главным образом, конечно, на последнюю». — *Прим. ред.*

² Вступление Наполеона в Париж 20 марта.

промышленных товаров, выраженной в хлебе. В самом деле, я не вижу другого предела для падения выраженной в хлебе стоимости товаров, кроме невозможности производить их хотя бы с ничтожной прибылью, а этого не случится до тех пор, пока землевладелец не присвоит себе в форме ренты почти весь прибавочный продукт земли. Мне кажется, что рост богатства, увеличивая накопление, имеет естественную тенденцию вызывать такой результат; это так же несомненно, как принцип притяжения земли.

По моему мнению, вы совершенно изменили выдвигаемое вами положение. Прежде вы утверждали, что вследствие возрастания богатства и обработки менее плодородной земли все издержки производства в земледелии, выраженные в *хлебе*, будут составлять *меньшую* долю всей стоимости продукта, выраженной в *хлебе*, а теперь вы говорите, что *денежные* издержки производства в земледелии будут составлять меньшую долю в *денежной* стоимости всего продукта. Разница между этими двумя положениями очень существенна, так как последнее может быть верно в то самое время, когда первое ложно. Допущение мною правильности вашего теперешнего утверждения не нанесло бы ущерба моей теории, хотя и доказало бы, что землевладелец и арендатор (вместе) получили больший денежный доход или, если хотите, денежный доход в более высокой пропорции к вложенному денежному капиталу; все же арендатор может получить и, я думаю, получит меньшую долю, и, следовательно, норма прибыли понизится. Такое положение с ценами вполне совместимо с увеличением количества людей, занятых в обработке земли, по сравнению с полученным продуктом, но оно совершенно непримиримо с принципом, о котором шел прежде спор и согласно которому чистый продукт (в хлебе) составляет более значительную долю валового хлебного продукта.

Я согласен с вами, что повышение цены хлеба в общем порядке вещей есть скорее причина, чем следствие увеличения сверх обычного числа людей, работающих на новых землях, для получения того же количества продукта. Ведь прибыль при таком применении капитала может быть выше, чем в других условиях; но это различие в прибылях может также быть скорее результатом общего падения нормы прибыли в других отраслях, чем следствием фактического повышения прибыли в земледелии; и я придерживаюсь того мнения, что повышение цены хлеба всегда понижает среднюю прибыль, так как повышает заработную плату. Я никоим образом не могу согласиться, что средняя прибыль может повыситься вместе с повышением цены хлеба и упасть вместе с понижением цен, если только она не повышается или не понижается благодаря понижению или повышению заработной платы; но в этом случае изменения

прибыли могут быть только кратковременным явлением. При обычном ходе вещей, поскольку высокая цена хлеба принимает прогрессивный характер, заработная плата будет действительно высока, и прибыль не сможет повышаться из-за снижения заработной платы.

Я твердо убежден, что Торренс несправедливо отнесся к вам в замечаниях, сделанных им в предисловии к своей книге. Если мне не изменяет память, вы признали, что свой взгляд на хлебные законы вы переменяли после того, как написали опыт о населении, т. е. в ваших «Замечаниях о хлебных законах». Я полагаю также, что вы всегда придерживались того мнения, которое теперь защищаете, а именно, что разница между стоимостью золота и бумажных денег была отчасти вызвана повышением стоимости золота¹.

Не слишком ли придирчива его критика употребления слова «обесценение»?² Но, если он даже прав во всем, то его примеры слишком малочисленны, чтобы оправдать его суровые замечания. В Геологическом клубе о книге Торренса отзывались недавно с большим одобрением. Блэйк и Гриноу думают, что он исчерпал предмет и что его аргументы не могут быть опровергнуты. Я думаю, что его много читают.

«Если я обложу налогом иностранный хлеб, спрашиваете вы, в связи с тем, что существует налог на наш собственный хлеб, то не применим ли тот же принцип к косвенным налогам, повышающим цену труда?» Я думаю, нет, потому что налог на хлеб повысит его цену дважды, сначала — как налог и второй раз вследствие повышения заработной платы; но так как второе повышение будет общим для всех предметов, в стоимость которых входит труд, и так как новая стоимость денег внесет сюда корректив, то оно не будет очень продолжительно. Косвенные налоги, повышающие только заработную плату, сопровождаются, по моему мнению, такими же последствиями, как второе повышение цены хлеба, о котором я только что говорил. Всякий раз, когда налог падает на землю с неодинаковой силой, не затрагивая труда, в других отраслях, следует, по моему мнению, ввести уравнивающую пошлину на ввоз.

¹ Торренс утверждал (в «Опыте о внешней торговле хлебом»), что во время работы «Комиссии о слитках» Мальтус был известен как горячий защитник «противоположного мнения» (см. кембриджское издание, т. VI, стр. 205).

² Торренс решительно критиковал Мальтуса за его объяснение резко выраженной разницы между стоимостью денег и стоимостью слитков не «падением стоимости денег», а «повышением стоимости слитков». Как говорит Торренс, «крайне неточный и нефилософский язык, каким пользуется г-н Мальтус, говоря о нашей денежной системе, показывает, что он еще не достиг каких-либо точных понятий в вопросе о денежном обращении» (см. кембриджское издание, т. VI, стр. 205).

Лондон, 4 апреля 1815 г.¹

Вы полагаете, что моей теории понижения нормы прибыли вследствие необходимости перехода к обработке менее плодородных земель наносится ущерб моим допущением относительно получения со старой земли более значительного количества прибавочного продукта и более значительной денежной стоимости. Это было бы верно, если бы какая-нибудь часть либо добавочного количества, либо добавочной стоимости принадлежала собственнику капитала. Вы, однако, категорически утверждаете, что эта добавочная стоимость или добавочное количество «останутся у фермера и землевладельца». Прежде чем считать мою теорию затронутой, следует показать, что весь продукт не останется у землевладельца, так как если фермер не получает доли его, то его прибыль не может повыситься.

Я согласен с вами, что при повышении меновой стоимости хлеба «все количество хлеба в стране будет обмениваться на большее количество одежды, чем прежде, и, следовательно, налицо будет как покупательная способность, так и воля к покупке более значительного количества промышленных и иностранных товаров при помощи сырого продукта страны».

Мне легко представить себе, что в развивающейся стране эта способность и воля к покупке могут быть удвоены или утроены точно так же, как и количество товаров, на которые они направлены, но это допущение не затрагивает вопроса о прибыли. Большой спрос на отечественные и иностранные товары может существовать и без постоянного повышения цен, поскольку их производство не будет сопровождаться новыми трудностями. Когда Америка станет столь же населенной и богатой, как самая богатая страна в Европе, то не будет ли ее хлеб обмениваться как на деньги, так и на товары по более высокой стоимости, хотя количество его сильно увеличится? Ведь количество всех иностранных и отечественных товаров в Америке удвоится или утроится, и все же разве прибыль с капитала не станет там меньше, чем в настоящее время? Я не думаю, что на этот счет может существовать хоть малейшее сомнение. Теория и опыт целиком говорят в пользу этого мнения.

Если труд десяти человек на земле, не приносящей никакой ренты может производить 100 кварталов пшеницы, то мне кажется возможным и вероятным, что на этой земле можно с выгодой привлечь на одну треть больше рабочих, чтобы произвести не только 100 кварталов пшеницы, но и добавочное коли-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 2 апреля, в котором Мальтус повторяет свои прежние доводы — *Прим. ред.*

чество, большее, чем то, которое потребили бы добавочные рабочие. Пока труд 10 человек может произвести 100 кварталеров пшеницы, трудно предположить, что прибыль будет составлять только 10%; еще труднее представить себе, что нельзя с выгодой занять гораздо больше людей для увеличения продукта, получаемого с такой земли.

Теоретически в землю, не приносящую никакой ренты, согласно вашему предположению, вкладывалось бы с выгодой все больше и больше капитала до тех пор, пока добавочное количество полученного продукта превышало бы количество, уплачиваемое добавочным рабочим. Капитал может затрачиваться таким образом до тех пор, пока прибыль с капитала дает какой-либо доход, пусть не 10%, а хотя бы 1% или $\frac{1}{2}$ %.

Несомненно, стоимость денег изменяется медленнее, чем стоимость других товаров, в силу указанной вами причины; несмотря на это, их стоимость, подобно стоимости всякого другого иностранного товара, зависит от труда и расходов по доставке их на рынок.

Лондон, 17 апреля 1815 г.

Вы, по моему мнению, согласны с г-ном Торренсом, что повышение цены хлеба будет сопровождаться повышением цен товаров отечественного производства, но ваша теория требует, чтобы цены тех товаров, на которые затрачивается заработная плата, не повышались: ибо если цена их повышается в той же пропорции, что и цена хлеба, то не может быть никакого понижения заработной платы в хлебе. Весьма мало вероятно, однако, что цены всех промышленных товаров повысятся на внутреннем рынке и что не повысится цена только тех из них, на которые затрачивается заработная плата. Разве на цену мыла, свечей и т. д., хотя они являются иностранными товарами, не обязательно влияет повышение цен тех производимых у нас товаров, которые даются в обмен за них?

Однако теория г-на Торренса в этой части кажется мне ошибочной, так как я думаю, что цена товаров будет очень мало затронута повышением или понижением цены хлеба. Если бы это было так, то всякое повышение цены хлеба должно было бы затрагивать прибыль в промышленности; ведь невозможно, чтобы прибыль в земледелии могла существенно отклоняться от промышленной прибыли.

Предположим, однако, что вы и г-н Торренс правы и что цены товаров повышаются с каждым повышением цены хлеба. В таком случае стоимость основного, а равно и оборотного капитала, вложенного в земледелие, также повысится; и хотя денежная стоимость продукта со старой земли должна повыситься, она будет находиться в прежнем отношении к денеж-

ной стоимости вложенного капитала; а так как этот продукт будет делиться в различных пропорциях между землевладельцем и фермером, норма прибыли последнего понизится. Ради анализа результатов этого мы предположим, что вместе с повышением цены хлеба повышаются цены всех товаров, за исключением только тех, на которые расходуется заработная плата, и что вследствие этого заработная плата, выраженная в хлебе, падает. Предположим, что цена хлеба составляет 4 ф. ст. и что на старой земле необходим был труд 8 человек для получения 80 кварталов хлеба, а также что не уплачивается никакой ренты и что каждый рабочий получает в год в качестве заработной платы 8 кварталов, из которых половина затрачивается на товары. Прибыль фермера при цене в 4 ф. ст. за квартал составляла бы 64 ф. ст., или 16 кварталов; кроме основного капитала, лошадей, семян и т. д., ему потребуется стоимость 64 кварталов, или 256 ф. ст., чтобы уплатить годовую заработную плату рабочим; следовательно, его прибыль находилась бы в отношении 25 ф. ст. к 100 ф. ст. заработной платы, так как $256:64=100:25$.

Предположим теперь, что цена хлеба повысилась до 4 ф. ст. 10 шилл., заработная плата изменится тогда только в размере 10 шилл. на 4 квартала и, следовательно, повысится до 34 ф. ст. в год на человека, или до 272 ф. ст. на всех рабочих на старой земле. Но 80 кварталов хлеба будут проданы за 360 ф. ст., и прибыль в 88 ф. ст. останется для раздела между фермером и землевладельцем, а 88 относятся к 272, как 32 к 100.

Но на новой земле для получения 80 кварталов, или 360 ф. ст., может потребоваться труд $8\frac{1}{2}$ человек; труд этих $8\frac{1}{2}$ человек будет стоить по 34 ф. ст. на каждого, а всего — 289 ф. ст.; следовательно, прибыль составит 71 ф. ст., которые находятся в том же отношении к 360 ф. ст., как 19,7 ф. ст. к 100 ф. ст.

100 ф. ст. капитала, или расход на старой земле, доставит 32 ф. ст.
100 ф. ст. капитала, или расход на новой земле, доставит 19,7 ф. ст.

Рента 12,3 ф. ст.¹

Из этого явствует, что прибыль на новой земле, регулирующая прибыль на всех прочих землях, составила бы 19,7%, когда цена хлеба была 4 ф. ст. 10 шилл. Она составляла 25%, когда цена была 4 ф. ст.

Если при тех же обстоятельствах мы предположили бы, что цена хлеба поднялась до 6 ф. ст., то в таком случае прибыль повысилась бы и составила бы гораздо больше, чем 25%; но

¹ В подлиннике 2,3. В кембриджском издании имеется сноска с поправкой. — *Прим. ред.*

нужно указать какую-нибудь адекватную причину для такого повышения: произвольно оно не может быть допущено. Ваша теория к тому же предполагает невозможное, а именно, что спрос на промышленные изделия возрастает в такой же пропорции, как и спрос на хлеб как раз в то время, когда нужно больше людей для обработки земли, чтобы получить меньшую долю продукта. Все это представляется мне лабиринтом трудностей; едва мы справляемся с одной, как возникает другая, и так дальше в бесконечной последовательности. Позвольте мне серьезно просить вас уделить моему скромному учению беспристрастное внимание: вы должны будете признать, что моя теория объясняет все явления простым и естественным образом.

Лондон, 21 апреля 1815 г.¹

Мне кажется, что моя таблица применима ко всем случаям, в которых относительная цена хлеба повышается благодаря тому, что для его производства требуется больше труда, и что повышение не может произойти ни при каких других условиях, как бы ни был велик спрос, разве что понизится стоимость других товаров вследствие уменьшения количества труда, нужного для их производства. Вряд ли возможно, чтобы при обилии капитала в стране относительная цена хлеба упала так же низко, как в то время, когда капитал был очень ограничен, но если бы она и упала, то это оказало бы такое же действие на прибыль и ренту, так как обнаружилось бы, что только земля лучшего качества находится в обработке. Вы согласны со мною, что если бы большая полоса плодородной земли была присоединена к нашему острову, то это восстановило бы положение, рассмотренное в составленной мною таблице. Хотя мы согласны в выводах, мы существенно расходимся в нашем взгляде на те средства, с помощью которых это может быть достигнуто. Вы думаете, что «прежде, чем произойдет какое-либо падение цены, капитал станет быстро изыматься из старой земли и из промышленности»; я же думаю, что капитал перейдет со старой земли в промышленность; поскольку пища требуется только в определенном количестве, это количество может быть произведено на плодородной земле, присоединенной к острову, при помощи гораздо меньшего капитала, чем тот, который применялся на старой земле, и, следовательно, весь излишек пойдет в промышленность, чтобы обеспечить производство других предметов, нужных для общества. Прибыль же,

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 18 апреля. В нем Мальтус всячески доказывает, что изменение цен на зерно зависит от самых различных причин (прилив и отлив капитала, спрос и т. д.), но никак не связано с затратами труда, необходимыми для получения зерна. — *Прим. ред.*

получаемая с земли, возрастет за счет ренты землевладельца; одновременно более дешевая цена хлеба повысит прибыль на весь промышленный капитал. Признаюсь, мне кажется невозможным, чтобы при предположенных вами условиях относительная стоимость хлеба упала не вследствие легкости производства его, а вследствие повышения стоимости промышленных товаров. Вы предполагаете, что хлеб сохранит прежнюю цену, тогда как цены промышленных товаров повысятся; я же, напротив, думаю, что цена промышленных товаров останется почти стабильной, тогда как цена хлеба упадет. Разве это не является естественным следствием больших капиталовложений в промышленность и меньших в земледелие? Разве вы тоже не поддерживали неизменно мнения, что падение цены хлеба вызовет падение цены товаров? Если они действуют друг на друга, как вы думаете, но с чем я не согласен, то каким образом цены промышленных товаров могут повышаться при неизменной цене хлеба? Я полагал бы, что на основе ваших принципов такой результат был бы сочтен невозможным.

Лондон, 8 мая 1815 г.¹

В моем распоряжении есть данные о капитале, фактически используемом на ферме в 200 акров в Эссексе. Он составляет 3433 ф. ст., или около 17 ф. ст. на акр; из них не больше 1100 или 1200 ф. ст. принадлежат к той категории, которая не подвержена таким колебаниям стоимости, каким подвержен сам продукт земледелия; а 2200 ф. ст. состоят из стоимости семян, затрат на труд, а также стоимости лошадей и живого инвентаря и т. д. Если при этих условиях денежная стоимость продукта земледелия понизилась бы в силу большей легкости производства, то отношение ее к денежной стоимости занятого в земледелии капитала должно все время продолжать повышаться: ведь средний продукт с акра значительно возрастет, тогда как падение денежной стоимости будет общим как для капитала, так и для продукта; поэтому нельзя считать верным, что рента, прибыли и заработная плата могут действительно понизиться одновременно.

¹ Письмо не датировано, но на почтовом штемпеле указана дата 8 мая. Оно является ответом на письмо Мальтуса от 5 мая, в котором Мальтус продолжает утверждать свои взгляды на заработную плату и прибыль. «Вы коренным образом ошибаетесь, — заявляет он, обращаясь к Рикардо, — ставя норму прибыли в зависимость от легкости производства». Если Рикардо показал, что дешевизна хлеба уменьшает цену рабочей силы, а значит, и заработную плату и тем самым увеличивает прибыль, то Мальтус считает, что «норма прибыли зависит от недостаточного или избыточного предложения капитала по сравнению с возможностью выгодной затраты его». — *Прим. ред.*

Влияние высокой или низкой заработной платы на прибыль всегда отчетливо признавалось мною; пока население возрастает лишь настолько, что растущий капитал может доставить ему занятие, заработная плата будет повышаться и может поглотить большую часть всего продукта. Но такой результат получится только при возрастании капитала и не имеет ничего общего с новыми благоприятными возможностями в производстве. Заработная плата не зависит от количества товара, которое будет произведено трудом одного дня; я поневоле заключаю, что вы совершенно неправы, утверждая, что естественным следствием такого увеличения легкости производства, при котором труд одного дня будет производить четыре меры хлеба, сукна и хлопка вместо двух, явится снижение стоимости 4 мер хлеба, сукна и хлопка до цены одного дня труда вместо двух. Мне кажется, что если вместо четырех мер трудом одного дня могло бы быть произведено десять мер, заработная плата несколько не повысилась бы, и рабочий не получил бы более значительной доли хлеба, одежды или хлопчатобумажных изделий; такое повышение могло бы иметь место лишь при условии, что часть возросшего продукта была бы употреблена в качестве капитала, но и тогда повышение заработной платы было бы пропорционально новому спросу на труд, а вовсе не приросту количества произведенных товаров. Этот прирост пошел бы на пользу исключительно собственнику капитала, и если бы он потребил вместе со своей семьей всю возросшую продукцию, не увеличивая своего капитала, то заработная плата осталась бы без изменения и несколько не была бы затронута возросшей легкостью производства.

Я не могу согласиться с вашим положением, а именно, «что способы применения капитала с выгодой отнюдь не могут сосуществовать и с избытком капитала и продукта и со стабильным населением ввиду того, что необходимым следствием такого положения вещей является повышение реальной цены труда»; я рассматриваю повышение заработной платы отнюдь не как необходимое следствие избытка капитала и продукта, так как оно может сопровождаться новым облегчением производства хлеба; а в этом случае заработная плата, даже если она повысится, не уменьшит прибыли, а будет лишь держать ее на более низком уровне, чем при других условиях. В случае, который мы с вами обсуждали в один из вечеров, если бы каждая леди сама шила себе башмаки, часть капитала, теперь употребляемого сапожниками в производстве обуви, была бы употреблена иначе. Тот же самый труд был бы затрачен на производство других предметов, желательных этим леди-сапожницам; они имели бы возможность и желание покупать их

на сбережения, выпавшие на их долю благодаря тому, что они затратили свой труд производительно.

Существует большая разница между обычными следствиями накопления капитала и употреблением того же капитала более производительным образом. Первое вообще сопровождается повышением заработной платы и понижением прибыли по крайней мере на время, но второе может существовать неопределенно долгое время, не вызывая подобного результата. В случае крупных усовершенствований в машинах капитал освобождается для иного применения и в то же время освобождается также труд, необходимый при прежних условиях: таким образом, спрос на дополнительный труд не будет иметь место, если только возросшее вследствие усовершенствований производство не поведет к дальнейшему накоплению капитала; но тогда воздействие на заработную плату должно быть приписано накоплению капитала, а не лучшему употреблению того же самого капитала.

Если бы рост населения приостановился, тогда как накопление продолжалось бы, то последствия, которые вы перечисляете, несомненно, имели бы место, но это произошло бы потому, что спрос на труд не был бы уравновешен адекватным предложением; это было бы следствием накопления, которое действовало бы так сильно, что увеличение легкости производства сдерживало бы его влияние только в очень малой степени, но это отнюдь не было бы следствием возросшей легкости производства.

Верно, что норма прибыли зависит от недостаточного или обильного предложения капитала сравнительно с возможностями его прибыльного применения; и, как вы говорите, эти возможности будут увеличены на основе обычных принципов предложения и спроса либо путем уменьшения капитала, либо путем расширения рынка для него.

Наш анализ касается в сущности причин расширения рынка; я считаю, что наиболее могущественной и единственной причиной, действующей постоянно, является уменьшение относительной стоимости пищи. Вы делаете как будто маленькую уступку по вопросу регулирования спроса производительной способностью, но вы все еще далеки до того, чтобы уступить во всем, на чем я настаиваю.

Аппер Брук стрит, 27 июня 1815 г.¹

Мне кажется, что существуют две причины, могущие вызвать повышение цен; одна — обесценение денег, другая —

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 19 июня. В этом письме Мальтус снова заявляет, что, по его убеждению, «общее падение цен неизбежно сопровождается бедствиями, тогда как высокие цены на хлеб и на труд (если они вытекают из одних только трудностей производства) сопровождаются незаметными выгодами». — *Прим. ред.*

возросшая трудность производства. Последняя ни в коем случае не может быть выгодна для общества. Она всегда является признаком процветания, но никогда не бывает его причиной. Обесценение денег может быть выгодно потому, что оно обычно благоприятствует тому классу, который расположен накапливать, но я должен сказать, что оно увеличивает богатство путем уменьшения счастья людей и выгодно только благодаря большому давлению на рабочие классы и на тех, кто живет на твердые доходы. Я думаю, мы с вами сходимся в этом мнении, так как вы говорите, что убеждены в существовании незаметных выгод, сопровождающих высокие цены на хлеб и труд, «если они вытекают из одних только трудностей производства». Думаю, вы подразумеваете под этим, что такие выгоды не сопутствуют высоким ценам, если последние вызываются трудностью производства.

Однако это мнение немного противоречит тому, которое вы долго поддерживали; вы говорили, что высокая цена хлеба и труда в нашей стране в настоящее время выгодна, хотя все признают, что эта высокая цена объясняется главным образом трудностью производства. Фермеры и лавочники могут испытывать очень большую нужду в силу внезапного и общего падения цен; но я считаю, что это не должно служить критерием для суждения об общем или устойчивом благосостоянии страны.

Цена труда в Америке кажется мне невероятно высокой в сравнении с ценой пшеницы, но мы должны помнить, как низка там меновая стоимость пшеницы и как много ее должно быть отдано за промышленные изделия первой необходимости и предметы комфорта.

Гэткомб парк, 30 июля 1815 г.¹

Огромные деловые операции, которые последнее время занимали мой ум, почти совершенно изгнали из него всякое внимание к вопросам, связанным с политической экономией. Операции эти теперь закончены, но мне стоило большого труда привести в порядок и сбалансировать мои счета с тех пор, как я здесь. Однако теперь я с удовольствием возвращаюсь к хлебу, труду и слиткам. Действительно, высокая цена хлеба всегда является злом; думаю, вы согласитесь с этим мнением, потому что это зло всегда вызывается трудностью производства. Я не знаю другой причины, и вы соглашаетесь, что трудность

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 16 июля, в котором Мальтус продолжает восхвалять высокие цены на хлеб. — *Прим. ред.*

производства сама по себе нежелательна. В нашем случае высокая цена хлеба в слитках не целиком вызвана тем обстоятельством, что в обработку поступает менее плодородная земля, но, какой бы причиной она ни вызывалась, она не может, по моему мнению, давать нам право предоставлять большие субсидии, чем мы выдавали бы в других случаях: ведь субсидии, а равно и все услуги, выполняемые для нас, оплачиваются продуктом земли и труда английского народа.

Было бы, конечно, явным противоречием утверждать, что наша возможность распоряжаться услугами возросла, тогда как количество наших продуктов, которыми оплачиваются эти услуги, уменьшилось. Принцип может быть верен, если ограничить его применение немногими товарами, в производстве которых мы имеем либо монополию, либо особые преимущества. Но, как общее положение, он, по моему, противоречит более твердо установленным доктринам.

Если бы была допущена свободная торговля хлебом с Америкой, то я полагал бы, что разница между ценами здесь и там не будет превышать издержки и прибыли по доставке хлеба; при настоящем же положении дел приходится удивляться, что цена до такой степени высока. Высокая денежная цена заработной платы, по моему мнению, вполне естественна.

Гэткомб парк, 10 сентября 1815 г.¹

До того, как я приехал сюда, я часто виделся с Гренфеллом, он очень интересуется делами Английского банка и выгодными сделками, обычно заключаемыми банком с правительством, а также управлением национальным долгом — суммой, которую банк платил до сих пор за гербовые марки, и компенсацией, получаемой в форме займа правительством, за колоссальные в среднем депозиты, оставляемые им в Английском банке. Я вполне разделяю его мнение и даже иду гораздо дальше; я считаю Английский банк ненужным учреждением, богатеющим за счет прибылей, которые по справедливости принадлежат государству. Я не могу не считать выпуск бумажных денег привилегией, которая принадлежит исключительно государству; я рассматриваю его как своего рода сеньораж² и убежден, что при правильном понимании принципов денежного обращения

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 26 августа. В этом письме Мальтус повторяет свои аргументы о преимуществах высоких цен с точки зрения внешней торговли. — *Прим. ред.*

² Термин, возникший в эпоху феодализма. Происходит от старофранцузского слова *seigneurage*, поскольку право чеканки монет принадлежало в ту пору не только государству, но и крупным феодалам (сеньорам) в подчиненных им областях. — *Прим. ред.*

могли бы быть назначены комиссары, независимые от всякого министерского контроля и одни только пользующиеся правом выпуска бумажных денег. Таким путем государству была бы обеспечена прибыль от 2 до 3 млн. и в то же время мы были бы защищены от злоупотреблений провинциальных банков, являющихся причинами многих бедствий по всему королевству. Эти комиссары должны были бы также управлять государственным долгом и действовать в качестве банкиров для различных государственных учреждений. Они могли бы инвестировать те 11 млн. ф. ст., которые представляют в среднем в счетах казначейства сумму государственных вкладов; часть их можно было бы продавать каждый раз, когда в этом была бы надобность.

Это, конечно, не могло бы быть осуществлено (по крайней мере целиком) до истечения срока хартии Английского банка в 1833 г., но уделить должное внимание рассмотрению важных принципов никогда не может быть слишком рано; они могут быть признаны уже теперь, хотя на основе их нельзя еще действовать. Ознакомившись с докладами, которые время от времени представляются парламенту, можно, по моему мнению, ясно доказать, что прибыли банка были колоссальные. Я полагаю бы, что он имеет накопления, почти равные его капиталу. Согласно своей хартии банк обязан производить ежегодное распределение своих прибылей и представлять баланс своих счетов акционерам, но он, по-видимому, совершенно не считается с законом. Я всегда приветствую всякую атаку на Английский банк, и, если бы я обладал достаточным мужеством, я принял бы в ней участие.

Хотя в последнее время я размышлял об этих вопросах, я тем не менее интересуюсь нашими старыми темами — выгодами или невыгодами высоких цен на сырые продукты. Если бы я был согласен с г-ном Торренсом¹, что такие высокие цены сопровождаются повышением цены товаров, и если бы я думал, что такое повышение не исключает обычного обмена с чужими странами, я, конечно, согласился бы с вами, что при таких общих высоких ценах мы могли бы купить большее количество иностранных товаров в обмен на данное количество наших; но я не могу допустить, во-первых, что цены товаров повысятся, потому что повысилась цена хлеба; во-вторых, если бы цены их повысились, то лишь немногие товары мы могли бы продать иностранцам в таком количестве по повышенной цене; а если бы мы продали им меньше, то мы могли бы и меньше купить у них, и таким образом пострадала бы вся наша торговля. Я могу предоставить себе крупные выгоды, связанные с общим

¹ «Essay on the External Corn Trade», 1815, p. 81.

низким уровнем цен, но не с высоким уровнем их. На этот счет мы вряд ли будем согласны.

Видели ли вы «Катехизис политической экономии» г-на Сэя? Он смягчил определения, вызывающие возражение, но не отказался от них.

Лондон, 7 октября 1815 г.¹

Под легкостью производства я подразумеваю не только производительность почвы, но и достигнутый уровень мастерства, машины и труд в соединении с естественным плодородием земли. Нельзя, следовательно, сказать, что раз Таити имеет в изобилии плодородную землю, то норма прибыли должна быть там наивысшей: технический уровень и средства сокращения затрат труда в Европе могут больше чем компенсировать это естественное преимущество Таити. Вопрос заключается в следующем: если бы часть технических навыков и капитала Англии были применены на Таити для производства 100 тыс. кварталов хлеба, то получат ли лица, вложившие свой капитал на Таити, более высокую прибыль, чем если бы они использовали такой же капитал для той же цели здесь? И не была ли бы рента ниже там, чем здесь? Вы во всяком случае должны допустить, что количество хлеба, произведенное при вложении определенного капитала и одном и том же техническом уровне, должно быть там больше, чем здесь, иначе плодородие почвы не имеет никакого значения. Вы должны также допустить, что, несмотря на обилие продукта, рента на Таити будет низка по отношению к плодородию почвы и к размерам территории сравнительно с ее населением. Я могу легко представить себе, что при том несовершенстве, с которым жители Таити обрабатывают в настоящее время свою землю, население его может быть достаточно многочисленно, чтобы требовалась обработка всех земель, и что, следовательно, эти земли должны приносить ренту. Но пустите только туда 100 европейцев с их усовершенствованными машинами и знанием сельскохозяйственной техники, и немедленным следствием этого будет полная временная бесполезность трех четвертей земель; ведь одна четверть их могла бы производить пищи больше, чем, вероятно, могли бы потребить все жители. Я и спрашиваю теперь, возможно ли допу-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 1 октября, в котором он выявляет свое полное непонимание значения слов производительности труда. Он утверждает, что при «ограниченном количестве земли» от роста урожайности выигрывает прежде всего лендлорд, так как рента должна вырасти в гораздо большем отношении, чем процент на вложенный капитал. Прибыль же на капитал зависит, по его мнению, от изобилия или недостатка капитала, а Рикардо, по его мнению, «не видит весьма важного различия между производительностью промышленности и производительностью капитала». — *Прим. ред*

стить, чтобы три четверти земель страны перешли от состояния обработки к естественному состоянию, не вызвав падения ренты? Если спрос на землю уменьшается, то не должна ли рента понизиться? Если вы скажете, что нет, тогда совершенно неверно положение, согласно которому стоимость определяется отношением между спросом и предложением.

Предположим теперь, что Англия находится в положении, в котором я представил Таити: она действительно находится в этом положении, так как вся или почти вся ее земля обрабатывается. Предположим, далее, что существует другая, совершенно нам неизвестная, страна, квалификация труда и земледельческие машины которой настолько же превосходят наши, насколько последние превосходят технику жителей Таити. Если бы сто жителей этой неизвестной страны явились к нам со своим капиталом, техникой и т. д., то разве не привело бы это к тем же последствиям, о каких я только что говорил? Но ведь каждое усовершенствование машин представляет в малом масштабе как раз то самое, что я предположил в крупном масштабе, и я удивлен, что вы все же утверждаете, будто «всюду, где земля количественно ограничена, легкость производства на ней пойдет главным образом в пользу ренты: почва страны может быть настолько плодородной, что будет давать урожай сам 60 вместо сам 8 или сам 10, и все-таки прибыль с капитала будет составлять только 6%, а заработная плата будет и номинально и реально низка». Цена земли, подобно цене любого другого товара, повышается или понижается пропорционально спросу на нее; но каждое усовершенствование, которое даст нам возможность получить такое же количество продуктов с меньшего количества земли, или, что то же самое, более значительное количество продуктов с того же самого количества земли, не может увеличить спрос на землю и, следовательно, не может повысить ренту.

Мне не ясно, в чем состоит различие между производительностью индустрии и производительностью капитала, которое вы считаете важным. Каждая машина, которая сокращает количество труда, увеличивает производительность индустрии, но она увеличивает также производительность капитала. При наличии машин и определенного капитала Англия получит больше реального чистого продукта, чем Таити при том же капитале без машин, будет ли этот продукт заключаться в промышленных изделиях или земледельческих продуктах. Это произойдет потому, что в Англии будет затрачено гораздо меньше труда для получения того же самого продукта. Индустрия здесь более производительна, точно так же более производительен и капитал. Мне кажется, что одно есть необходимое следствие другого. Выдвинутое мною, но оспариваемое вами

мнение заключается в том, что с развитием общества продукт индустрии, независимо от всех усовершенствований в методах труда и в машинах, постоянно уменьшается, поскольку речь идет о земле, и, следовательно, капитал становится менее производительным. Это уменьшение продукта выгодно для всех собственников земли, но они получают эту выгоду за счет промышленников, к которым я причисляю и фермеров, во-первых, потому, что уменьшается меновая стоимость производимых ими товаров по сравнению с их прежней меновой стоимостью в хлебе; во-вторых, в силу повышения издержек производства вследствие повышения цены труда.

Лондон, 17 октября 1815 г.¹

Я очень благодарен вам за внимание, которое вы оказали моей рукописи². Я прекрасно сознаю все недостатки стиля и построения работы, это — недостатки, с которыми я никогда не справлюсь. Употреблю, однако, все свои старания, чтобы поднять свою работу хотя бы до того очень низкого образца, с которым вы ее сравниваете. Было бы непростительно писать хуже при большей практике.

Я ожидал, что вы не будете вполне согласны с моим планом изъятия металлов из обращения; но на те соображения, которые вы выдвигаете против него, можно, я думаю, возразить; тогда, я надеюсь, ваши замечания будут устранены. Вы опасаетесь, что без металлического обращения мы не сможем предоставить государству в случае необходимости крупную сумму в слитках для его нужд. Факты, однако, говорят против вас, так как мы доставляли крупные суммы в период, когда металлы были абсолютно изгнаны из обращения. Так обстояло дело в продолжение всей войны на Пиренейском полуострове. В самом деле, если бы Английский банк держал согласно моей системе в своих сундуках меньше слитков для удовлетворения требований государства, то ваше возражение было бы обосновано, но единственное различие заключалось бы в том, что в одном случае запасы банка состояли бы целиком из чеканенного золота и серебра, а в другом — из металлов нечеканенных. Но при обеих системах, если бы банк оплачивал свои банк-

¹ Ответ на два письма Мальтуса от 11 и 15 октября. В первом Мальтус снова говорит с пафосом о «великом принципе предложения и спроса» в применении к капиталу и прибыли. Во втором он возражает против проекта Рикардо о введении в обращение бумажных денег, обеспеченных банковскими запасами золота и серебра, на том основании, что может «внезапно понадобится большое количество металлических денег», тогда как поступление их будет при осуществлении проекта Рикардо очень невелико. — *Прим. ред.*

² «Econometical and Secure Currency».

ноты по требованию, количество денег в обращении должно уменьшиться, если стоимость золота и серебра повысится. Этот аргумент может быть использован против всякого разменного денежного обращения вообще, будет ли размен происходить на звонкую монету или слитки, но он относится к одной системе не больше, чем к другой. Как и вы, я думаю, что в общем серебро было бы лучшим стандартом, чем золото, в особенности если бы употреблялись только бумажные деньги. Все возражения против большего объема серебра были бы устранены.

Я вижу, что не понял вашей иллюстрации относительно прибыли на Таити, но наше расхождение все же очень серьезно. Я вполне определенно допускаю, что любые причины, приводящие к уменьшению спроса на капитал, будут снижать прибыль, но утверждаю, что нет никаких причин, которые в течение продолжительного времени уменьшали бы спрос на капитал, как бы последний ни был велик, кроме сравнительно высокой цены пищи и труда; прибыль не падает *необходимо* вместе с ростом капитала, потому что спрос на капитал бесконечен и управляется тем же законом, что и рост населения. Прирост того и другого сдерживается повышением цен на пищу и вытекающим из него повышением стоимости труда. Если бы не было такого повышения, то что могло бы помешать населению и капиталу увеличиваться беспредельно? Я признаю действие великого принципа спроса и предложения при всех условиях; но я думаю, что в данном случае спрос будет расти в такой же степени, как и предложение, если не будет никаких трудностей в отношении пищи и сырых продуктов.

Как вы справедливо замечаете, плодородие — это сущность высокой ренты, а низкая рента представляет необходимый результат бесплодия, как бы ни был скуден урожай. Я согласен с вами, кроме того, что в стране, имеющей только 100 тыс. акров земли наивысшего качества¹, какое только можно себе представить, но населенной и богатой капиталами до крайних пределов ее производственных возможностей, прибыль с капитала и заработная плата будут очень низки, хотя количество продуктов, получаемое от вложения данного капитала, *включая ренту*, может составлять 100%. Но я спрашиваю, если бы каким-нибудь чудом продукт этой земли мог сразу быть удвоен, то держалась бы рента на прежней высоте или, возможно, повышалась бы? Мы говорим о немедленном, а не о конечном результате. Усовершенствования в методах труда и в машинах могут через тысячу лет пойти на пользу землевладельцу, но в течение 900 лет они будут приносить выгоду арендатору.

¹ В оригинале несомненная ошибка: quantity (количество) вместо quality (качество). См. кембриджское издание, т. VI, стр. 301.

Лондон, 17 октября 1815 г.¹

Мои взгляды относительно Английского банка целиком имеют в виду будущее. Последний отчет о банкнотах, находившихся в обращении, дает, по моему мнению, самую высокую до сих пор сумму. У меня нет этого документа в Лондоне, но думаю, что обращение банкнот доходило тогда (1815 г.) до 28 млн. или больше.

Опасно прислушиваться к сообщениям о хорошем или плохом ходе торговли. Мне кажется несомненным, что государственный доход был в течение последнего квартала необычайно обильным, а это отнюдь не свидетельствует о сокращении торговли. Поскольку вы признаете, что убыток продавцов есть выигрыш покупателей, то вы, по-видимому, приписываете слишком большое влияние снижению цен сырых произведений, которое имело место в последнее время. Из того, что цены низки, вовсе не следует, что производство должно затормозиться. Если бы стоимость денег очень сильно понизилась, в то время как страна двигалась бы вперед по пути процветания, то разве производство не получило бы стимула, несмотря на падение цен?

Я не склонен отрицать, что прибыль в земледелии может повышаться, если население растет быстрее, чем капитал; но это будет частичное повышение прибыли, в отдельной отрасли, и на ограниченное время; а такое положение весьма отличается от общего повышения прибыли в целом.

Это допущение не затрагивает моего принципа.

Гэткомб парк, 24 декабря 1815 г.

Я присутствовал на днях на общем собрании банка². Я не имел никакого намерения говорить, но некоторые весьма несостоятельные рассуждения другой стороны и полное отклонение от существа вопроса побудили меня выступить. Я говорил пять или десять минут с большим внутренним волнением, но не сделал никакого явного промаха. Моя речь, подобно моим писаниям, чересчур сжата. Я слишком склонен втискивать

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 16 октября, в котором последний утверждает, что снижение цен на сырье является бедствием, что в основе последнего лежит «уменьшение доходов лендлордов и фермеров». Вопреки действительности (об этом говорит Рикардо) он утверждает также, что снижение цен «мешает развитию всех видов производства». — *Прим. ред.*

² На собрании 21 декабря 1815 г. обсуждалось предложение Баувера, требовавшего, «чтобы общему собранию был представлен отчет ...о сумме сверхприбылей акционерного общества» (т. в. Английского банка. — *Прим. ред.*). См. кембриджское издание, т. VI, стр. 335.

большое количество трудных вопросов в такой небольшой объеме, что становлюсь непонятным для большинства читателей. «Хроникл»¹ сообщила, как я вижу, в своем отчете то, что я, по ее мнению, сказал, но она приписала мне то, чего я никогда не думал и не говорил. Были сделаны намеки на вопрос о слитках, и кто-то упомянул о пророчестве на счет директоров Английского банка: если бы они были продажны, то они могли бы, пользуясь своей властью, выпускать бумажные деньги, причинить величайшее общественное бедствие; однако такого бедствия не произошло. В ответ на это я заметил: тот факт, что такого бедствия не произошло, не доказывает доброкачественности системы; оратор сделал только комплимент честности директоров, к которому никто на собрании не может присоединиться с большей готовностью, чем я, но если бы директора были продажны, то я все же подумал бы, что они вооружены к тому же властью делать зло. Хотя я готов выразить свое доверие к честности директоров, в их системе есть много такого, что я не могу одобрить, и т. д. и т. д. Это сильно отличается от отчета в «Хроникл»; но мне, правда, известно, что репортеров никоим образом не допускали на собрание.

Геткомб парк, 2 января 1816 г.²

Имеющееся у меня издание вашего труда — первое³; прошло уже несколько лет с тех пор, как я его читал. Когда вы написали мне, что просматриваете главы о системах земледелия и промышленности с целью внести в них некоторые изменения, я заглянул в эти главы и нашел в них много такого, что расходится со взглядами, которые я выработал себе по этим вопросам. Когда я был у вас, я заметил, что в более позднем издании вы изменили некоторые места, против которых я особенно возражал, и мне показалось, что в тех главах, которые вы теперь пишете, сохранился только слабый след разногласий, которые мы с вами часто обсуждали. Мое общее впечатление от книги превосходно. Ваши доктрины так ясны и изложены так удовлетворительно, что возбудили во мне интерес, который уступает только интересу, вызванному прослав-

¹ «The Chronicle».

² Ответ на письмо Мальтуса от 22 декабря 1815 г. В нем Мальтус вновь излагает свои взгляды на причины изменения размеров прибылей и заработной платы и искажает при этом взгляды Рикардо; поскольку последний всегда кладет в основу своего анализа «трудность или легкость производства», т. е. фактическое количество труда, необходимое для производства того или иного товара. — *Прим. ред.*

³ Фактически второе (1803 г.), но первое, в котором Мальтус подымает вопрос о «сельскохозяйственной и коммерческой системах» (см. кембриджское издание, т. VII, стр. 2).

ленным трудом Адама Смита. Помнится, я указал вам, — и кажется, вы говорили мне, будто в следующих изданиях вы внесли соответствующее изменение, — что вы, как мне кажется, в некоторых местах рассуждали так, будто налоги в пользу бедных не имеют никакого влияния на увеличение количества пищи, подлежащей распределению; и, как мне казалось, вы вынуждены были допустить, что законы в пользу бедных должны увеличивать спрос, а следовательно, и предложение. Это допущение не ослабляет главного пункта, который требуется доказать.

Что касается разногласия между нами по вопросу о прибыли, о котором вы говорите в вашем письме, то вы, думается мне, изложили его неточно. Вы говорите, что по моему мнению, «средняя прибыль падает не вследствие общего падения цен в сравнении с ценой труда, но в силу общего повышения цены труда сравнительно с другими ценами». Я не могу признать это за свое положение. Я думаю, что хлеб и труд — это товары, цены которых являются переменными величинами, а цены прочих товаров повышаются или понижаются лишь вследствие трудности или легкости их производства или же по какой-либо причине, особенно влияющей на стоимость денег; никакое изменение цены, являющееся результатом этих причин, не затрагивает средней прибыли; конечно, при этом следует всегда учитывать и некоторое влияние дешевизны сырого материала.

Лондон, 10 января 1816 г.¹

Я не могу считать непоследовательным предположение, что денежная цена труда может повыситься, когда возникает необходимость переходить к обработке более бедных земель, тогда как реальная цена его может в то же время упасть. Две противоположные причины влияют на цену труда: одна из них — повышенная цена некоторых предметов, на которые расходуется заработная плата; другая — меньшее количество удовольствий, которые имеет возможность доставить себе рабочий. Вы думаете, что эти причины могут взаимно уравновешиваться или, скорее, что последняя будет превалировать; я, напротив, думаю, что первая оказывает более сильное действие. Я должен написать целую книгу, чтобы убедить вас.

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 8 января. В нем Мальтус утверждает, что при обработке более бедных земель «денежная цена хлеба подыметься, хотя не намного, а денежная цена труда останется почти неизменной... Если фермеры и лендлорды будут вынуждены платить все больше и больше... за труд, — восклицает он патетически, — то окажется ли они в состоянии накапливать капитал?». — *Прим. ред.*

Лондон, 7 февраля 1816 г.

Вы, вероятно, уже видели мою книгу¹. Я прочитал ее в нынешнем виде и весьма сильно сожалею, что не делаю никаких успехов в очень трудном искусстве композиции. Думаю, что оно должно стать предметом моего изучения прежде, чем я стану снова навязывать публике еще какие-нибудь свои резко выраженные идеи.

Говорят, что Английский банк заключил какое-то соглашение с правительством, но, какое именно, в точности неизвестно. Говорят, что банк авансирует правительству 6 млн. из 4%, кроме продления срока беспроцентного займа в 3 млн. Мы не долго будем, однако, находиться в неизвестности на этот счет, так как завтра состоится общее собрание акционеров, на котором директора банка сделают акционерам какое-то сообщение и будут просить их санкционировать соглашение своими головами. Они потребуют этого, не давая никаких сведений ни о сбережениях, ни о прибыли, ни о размере государственных вкладов. Разве это не смешная комедия и не оскорбление здравого смысла? Я надеюсь, что, быть может, найдутся несколько независимых акционеров, которые потребуют информации или по крайней мере будут настаивать на тайном голосовании, для чего необходимо лишь требование 9 человек. Вы были бы удивлены низостью дельцов Сити и тем большим влиянием, которым пользуются директора банка благодаря привилегии учитывать векселя. Я убежден, что при тайном голосовании многие акционеры будут голосовать совершенно иначе, чем поднятием рук при открытом голосовании².

Я мало размышлял на нашу старую тему; трудность для меня заключается в том, чтобы представить свои взгляды другим так, чтобы и они включились в ту же цепь мыслей, что и я. Если бы я мог преодолеть препятствия на пути к ясному пониманию происхождения и закона относительной или меновой стоимости, я наполовину выиграл бы битву.

Лондон, 23 февраля 1816 г.

Я надеюсь, что вы твердо решили увеличить ваше новое издание еще на один том и что вы теперь быстро двигаете вперед свою работу. Я очень хотел бы видеть полное и связанное изложение ваших взглядов на вопросы, которые я отношу к

¹ «Economical and Secure Currency».

² Согласно сообщению «The Times», только 2 или 3 руки поднялись против предложения директора; вероятно, это были руки Рикардо, Гренфелла и Бауверы, выступавших против него (см. кембриджское издание, т. VII, стр. 19).

наиболее трудной и, быть может, наиболее важной части политической экономии, а именно на развитие богатства страны и на законы, согласно которым распределяется ее возрастающая продукция.

Видели вы письмо Торренса к лорду Ливерпулю? Мне кажется, что он принял все мои взгляды относительно прибыли и ренты и в беседе, которую я вел с ним несколько дней назад, он определенно признал, что придерживается теперь моего мнения, а именно, что цена труда, зависящая от трудности добывания пищи, не влияет на цены товаров. Он признал, что его прежний взгляд на этот предмет был ошибочен.

Я был бы рад увидеть ясное и умелое изложение всех аргументов в пользу моего взгляда на этот вопрос. Я не удивился бы, если бы Торренс взялся за это дело.

Быстрая распродажа моего последнего памфлета¹ далеко превзошла его достоинства. Мэррей печатает второе издание. Я не имел понятия, что этот вопрос представляет большой интерес для публики, но, по-видимому, она интересуется размерами банковского сокровища. В Палате общин защита договора с банком была очень неудовлетворительна; директора банка старались обратить внимание Палаты на те суммы, которые государство получило и сберегло благодаря операциям банка; они, по-видимому, думают, что все остальное по праву принадлежит Английскому банку.

Будут ли министры в состоянии провести через Палату общин закон о подоходном налоге?

Лондон, 24 апреля 1816 г.

Надеюсь, что вы лучше использовали ваше время, чем я свое, и что вы быстро двигаете вперед разные работы, которыми вы заняты. Я ничего не сделал с тех пор, как видел вас, так как был вынужден очень часто ходить в Сити, а оставив работу на день или два, я с величайшей неохотой принимаюсь за нее снова. Я могу продолжать забавляться своими размышлениями, но не думаю, чтобы когда-нибудь продвинулся дальше. Почти непреодолимые препятствия мешают моим успехам, и я лишь с величайшим трудом избегаю путаницы в самых простых своих положениях.

Видели ли вы письма Торренса к лорду Лодердэлю в газете «Сэн?»² Мне кажется, что он опубликовал уже 5 писем; они посвящены главным образом вопросу о денежном обращении и весьма остроумны, хотя, по моему мнению, в них защи-

¹ «Economical and Secure Currency».

² «The Sun».

щаются некоторые очень неправильные доктрины. Они подписаны его именем.

Насколько мне известно, Хорнер будет возражать против продления закона о приостановке размена; он не отрицает теперь падения стоимости золота и серебра со времени окончания войны. Для банка не может быть более удобного повода, чем нынешний, чтобы возобновить платежи звонкой монетой. Серебро в настоящее время ценится ниже монетной цены. Это изменение поразительно, и совершилось оно самым неожиданным образом.

Лондон, 28 мая 1816 г.

Я предполагаю, что, с тех пор как мы виделись в последний раз, вы были слишком заняты вашими официальными обязанностями, чтобы сделать значительные успехи в вашей работе. Надеюсь, однако, что в надлежащее время вы будете готовы представить публике результат своих хорошо продуманных размышлений. Мы имеем право рассчитывать на вас при устранении некоторых трудностей и противоречий, которых так много в политической экономии.

Майор Торренс говорил мне, что он будет усердно работать в течение ближайших нескольких месяцев, так что мы можем ожидать от него книгу на ту же тему в будущем году¹. Он продолжает придерживаться некоторых еретических мнений насчет денег и вексельного курса, несмотря на то что Милль и я пустили в ход все наше красноречие, чтобы обратить его в истинную веру. Нам удалось, однако, рассеять часть тумана, который заволакивает его понимание принципов вексельного курса. Он, как я думаю, вполне разделяет *все* мои, как вы их называете, особые мнения о прибыли, ренте и т. д. И я могу с уверенностью сказать, что не придерживаюсь никаких принципов политической экономии, которые не получили бы его или вашей авторитетной санкции. Не столь важно поэтому, чтобы я упорно продолжал начатую мною работу по изложению своих взглядов для публики. Вы или он будете отстаивать эти принципы гораздо лучше, чем мог бы это сделать я. Мои занятия совершенно прекратились вот уже два месяца; весьма сомнительно, чтобы я возобновил их в спокойной и тихой обстановке деревни. Мое тщеславие не получило достаточного стимула, чтобы победить соблазн, постоянно поощряющий мою лень.

¹ Несмотря на неоднократные упоминания Рикардо в 1816—1819 гг. о предстоящем выходе в свет книги Торренса «*Essay on the Production of Wealth*», она была опубликована лишь в 1821 г. (см. кембриджское издание, т. VII, стр. 35).

Гэткомб парк, 9 августа 1816 г.¹

Мне несколько не трудно согласиться с вами, что «норма прибыли на капитал зависит главным образом от спроса на капитал и предложения капитала сравнительно со спросом на труд и предложением труда», если под этими словами вы подразумеваете повышение или понижение заработной платы. Таково мое идентичное положение. Если цена труда повысится, безразлично по какой причине, прибыль упадет; существуют, однако, две причины, которые повышают заработную плату: одна заключается в том, что спрос на рабочих велик в сравнении с предложением; другая — в том, что производство продуктов питания или предметов первой необходимости для рабочего затруднительно, т. е. требует большого количества труда. Чем больше я размышляю по этому поводу, тем больше я убеждаюсь, что последняя причина действует непрерывно.

Весьма редко случается, чтобы весь добавочный продукт, получаемый при затрате прежнего количества труда, доставался рабочим, которые его производят; но если бы это было так, я все же буду утверждать, что норма прибыли упадет, потому что при возросшей легкости производства упадет цена хлеба; капитал был бы тогда изъят из земледелия, рента упала бы, а прибыль повысилась бы. Причины, о которых вы упоминаете, могут действовать в Польше и Америке; я никогда не отрицал этого.

Пропорция между трудом и капиталом, несомненно, затрагивает прибыли, потому что она затрагивает заработную плату; но это не единственный элемент при исследовании вопроса о прибыли; есть и другие причины, которые также затрагивают заработную плату.

Может ли быть общим спрос, который повышает цены, — это должно, по-моему, зависеть от возможности столь же быстрой доставки драгоценных металлов, какая существует для других товаров. Если сбережения рабочих или их заработная плата обмениваются на все товары в прежней пропорции и спрос также возрастает в той же пропорции, то я не вижу основания, почему должна повыситься цена какого-либо товара;

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 6 августа. В нем Мальтус вновь пытается доказать, что «прибыль на капитал зависит главным образом от спроса на капитал и предложения его сравнительно с спросом на труд и предложением такового и весьма мало (непосредственно) — от трудности или легкости производства». Он утверждает при этом, что от повышения производительности земли увеличивается лишь доля рабочих, а прибыль остается прежней, и ссылается на опыт Польши и Америки.

Одновременно он спрашивает у Рикардо, «каков же характер спроса, который повышает цены, и может ли он быть общим?» — *Прим. ред.*

но если спрос на сукно или золото будет больше или меньше, чем предложение, то их меновая стоимость может повыситься или понизиться. Это значит, что их рыночная стоимость может повыситься или понизиться, но их естественная стоимость, вероятно, подвергнется лишь незначительному изменению, и, следовательно, через известное время они будут обмениваться по своим обычным нормам. Новая стоимость, брошенная на рынок, предполагает известное количество как продаж, так и покупок; но если ни одна часть этой стоимости не состоит из драгоценных металлов, то я не вижу, каким образом могут повыситься в цене все товары. Я ожидал бы, что цены одних товаров повысятся, а цены других — понизятся, но общей тенденцией будет скорее последнее.

Гэткэмб парк, 5 октября 1816 г.¹

Надеюсь, что дополнительный том скоро последует за новым изданием вашего старого труда. Я буду рад увидеть в связном изложении ваши созревшие взгляды на развитие ренты, прибыли и заработной платы и на то, каким образом влияют на них возрастающая трудность добывания пищи, рост капитала и усовершенствование машин. Я опасаясь, что мы не будем согласны по этим вопросам, и я был бы очень рад, если бы мы могли открыто представить наши различные взгляды на суд общества и найти несколько светлых умов, которые занялись бы их рассмотрением. На это я, однако, мало надеюсь, ибо, хотя я определенно чувствую правильность своей теории, мне не удастся ясно изложить ее. Мне очень сильно мешал вопрос о цене и стоимости, так как мои прежние представления об этих категориях были неправильны. Мои нынешние взгляды могут быть столь же ошибочны, так как приводят к заключениям, противоречащим сложившимся у меня прежде мнениям. Я буду продолжать свою работу, хотя бы только для собственного удовлетворения, до тех пор, пока мне не удастся придать моей теории вполне связную форму.

Вам кажется, говорите вы, будто я иногда признавал, что если бы население каким-нибудь чудом перестало расти, а наи-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 8 сентября. В нем Мальтус, пользуясь рядом неточных формулировок, допущенных Рикардо в предыдущем письме, снова настаивает на своих основных положениях: 1) прибыль зависит исключительно от конкуренции, а не от условий производства, 2) стоимость определяется опять-таки не этими последними, а спросом и желаниями покупателей и 3) производительность промышленности и производительность капитала — две вещи разные.

Одновременно он предлагает Рикардо ответить на вопрос, связанный с совершенно искусственным, нереальным примером, что Рикардо и подчеркивает в своем ответе. — *Прим. ред.*

более плодородная земля оставалась бы необработанной, то прибыль понизилась бы при предположении, что капитал продолжал бы возрастать. Я признаю это в настоящее время. Я думаю, что прибыль зависит от заработной платы, заработная же плата — от спроса на труд и предложения его, а также и от стоимости предметов первой необходимости, на которые она затрачивается. Эти две причины могут влиять на прибыль одновременно либо в одном и том же направлении, либо в противоположных направлениях. В приведенном вами случае заработная плата имела бы тенденцию оставаться неизменной, поскольку это зависело бы от предложения пищи; но она имела бы тенденцию повышаться вследствие возрастания спроса на труд, тогда как предложение труда оставалось бы без изменения. При таких обстоятельствах прибыль, конечно, понизилась бы. Вы должны, однако, допустить, что это — экстраординарный случай, выпадающий из общего хода событий, так как тенденция населения к росту при нашем общественном строе более чем равна тенденции капитала к росту.

Боу, Миддлсекс, 11 октября 1816 г. ¹

Вы неверно понимаете меня, если предполагаете, будто я утверждаю, что прибыль не может упасть ни при каких условиях, увеличивающих легкость производства. Я говорю только, что прибыль повышается, когда понижается заработная плата, а так как одной из главных причин снижения заработной платы является дешевизна продуктов питания и предметов первой необходимости, то *вероятно*, что вместе с большей легкостью производства или с удешевлением пищи и предметов первой необходимости прибыль будет повышаться. Но при условии, что труд известного числа людей может производить на земле, не приносящей ренты, 1100 кварталов хлеба вместо 1 тыс. и цена хлеба вследствие этого понижается с 5 ф. ст. до 4 ф. ст. 10 шилл. за квартал, заработная плата, как в деньгах, так и в хлебе, *может* повыситься; это будет иметь место потому, что при таких условиях капитал *может* расти очень быстрыми темпами, а число рабочих — медленными; в этом случае прибыль не повысилась бы, а понизилась бы. При этих исключительных обстоятельствах, при совпадении высокой денежной заработной платы с низкой ценой предметов первой необходимости, заработная плата находилась бы в необычном

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 9 октября. В нем Мальтус искажает смысл положений Рикардо о взаимоотношении заработной платы и прибыли и еще раз подчеркивает, что взаимоотношение спроса и предложения является категорией, определяющей величину ренты, заработной платы и прибыли на капитал. — *Прим. ред.*

положении и постепенно вернулась бы к старому уровню, что было бы выгодно для прибыли. Я хочу только доказать, что прибыль зависит от заработной платы, последняя же, при обычных условиях, — от цены пищи и предметов первой необходимости, а цена пищи и предметов первой необходимости зависит от плодородия земли, поступившей в обработку в последнюю очередь.

Во всех случаях верно, быть может, что рента будет зависеть от спроса сравнительно с предложением хорошей земли, а заработная плата — от спроса на труд сравнительно с предложением его, если, конечно, признать, что цена предметов первой необходимости влияет на спрос и предложение труда.

Я не совсем понимаю выражение, согласно которому прибыль зависит от спроса на капитал в сравнении с его предложением.

Что сказали бы вы о двух странах, в которых имеются абсолютно равные капиталы, в которых заработная плата также одинакова и численность населения совершенно совпадает? Был ли бы спрос на капитал в сравнении с его предложением в обеих странах одинаков? Если вы скажете, что да, то я спрашиваю, была ли бы одинакова их норма прибыли при каком-либо ином допущении, кроме допущения о совершенно одинаковой степени плодородия их земель? Мне кажется вполне вероятным, что средняя и обычная норма прибыли может составлять в одной из них 20%, а в другой — только 15% или отличаться от первой в какой-либо другой пропорции.

Лондон, 14 октября 1816 г.¹

Денежная заработная плата, я полагаю, вообще регулируется легкостью производства. Я думаю также, что при обильном производстве лендлордам будет отдана меньшая доля всего продукта и больше останется для других двух классов, для капиталистов и рабочих; но из этого большего количества более значительная доля достанется капиталистам и менее значительная — рабочим. Даже если бы то, что вы называете реальной заработной платой (но я считаю это неудачным термином)², повысилось, денежная заработная плата все же понизилась бы. Но иначе обстоит дело с прибылью; если бы то,

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 13 октября. В нем Мальтус голословно оспаривает все положения Рикардо о зависимости величины прибыли от цены рабочей силы, а следовательно, и заработной платы. — *Прим. ред.*

² Мальтус в ряде писем называет реальной заработной платой то, что Рикардо называет «номинальной стоимостью заработной платы» (см. кембриджское издание, т. VII, стр. 81).

что вы называли реальной прибылью, увеличилось, то увеличилась бы также и денежная прибыль. Следовательно, при предположенных мною условиях норма прибыли повысилась бы, хотя денежная заработная плата понизилась бы. Расхождение между нами состоит в следующем: я говорю, что при любом уровне легкости или трудности производства из того количества предметов первой необходимости, которое должно быть разделено между прибылью и заработной платой, доли той и другой будут различны, и деньги четко покажут, в какой именно пропорции. Вы, как мне кажется, думаете, что прибыль не зависит от раздела продукта и что денежная заработная плата может при возрастающей легкости производства столь же часто повышаться, как и понижаться.

Вы правильно отмечаете, что основной вопрос заключается в следующем: «Какова главная причина, которая определяет норму прибыли при всяких изменениях степени производительности?» По-моему, вы не решаете этого вопроса, когда отвечаете: «Это — отношение, в каком капитал находится к труду»¹.

В богатой стране, где прибыль низка и где большая доля продукта уплачивается землевладельцам в качестве ренты, отношение между трудом и капиталом будет наиболее высоким, и все же, согласно вашей теории, оно должно быть наименьшим.

Вы, я думаю, не будете отрицать, что в стране, где цена труда высока, фабрикант употребил бы больше капитала для производства данного количества товаров, чем в стране, где заработная плата низка, и что прибыль там также была бы низка. Это значит, что прибыль высока, когда высоким является отношение капитала к труду, и она низка, когда высоко отношение труда к капиталу.

Гэткомб парк, 3 января 1817 г.

Со времени нашей встречи я иногда занимался тем, что записывал свои мысли по вопросам, которые нередко служили предметом наших дискуссий. Как всегда препятствием на моем пути являлись трудности изложения, но я упорно продолжал работу до тех пор, пока мне не удалось изложить на бумаге все, что занимало мой ум. Есть несколько пунктов, на которые как бы упала тень благодаря различию между моими настоящими и прежними взглядами, но эти различия не принадлежат к числу таких, по которым мы не могли бы прийти к со-

¹ Здесь и далее имеется в виду арифметическое отношение величины прибыли на капитал к величине заработной платы. — *Прим. ред.*

глашению. Я надеюсь, что мне удастся привести мою рукопись в сносный порядок, так как от этого зависит, выступлю ли я снова перед публикой. Все, что я сделал до сих пор, представляет скорее изложение моих собственных взглядов, чем попытку опровергнуть взгляды других. Однако в последнее время я перечитал Адама Смита, Сэя и Бьюкенена, и всюду, где я находил в их сочинениях места, противоречащие началам, которые я считаю правильными, я отмечал их и, быть может, сделаю их предметом комментариев.

Боюсь, что не испытаю удовлетворения получить ваше одобрение моих доктрин, в особенности потому, что я вернулся к своим прежним взглядам относительно налогов на сырые материалы¹. Каковы бы ни были правильные взгляды на этот предмет, Адам Смит уж наверно неправ, так как в его книге есть места, которые не согласуются друг с другом.

Надеюсь, что мы скоро встретимся и возобновим наши дискуссии по некоторым из этих трудных вопросов.

Я хотел бы узнать ваше мнение о мерах, принятых недавно для облегчения положения бедных². Я не принадлежу к числу тех, кто думает, что создание фондов с целью предоставления работы бедным является очень эффективной формой помощи, так как это отвлекает средства от других работ, которые были бы столь же, если не более, производительными для общества. Та часть капитала, которая используется, например, чтобы дать бедным работу на дорогах, не могла, конечно, не дать работу где-либо людям, и я думаю, что всякое вмешательство должно быть осуждено.

*Аппер Брук стрит, Лондон,
24 января 1817 г.*

Я прочел ваш памфлет³ с большим удовольствием и в высшей степени удовлетворен вашими аргументами в пользу колледжа предпочтительно перед школой для воспитания молодых людей, предназначеных для управления сложными делами нашей индийской империи. Пришедшие из Индии показания в пользу молодых людей, посылаемых из колледжа, в сравнении с теми, которые направлялись в Индию до учреждения колледжа, убедительно говорят в пользу вашей точки зре-

¹ Согласно прежним взглядам Рикардо, налог на сырые материалы падал целиком на погребителя (см. кембриджское издание, т. VII, стр. 115, сноска 2).

² Меры по «предоставлению работы беднякам» начали проводиться с осени 1816 г.; сначала для этого использовались суммы, собранные по подписке, а затем в парламенте встал вопрос о создании государственного фонда (см. кембриджское издание, т. VII, стр. 116).

³ «Statements respecting the East India College».

ния и остались, по-видимому, без ответа со стороны ваших оппонентов.

Из газет я узнал, что дискуссия по этому вопросу возобновится в Ост-Индской компании (Индия Хауз) 6 февраля; отсюда я заключаю, что к тому времени вы будете в Лондоне. Если так, то я надеюсь, вы расположите свою штаб-квартиру в моем доме. Г-н Мэррей обещал послать экземпляры вашей книги всем джентльменам, имена которых вы поручили мне передать ему.

Мне кажется, что одна из важных причин нашего расхождения во взглядах по вопросам, которые мы так часто обсуждали, заключается в том, что вы всегда обращаете внимание на непосредственные и временные последствия отдельных изменений, тогда как я оставляю эти непосредственные и временные последствия совершенно в стороне и все свое внимание сосредоточиваю на том постоянном положении вещей, которое является их результатом. Быть может, вы оцениваете эти временные последствия слишком высоко, тогда как я чересчур склонен их недооценивать. Чтобы правильно исследовать предмет, следует тщательно различать эти последствия, оговорить каждое и установить, каков же результат, приписываемый каждому из них.

Я снова перечитал три последние ваши памфлета о ренте и хлебе и не могу отказать от мысли, что ваш способ выражения не свободен от некоторой двусмысленности. Слова «высокая цена сырых материалов» рассчитаны на то, чтобы произвести на читателя не такое впечатление, какое вы мыслили. Указанные вами первая и третья причины высокой цены кажутся мне прямо противоречащими друг другу. Первая — плодородие земли, а третья — недостаток плодородной земли. Вторая же причина, я думаю, никогда не действует. Одно место в моих работах, в частности, полностью выражает мои взгляды. У меня нет при себе книги, и я не могу указать вам страницу, но это место начинается со слов «я нисколько не колеблюсь констатировать, что независимо от недостатков денежного обращения» и т. д. Это взято из опыта о ренте¹.

¹ «Существуют три причины высокой цены сырых материалов. Во-первых и главным образом, то свойство земли, в силу которого она может дать более значительное количество предметов жизненной необходимости, чем требуется на содержание людей, занятых ее обработкой. Во-вторых, особое свойство предметов жизненной необходимости самим создавать для себя спрос или увеличивать число предьявляющих спрос пропорционально размерам произведенного. И, в-третьих, сравнительная редкость очень плодородных земель». Более подробно Рикардо изложил свои замечания по поводу этих взглядов Мальтуса в последней главе «Начал» — «Взгляды г-на Мальтуса на ренту» (см. т. I настоящего издания, стр. 330). — *Прим. ред.*

Несомненно, Бьюкенен прав, а ваше объяснение ошибочно; рента представляет не создание богатства, а только передачу его. Это необходимый результат того, что рента есть не причина, а следствие высокой цены.

Сэй и я сказали бы, что путем превращения дохода в капитал мы добились бы как увеличения предложения, так и увеличения спроса, но, если таким образом создается такой же капитал, я не одобряю его нынешнего использования — изъятия из рук тех, кто лучше всего знает, как употребить его с целью поощрить развитие других отраслей промышленности и передачи под руководство тех, кто ничего не знает о нуждах и потребностях людей и производит вслепую сукно или чулки, которых и без того уже слишком много. или улучшает дороги, по которым никто не хочет путешествовать.

8 февраля 1817 г.

Я очень мало знаком с предметом, о котором трактует ваша книга¹, но это не мешает мне указать на то, что я считаю ошибочным. На стр. 8 вы прибавляете одну шестую к числу рождений, чтобы учесть вероятные упущения, и одну двенадцатую к числу смертей, но не говорите вашим читателям, почему взята эта пропорция, а не одна четвертая или одна треть. Я также не могу установить, на каком основании выбраны эти числа.

Вы иногда приводите средние, выведенные из установленных для определенных лет фактических данных, но ваши средние основаны на арифметической прогрессии, а вы применяете их к геометрическим рядам. Спрашиваю, правильно ли это?

Если, как вы говорите на стр. 14, число рождений относится к числу погребений, как 47 к 30, а смертность составляет 1 на 47, то прирост населения слегка превышал бы $1/83$, а не составлял бы $1/82$; ведь из каждых 1410 человек 30 умрут и 47 родятся, и, следовательно, прирост составит 17; но 1410, деленное на 17, равняется 82,94, или почти 83; следовательно, если 1410 дают прирост в 17, то 9 287 тыс. дадут прирост в 111 970, или 1 119 700 в десять лет, что увеличит население до 9 287 тыс. + 1 119 700 = 10 406 700 вместо 10 483 тыс.

На стр. 16 предположено, что смертность останется прежней — 1 на 47, а отношение числа рождений к населению — 1 к $29\frac{1}{2}$; население же составляет 9 287 тыс. Эта последняя сумма, деленная на $29\frac{1}{2}$, дает 314 813, как годовое число рож-

¹ Речь идет о дополнительном томе к книге Мальтуса «An Essay on the Principle of Population», 1817.

деней; а деленное на 47 дает 197 595, как годовое число смертей; вычет одного числа из другого (197 595 из 314 813) дает 117 218 как ежегодный прирост, который за десять лет составил бы 1 172 180, что, будучи прибавлено к прежнему населению в 9 287 тыс., даст 10 459 180, а не 10 531 тыс.

На стр. 35 и 36 я отметил несколько мелких ошибок. Это все ошибки, которые я мог вскрыть на основании имеющихся в моем распоряжении фактов.

Лондон, 9 марта 1817 г.

Это письмо будет приложено к той части моей рукописи, которая относится к вам. Надеюсь, что я ни в каком отношении не исказил ваших взглядов; как бы ни расходились наши мнения по вопросам, о которых мы так часто спорим, вы все же не подумаете, — я в этом уверен, — что я вышел за пределы добросовестной критики в своих замечаниях на ряд мест тех ваших памфлетов, которые я выбрал.

Печатание книги идет быстро. Со времени начала набора мы получаем по листу в день и в настоящее время уже одиннадцатый лист прошел корректуру. В напечатанном виде моя работа кажется мне хуже, чем прежде. Я нуждаюсь в поощрении моих добросовестных корректоров, чтобы поддерживать в себе искру надежды на хороший прием. Я хотел бы, чтобы эта работа уже ушла из моих рук; во избежание какой-либо задержки я принял все меры к тому, чтобы печатание продолжалось без перерыва во время моего отсутствия. У меня нет никаких сомнений относительно выдвигаемых мною доктрин; все мои опасения относятся только к стилю и расположению материала; больше всего я боюсь, что, может быть, мне не удалось ясно показать, каковы те взгляды, которые я хотел бы отдать на суд беспристрастного исследования.

Лондон, 26 марта 1817 г.

Я согласен с вами: после того, как я так часто слышал ваши возражения против моих взглядов, было бы мало полезно теперь, когда моя книга находится в печати, входить снова в рассмотрение причин ваших разногласий со мною. Я послал вам рукопись вовсе не с этой целью. Я хотел только, чтобы вы увидели ту часть, которая относится к вам, раньше, чем я опубликую ее, и я не мог бы невольно исказить ваши мнения. У меня не может быть никаких возражений против напечатания примечания, о котором вы упоминаете, хотя я не могу не сожалеть, что мы расходимся так сильно по вопросу

о точном и правильном значении слов *реальная цена*¹. Когда вы увидите мою книгу целиком, вы, может быть, не будете в такой степени несогласны со мною, как это вам кажется теперь. Вы можете и, я думаю, будете возражать против правильности многих из моих терминов, так как они покажутся вам произвольными и не всегда правильно примененными. Но с учетом таких отклонений вы, я уверен, согласитесь со мною. Действительно, по некоторым пунктам между нами нет никаких расхождений, а по другим — наше главное несогласие заключается, видимо, в манере изложения.

Гэткомб парк, 4 сентября 1817 г.²

Очень благодарю вас за ваше любезное письмо от 17 августа. Я рад, что ваше путешествие в Ирландию сложилось так хорошо. Ваше описание успехов, достигнутых ею еще до тех испытаний, которые Ирландия переживает в течение последних двух лет, а также то, что вы пишете о положении народа, совпадают в точности с тем, что я мог ожидать. В своем описании Новой Испании Гумбольдт указывает на те же беды, на которые вы указываете в Ирландии и которые происходят к тому же в силу одинаковых причин. Земля в Новой Испании дает большое изобилие бананов, маниока, картофеля и пшеницы при очень незначительной затрате труда, и поскольку у народа нет вкуса к предметам роскоши и есть достаточно пищи, он пользуется привилегией праздности. Я думаю, что использование свободных рабочих рук в промышленности не принесет никакой иной выгоды, кроме того, что рабочий будет отвлечен от беспутных и вредных занятий, опасных для общественного спокойствия. Счастье — это цель, к которой следует стремиться; и мы не можем быть вполне уверены, что при

¹ Рикардо действительно напечатал это примечание Мальтуса. См. т. II настоящего издания, стр. 266. — *Прим. ред.*

² Ответ на письмо Мальтуса от 17 августа. В нем Мальтус пишет после своей поездки в Ирландию, что «основное зло» состоит в Ирландии в том, что ее «население далеко превышает спрос на труд, хотя в общем не так уж намного превышает имеющиеся средства существования». Под последними Мальтус понимает быстрое развитие культуры картофеля. Поскольку же перенаселение имеется главным образом в деревне, «значительную часть населения следует смести с земли и перенести в большие промышленные и торговые города». На это-то Рикардо ему и отвечает:

«Может случиться, что его труд только увеличит наслаждения его нанятого».

По поводу теории стоимости Рикардо Мальтус замечает: «Я не могу согласиться с вами, что только труд, в вашем понимании такового, является в теории или в действительности наилучшей мерой меновой стоимости и что состояние земледельца практически определяет норму прибыли в различных странах». — *Прим. ред.*

условии одинаково хорошего питания человек, наслаждающийся роскошью безделья, будет более счастлив, чем при наслаждении роскошью опрятного коттеджа и хорошей одежды. И в конце концов мы ведь не знаем, достанется ли все это на его долю. Может случиться, что его труд только увеличит наслаждения его нанимателя.

Как раз тогда, когда мы уже отчаивались в возможности перемены погоды, она переменялась и теперь прекрасна. Я уверен, что наши надежды не будут обмануты и мы будем в состоянии собрать в полной сохранности обильный урожай, который наши земли принесли во всех графствах. Я сомневаюсь, чтобы даже во время последних бедствий мы как нация перестали умножать свои богатства, а в настоящее время, я думаю, никто не может сомневаться, что мы снова быстро движемся по пути процветания. Плохой урожай, быть может, не очень сильно задерживает прогресс богатства, но существенно вредит общему благополучию.

Я очень польщен тем, что вы читаете мою книгу второй раз, и счастлив констатировать, что мы существенно расходимся только в немногих важных пунктах. Я признаю, конечно, что моя теория стоимости не годится для различных стран, если прибыль в них различна. Если вы заглянете на стр. 156 и следующие, то вы найдете там мои мысли об этом предмете¹.

Гэткомб парк, 10 октября 1817 г.

Урожай в нашей части страны почти уже целиком свезен. Урожай вообще хорош, я полагаю, и мы очень благодарны за благоприятное изменение погоды, которое дало нам возможность сжать и убрать хлеб в прекрасном состоянии. Мы, надеюсь, будем теперь в течение нескольких лет плыть по ветру. Мы с вами всегда сходились во взглядах на мощь и богатство нашей страны и не приходили в отчаяние из-за недавних трудных обстоятельств. Мы ожидали оживления, которое теперь и наступило.

Гэткомб парк, 21 октября 1817 г.²

Вы думаете, что низкая цена труда, которая преобладала в последнее время, противоречит моей теории о зависимости

¹ В нашем издании т. II, стр. 80 и след. — *Прим. ред.*

² Ответ на письмо Мальтуса от 12 октября. В нем Мальтус утверждает, что взгляды Рикардо на взаимоотношение заработной платы и прибыли якобы противоречат действительности. Он снова повторяет, «что увеличение стоимости всей продукции, являющееся результатом спроса и предложения», — это стимул для дальнейшего развития промышленности, а такое развитие — это компенсация за трудности, которые испытывают люди от роста дороговизны. — *Прим. ред.*

прибыли от заработной платы, так как и норма процента одновременно тоже очень низка. Если бы процент и прибыль неизменно изменялись в одной и той же степени и в одном направлении, то мою теорию можно было бы с известным основанием оспаривать, но я считаю, что дело обстоит отнюдь не так. Хотя процент в конечном счете несомненно регулируется прибылью, повышаясь, когда последняя высока, и падая, когда она низка, бывают все же значительные интервалы времени, в продолжение которых низкая норма процента совместима с высокой нормой прибыли, а это обычно имеет место, когда капитал перемещается из военной промышленности в мирную. Если цены товаров не изменяются, а издержки производства понижаются, то прибыль должна, очевидно, возрасти; если же наступает общее понижение цен, то в таком случае падает не стоимость товаров или труда, а повышается стоимость мерила, которое служит для оплаты. И в этом случае моя теория не требует повышения прибыли, последняя может даже понизиться.

Вы спрашиваете меня, могу ли я вам доказать ошибочность следующего положения: «Капитал идет целиком на покупку материалов и машин и на оплату труда. Если по какой-либо причине денежная стоимость материалов, машин, содержания рабочего и его заработная плата значительно упадут, то *возможно* ли, чтобы денежный капитал в прежнем размере мог быть применен в стране?» Я отвечаю, что это *возможно*, но отнюдь не вероятно. Предположим, что рудники доставляют меньшее количество драгоценных металлов и в то же время сильно возрастает количество материалов и машин; разве возросшее общее количество материалов и машин не может иметь большую денежную стоимость, чем раньше, хотя бы каждая отдельная часть их и имела меньшую стоимость? Можем ли мы при помощи ввоза присвоить более значительную долю массы денег, распределяемых между всеми странами мира? Я не могу сомневаться в *возможности* такого случая.

В вашей аргументации относительно стимула, каковым является для будущего богатства повышение стоимости, а также влияние на него спроса и предложения, вы в действительности расходитесь со мною по этому вопросу не так сильно, как предполагаете; я ставлю прибыль и богатство в зависимость от реальной дешевизны труда; так же поступаете и вы, потому что вы говорите, что, поскольку речь идет о богатстве, бедствия дороговизны будут часто более чем компенсироваться усилением стимула, который дороговизна может дать промышленности. Я говорю то же, ибо утверждаю, что бедствия, которые

приносит дороговизна, падают исключительно на рабочие классы, что рабочие часто затрачивают больше труда, не только не получая прежнего количества пищи и предметов первой необходимости, но часто не получая даже прежней стоимости в виде заработной платы или прежнего вознаграждения в деньгах, в то время как все стало дороже. Когда это происходит, прибыль, которая всегда зависит от стоимости труда, должна по необходимости повыситься.

Я думаю, что написал вам о дополнениях к вашему прекрасному труду¹, хотя и не проанализировал их столь внимательно, как намеревался. Я читал вашу книгу в пути и отметил страницы, где находил хотя бы тень разногласия между нами, чтобы снова просмотреть эти места, когда приеду домой, и уделить им все внимание. Проезжая через Лондон, при возвращении из Франции, я искал вашу книгу, так как ожидал, что вы послали мне экземпляр ее, как вы мне это любезно обещали; но г-жа Рикардо запрятала ее и много других книг в шкаф, и ее нельзя было достать, пока я не приехал в город. Теперь книга у меня; я снова перечитал все вновь добавленное и удивлен, как мало я мог при самом внимательном чтении найти в нем такого, с чем я не согласен.

Во всех Дополнениях вы высказываетесь чрезвычайно ясно; требуется только время, чтобы убедить любого человека. Главное разногласие между нами заключается в вопросе о том, что увеличивается сначала: пища или население. Я мог бы почти согласиться с изложением вопроса на стр. 47 3-го тома², которое, думается мне, находится в полном согласии с мнением сэра Джемса Стюарта. Говоря о падении заработной платы, вы только раз упоминаете о заработной плате, выраженной в *хлебе*, хотя всегда должны подразумевать не денежную заработную плату, а заработную плату в хлебе. В примечании к стр. 438 3-го тома вы соглашаетесь с моей доктриной, но на

¹ Имеется в виду вышедшая в свет книга «Дополнения к опыту о народонаселении» Мальтуса. — *Прим. ред.*

² Слова Рикардо «я мог бы почти согласиться» относятся, по-видимому, к обычной непоследовательности Мальтуса и запутанности его формулировок. Сначала он заявляет: «Ничего не может быть столь обычным, как более быстрый рост населения в известные периоды, чем рост пищевых продуктов», а затем добавляет: «Следует помнить, что большой относительный прирост населения абсолютно связан с имевшим раньше место — в тот или иной период — приростом пищевых продуктов, большим, чем минимальные потребности населения» (кембриджское издание, т. VII, стр. 202. Ссылки Рикардо на 3-й том не точны, должно быть — 2-й). — *Прим. ред.*

стр. 446, 456 и 457 вы, я думаю, забываете о допущении, которое сделали раньше¹.

Стр. 497. Вы согласны со Смитом, что монополия колониальной торговли погашает прибыль. Стр. 502, по моему мнению, ошибочна и противоречит стр. 438. Я не совсем согласен с вашими взглядами на стр. 506². Вы, мне кажется, не всегда признаете, что законы в пользу бедных имеют тенденцию увеличивать количество пищи, подлежащей распределению, но в некоторых местах вы предполагаете, что то же количество должно быть разделено между более значительным числом людей. Я не могу согласиться ни с Адамом Смитом, ни с тем, что вы говорите на стр. 326³.

Стр. 328. Установление максимальных цен имеет тенденцию мешать дальнейшему развитию производства; непропорциональное повышение заработной платы или законы в пользу бедных имеют тенденцию поощрять его⁴. Стр. 360. О падении цены товаров и о повышении стоимости денег говорится, как об одном и том же. Стр. 361. Уменьшение производства является другой формой выражения понижения спроса⁵. Стр. 371. Объединение рабочих в союзы увеличило бы сумму денег, подлежащую разделу среди рабочего класса⁶.

Как видите, все это небольшие возражения, и я делаю их, чтобы сохранить свою последовательность. Они были бы не понятны для массы читателей, но для вас, хорошо знающего мои особые взгляды, они не нуждаются в пояснении.

¹ Мальтус в одном месте говорит, что рост заработной платы означает увеличение спроса на труд, поскольку дело идет о земледелии и обработке менее плодородных земель, но что это не имеет места в промышленности. — *Прим. ред.*

² Еще один образчик непоследовательности и увертливости Мальтуса. С одной стороны, он говорит о выгодах полной свободы торговли, а с другой — заявляет, что «для отдельных государств ограничение ввоза зерна может быть иногда выгодным» (кембриджское издание, т. VII, стр. 202). — *Прим. ред.*

³ Ссылаясь на Адама Смита, Мальтус утверждает, что в неурожайные годы известное число рабочих должно либо стать безработными, либо согласиться на более низкую заработную плату, так как «хозяева не могут содержать то же количество рабочих за ту же оплату» (там же). — *Прим. ред.*

⁴ По мнению Мальтуса, два предложения — об установлении максимальных цен на продукты питания и уровня заработной платы пропорционально этим ценам — «имеют один и тот же характер: оба ведут прямо к голоду» (там же, стр. 203). — *Прим. ред.*

⁵ По мнению Мальтуса, «специфическое зло налогов состоит скорее в том, что они ограничивают размеры производства, чем в сокращении, которое они причиняют спросу» (там же). — *Прим. ред.*

⁶ Согласно Мальтусу, рабочие союзы «не только незаконны, но иррациональны и неэффективны», так как если рабочие какой-либо отрасли добьются «насильственного» повышения заработной платы, то за этим обязательно последует безработица (там же). — *Прим. ред.*

Гэткомб парк, 16 декабря 1817 г.

Я с удовольствием узнал, что мы, возможно, скоро увидим еще один том вашей работы; если в нем вы нападаете на меня, то я готов к тому, что девять десятых наших читателей решат в пользу ваших взглядов. А мне требуется меньше излагать, для того чтобы выразить свои взгляды вполне ясно и освободить их от той парадоксальной формы, в которую они теперь облечены. Я хотел бы помочь вам в выборе хорошего заглавия, но никто не способен придать книге лучшую форму и лучшее расположение материала, чем вы сами. Видели ли вы рецензию на книги Сэя и мою в «Бритиш Ревью»?¹ С некоторыми замечаниями вы, я думаю, согласитесь; все же для меня до некоторой степени утешительно, что, назвав все части моего произведения нелепыми и бессмысленными, критики затем нападают по вопросу о ренте и на вас и говорят, что мы оба постарались затемнить вопрос о ренте, который прежде был столь ясен. Рента есть не что иное, как арендная плата, уплачиваемая за пользование землею. Я очень доволен, что критики дали мне такого приятного компаньона. В шотландском журнале «Скотсмен»² меня очень умело защищали: автор очевидно понял, что я хотел сказать; а этого нельзя сказать о моем критике в «Бритиш Ревью».

В течение последней недели я читал книгу Милля³ и прочел уже около половины первого тома. Я не достаточно компетентен, чтобы судить о ее достоинствах, но она мне очень нравится. Она весьма интересна и, я думаю, рассчитана на то, чтобы возбудить большое внимание, так как трактует не только о религии, обычаях, законах, искусствах и литературе индусов, но и сравнивает их с религией, обычаями и т. д. других народов, которых все вообще считали стоящими гораздо ниже индусов; и если для индусов все это считалось доказательством высокого уровня цивилизации, то Африка, Мексика, Перу, Персия, Китай могут также притязать на такую же характеристику. Он высказывает также собственные взгляды по вопросу о том, что собою представляют хорошие законы, хорошая религия, высокий уровень цивилизации, и показывает, что по состоянию таких Индостан должен быть оценен как находящийся на весьма низком уровне развития. Политическая экономия изложена, по моему мнению, превосходно; ту часть, которую я читал, можно рассматривать как взгляд автора на прогресс человеческого разума. Я надеюсь, что книга доставит автору славу и хорошую репутацию: его настоячи-

¹ «British Review».

² «The Scotsman».

³ «History of British India».

вость, так же как и другие качества, вполне заслуживают этого.

Вы, вероятно, читали в газетах, что я назначен одним из трех лиц, из которых должен быть выбран шериф; так как полковник Беркли, названный первым, по всей вероятности, откажется, потому что намеревается принять пэрство в палате лордов (которое иначе достанется его брату), то я несомненно буду выбран. Я очень охотно отказался бы от этой чести.

Лондон, 30 января 1818 г.

Лорд Кинг, г-н Уишоу и вы удостоили меня большой чести, сделав мою книгу предметом ваших дискуссий. Но, признаюсь, я очень удивлен, что вы думаете (а судя по вашим словам и они соглашаются с вами), что мерой стоимости является не то, что я представил в качестве таковой, но что *естественная* цена так же, как и *рыночная* цена, определяется спросом и предложением, причем единственная разница заключается в том, что первая определяется средним и постоянным спросом и предложением, а последняя — случайным и временным. Говоря это, думаете ли вы отрицать, что легкость производства понизит естественную цену, а трудность производства повысит ее? Не выявятся ли эти результаты после очень короткого промежутка, хотя бы абсолютный спрос и абсолютное предложение или отношение одного к другому оставались постоянно одинаковыми? В этих условиях спрос и предложение во всяком случае не являются единственными регуляторами цены. Я был бы рад узнать, что именно лорд Кинг и вы понимаете под спросом и предложением. Как бы ни был велик спрос, он никак не может постоянно повышать цену товара выше издержек его производства, включая в эти издержки прибыль производителей. Мне кажется поэтому, что вполне естественно искать причину изменения постоянной цены в издержках производства. Уменьшите последние, и цена товара в конечном счете должна понизиться; увеличьте их, и она, несомненно, должна повыситься. Что общего имеет это со спросом?

Возможно, что я до глупости пристрастен к своей собственной доктрине и совершенно не вижу ее абсурдности. Я знаю о сильной склонности каждого человека обманывать себя в стремлении доказать верность излюбленной теории, но я все же не могу не рассматривать свою постановку вопроса как истину, которую можно доказать, и крайне удивлен, что она может возбуждать сомнение. Если бы действительно эта основная моя доктрина оказалась ошибочной, то я допускаю, что вместе с ней рушилась бы и вся моя теория, но из этого еще не сле-

дует, что я должен был бы удовлетвориться той мерой стоимости, которую вы ставите на ее место.

Сожалею, что вы решили ничего не публиковать этой весной.

Я не видел Торренса и не знаю, каковы его намерения относительно опубликования труда, обещанного им публике.

Лондон, 25 мая 1818 г.

Завтра вечером в Палате лордов состоятся продолжительные дебаты относительно билля о приостановке платежей банком; лорд Гренвилль собирается выступить по этому вопросу. Лорд Кинг сообщил мне о своем намерении предложить, чтобы Английскому банку было запрещено выдавать какие-либо дивиденды на капитал, пока цена золота выше его монетной цены. Я не сомневаюсь, что практически такая мера привела бы к сокращению количества денег в обращении и к повышению их цены до паритета, но, если бы директора банка заупрямились, эта мера могла бы вызвать самые серьезные последствия для вдов, сирот и других лиц, зависящих материально только от банковских дивидендов.

Лондон, 24 июля 1818 г.¹

Мне думается, теперь окончательно решено, что я не попаду в парламент, и я искренно рад, что с этим вопросом так или иначе покончено, потому что уверенность в получении депутатского кресла едва ли вознаградила бы меня за неприятности, связанные с хлопотами по этому поводу. В своем ответе г-н Клаттербек известил меня, что место, которое он имел в виду для меня, отдано другому. Так мои честолюбивые мечты и кончились.

Согласившись уступить настояниям друзей, я не упустил ни одной возможности, чтобы попасть в уважаемую Палату, но я вполне убежден, что, считаясь только с собственным благополучием, я поступил бы разумно, оставаясь на своем месте. Легче подвергать критике действия других, чем разумно действовать самому; я сильно опасаюсь, что мне не хватает как рассудительности, так и осторожности, которые требуются, чтобы стать сносным сенатором. Меня удивляет любезность и уважение, с какими в настоящее время ко мне относятся мои друзья, и было бы крайне неосторожно дать им в руки легкий способ проверки моих притязаний.

¹ Письмо Мальтуса, на которое отвечает Рикардо, утеряно. — *Прим. ред.*

Я, так же как и вы, доволен, что избирательная кампания сэра Сэмуэля Ромилли проходит в Вестминстере с таким успехом, и более доволен, чем вы, недавним успехом на выборах сэра Френсиса Бардетта. Думаю, сэр Френсис серьезный человек. Книга Бентама¹ показала ему, что всеобщее избирательное право не представляет опасности, но его главная задача, я уверен, состоит в том, чтобы добиться действительно представительного правительства, и, вероятно, он думает, что эта цель может быть достигнута, если удовлетвориться избирательным правом, очень близким к всеобщему, но все же не полностью таковым. При таких взглядах и стремлении к достижению цели требование более или менее полного избирательного права — это только вопрос осторожности. Я согласен с вами, что было бы более осторожно требовать менее полного; я согласен с вами также и в том, что, исходя из нашего нынешнего опыта, нам не следует решаться на введение всеобщего избирательного права, даже если бы мы могли добиться его. Я, однако, рад тому, что, по вашему мнению, выборы в Вестминстере являются великолепным образчиком здравого смысла нации.

Я не оставил себе места, чтобы подробно остановиться на вопросе о сравнительной выгоде помещения капитала в земледелие и промышленность². Если под богатством вы подразумеваете, как и я, все предметы, которые хочет иметь человек, то я думаю, что богатство возрастет весьма основательно, если мы допустим, чтобы хлеб выращивался или импортировался, смотря по тому, как это наиболее удобно для лиц, ведущих торговые операции. Вы говорите, что в одном случае полученное количество хлеба будет достаточно только для содержания занятых рабочих и *для полной оплаты прибыли на капитал*, а в другом случае это количество оплатит, кроме того, возросшую сумму ренты и содержание добавочного населения, увеличившегося пропорционально ее росту. Так вот, *если бы прибыль на капитал, подлежащая оплате целиком*, была бы в одном случае гораздо больше, чем в другом, — как согласно вашему определению стоимости, так и по моему, — то очевидно, что разница могла быть не только равна добавочной сумме ренты, но и превосходить ее. Я утверждаю, что прибыль на капитал была бы выше, чем вся эта сумма, если бы мы согласились на ввоз хлеба. Следовательно, хотя я допускаю, что в предполагаемом случае наше богатство возросло благодаря

¹ «Plan of Parliamentary Reform».

² Рикардо прибавил, а затем зачеркнул: «но мне кажется, что наше разногласие вызвано неправильным значением, в котором вы употребляете слово «богатство» (см. кембриджское издание, т. VII, стр. 270, сноска). — *Прим. ред.*

росту ренты с 1793 до 1813 г., я все же буду настаивать, что при свободе торговли и ввозе хлеба предпочтительно перед выращиванием его и при новых и улучшенных условиях земледелия наше богатство возрастало бы в еще большей пропорции, чем до сих пор.

Гэткомб парк, 20 августа 1818 г.¹

Я весьма благодарен вам за любезные высказывания по поводу похвалы, так щедро расточаемой мне критиком моей книги в «Эдинбург Ревью». Как только я прочитал статью, я догадался, что автором ее был Мак-Куллох, потому что со времени выхода в свет моей книги он, по-видимому, искренно усвоил взгляды, которые я желал внушить всем моим читателям. Я не могу не быть в высшей степени польщенным его похвалой. Я не был бы так доволен, если бы эта похвала исходила от Милля, потому что, хотя я не сомневаюсь в его искренности, я многое приписал бы его дружбе и хорошему мнению обо мне. Похвала поистине далеко превосходит мои заслуги, и, быть может, она была бы более действенна, если бы автор вставил здесь и там кое-какие возражения².

Я не помню, на какой вопрос я ответил в своем последнем письме согласно моим общим принципам, а так как у меня нет здесь вашего письма, то я не могу установить это. Я допускаю, что при помощи усовершенствований и в земледелии может быть создано огромное количество богатства и что при естественном ходе развития общества большая часть этого богатства может в конечном счете перейти к землевладельцам в форме ренты, но это не меняет того факта, что рента всегда есть перенесение, а не создание богатства; ведь прежде чем она уплачивается землевладельцам, как рента, она должна составлять прибыль на капитал, и часть этой последней передается землевладельцу только потому, что в обработку поступает земля худшего качества.

Я сожалею, что вы не подвинулись сколько-нибудь значительно вперед в работе, которой заняты. После размышлений,

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 16 августа. В нем Мальтус утверждает, что если благодаря вложению значительного нового капитала в земледелие увеличались прибыли и сильно повысилась рента, то подъем последней является «увеличением национального дохода» и, следовательно, «рента является созданием, а не перенесением богатства... рента повысилась благодаря улучшениям в земледелии, а последние были достигнуты благодаря большому капиталовложению, сделанным на основе высокой цены на зерно». Разве это не рост богатства, который иначе не имел бы места? — *Прим. ред.*

² В рукописи зачеркнуты слова: «против моей теории» (см. кембриджское издание, т. VII, стр. 282). — *Прим. ред.*

которые вы посвятили вопросу, я не удивлен, что мой рецензент не поколебал вашей уверенности в ваших взглядах. Для меня было бы не очень лестно, если бы ему это удалось, потому что я имел много возможностей и употребил много усилий, чтобы склонить вас к моему образу мышления, но без всякого успеха. Почему же он должен быть столь счастлив при первой же попытке? Я начинаю подозревать, что мы не так уж сильно расходимся во взглядах, как мы до сих пор думали. Мои мнения очень мало расходятся с мнениями, изложенными в той части рукописи, которую вы мне читали, но я хочу иметь возможность судить о вашей системе в целом и потому буду рад, когда она появится в печатном виде.

Гэткомб парк, 21 сентября 1819 г.¹

Я получил от Милля письмо с вложением письма от г-на Нэпира, редактора или издателя «Британской энциклопедии»; он просил Милля обратиться ко мне с предложением написать статью о фонде погашения для этого издания. Работа показалась мне слишком большой, чтобы я взялся за нее, и я сейчас же написал об этом Миллю, но получил от него второе письмо, которое почти не оставляло мне выбора; и в конце концов я согласился попробовать; я могу это сделать, но без всякой надежды на успех. Я очень усердно работаю, потому что хочу дать Нэпиру возможность обратиться к кому-либо другому, не задерживая издания, как только мне удастся убедить его и Милля, что я недостаточно знаком с вопросами этого рода. В последние дни это занятие поглощало все мое время, и так, вероятно, будет еще по крайней мере целую неделю.

Я не имел возможности отнестись с надлежащим вниманием к предмету вашего письма; ваше предположение, что половину унции серебра можно собрать на морском берегу в течение одного дня труда, представляет нечто экстравагант-

¹ Это письмо — краткий ответ на письмо Мальтуса от 10 сентября 1819 г., в котором Мальтус сочел экономическую безграмотность со стороны обычной тенденциозностью. «Увеличение денежной заработной платы при условии неизменной стоимости денег, — пишет Мальтус, — отнюдь не является необходимым при расширении обработки земли до крайних пределов. Необходимо лишь, чтобы цена хлеба поднялась до такой точки, на которой при фиксированном уровне заработной платы должен остановиться дальнейший рост населения».

Ясно, что слово «необходимо» употребляется не для обозначения объективной необходимости, а для выражения субъективных предствлений и желаний Мальтуса.

Краткость и сдержанность тона ответа Рикардо не мешает ему уличить Мальтуса в полном непонимании природы прибылей и неизбежности применения капитала в производстве. Мальтус полностью игнорирует эти моменты. — *Прим. ред.*

ное, — вы сами должны признать это. При таких обстоятельствах серебро не могло бы, как вы говорите, повыситься или понизиться в цене, как не могла также повыситься или понизиться цена труда. Это может или скорее могло бы иметь место только по отношению к хлебу. Прибыль же, я думаю, будет и дальше зависеть от соотношения между теми частями продукта, которые приходятся на долю капиталиста и на долю рабочего. Валового продукта будет меньше, что вызовет повышение его цены, но из произведенного количества рабочих получит более значительную долю, чем прежде. Эта более значительная доля будет, однако, представлять меньшее количество, чем прежде, и будет иметь прежнюю денежную стоимость. В предположенном вами случае повышение денежной заработной платы по мере расширения обработки земли до крайних пределов не представляется необходимым; но причина этого состоит в том, что вы исключили целиком применение капитала при производстве вашего мерила стоимости. Я, как вы знаете, согласен с вами, что деньги представляют более изменчивый товар, чем это вообще думают, и поэтому я полагаю, что многие колебания в ценах товаров могут быть справедливо приписаны изменению стоимости денег. Трудно представить себе, что в большой и цивилизованной стране какой-либо существенный товар можно было бы производить с такой же выгодой без применения капитала.

Из вашего письма я вижу, что вы ставите мой авторитет чересчур высоко, и я не согласен, чтобы вы приписывали уважению к моему авторитету ту небольшую деятельность, которую вы развернули для окончания вашего труда. Вы не должны больше гордиться тем, что составляете главный объект для нападок Коббета. Я тоже получил свою долю этих нападок и как раз таким образом, какой предвидел. Даже когда он соглашается с вами, он умеет найти оттенки разногласия, которые возбуждают его злобу.

Гэткомб парк, 9 ноября 1819 г.¹

Я рад, что Уишоу остался доволен своим кратковременным визитом у нас. Мы имели несколько бесед по вопросу о парла-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 14 октября. В нем Мальтус говорит с негодованием и ужасом о народных волнениях — митингах и демонстрациях в Манчестере, в Лондоне и других промышленных центрах — в защиту требования введения всеобщего избирательного права. «Я с трудом могу себе представить, — пишет Мальтус, — более кровопролитную революцию, чем та, которая, я полагаю, будет иметь место, если всеобщее избирательное право и ежегодные парламентские выборы будут осуществлены благодаря угрозам, раздающимся на митингах, собиравшихся за последнее время». И далее: «Этим людям, очевидно, вну-

ментской реформе, и я был рад констатировать, что наши взгляды сходились больше, чем я себе раньше представлял. Я был бы вполне удовлетворен такой реформой, которую готов нам дать Уишоу. Я не более склонен к радикализму, чем раньше, после того как был свидетелем действий Хэнта, Уотсона и К^о¹, если под радикализмом подразумевается всеобщее голосование. Боюсь, однако, что не считаю умеренную реформу, на которую вы готовы согласиться, достаточной гарантией хорошего правительства. Ваш план реформы, если я верно припоминаю, настолько же слишком умерен, насколько план всеобщего голосования слишком радикален; нечто среднее между ними доставило бы мне удовлетворение. Разве, по вашему мнению, сколько-нибудь значительное число людей может быть действительно обмануто идеей, что какое-нибудь изменение в системе представительства вполне избавит их от бедственного положения? Можно, вероятно, найти несколько злонамеренных людей, которые были бы рады революции исключительно из-за надежды присвоить себе собственность других, но такая цель должна быть по душе очень небольшому числу людей. Я не могу так низко оценивать мышление благонамеренных людей, чтобы предполагать их искренне верящими в блага парламентской реформы: она-де даст им работу или освободит страну от уплаты тяжелых налогов, которыми мы в настоящее время обременены. В речах, которые адресуются к толпе, я также не нахожу подобных экстравагантных обещаний. Если бы такие обещания и были даны, то толпа лучше знает, можно ли верить ораторам, которые дают такие обманчивые обещания. Я ожидаю, что парламентская сессия будет очень бурной.

Что касается моих расчетов, то я могу сказать в их оправдание только то, что я никогда не выдвигал их для каких-нибудь практических целей, а только для того, чтобы сделать вполне ясным основной принцип. Когда вы говорите: «едва ли возможно, чтобы все мои расчеты не были неизбежно ошибочными в самой своей основе», то это не ответ на мою теорию, так как я этого не отрицаю; тем не менее верно, что доля продукта в земледелии или промышленности, удерживаемая капиталистом, который ставит рабочих на работу, будет зависеть

шали, что такая реформа полностью избавит их от всех бедствий... Поскольку же они обязательно будут в этом разочарованы, то в стране начнется эра убийств, которые сможет приостановить только военный деспотизм». Сравнивая такую предполагаемую им революцию в Англии с французской революцией конца 18-го века, Мальтус утверждает, что в Англии положение будет гораздо ужаснее, ибо «во Франции промышленное население было сравнительно невелико..., но в Англии бедствия от невозможности найти работу и иметь пищу будут ужасны». — *Прим. ред.*

¹ Вожди народных волнений в Лондоне и Манчестере в 1818 и 1819 гг.

от количества труда, необходимого, чтобы обеспечить содержание рабочих.

Вы спрашиваете меня, «считаю ли я, что при изъятии земли из обработки вследствие ввоза иностранного зерна, новая норма прибыли определяется положением с землей или же устойчивыми ценами на промышленные и поступающие в торговлю продукты при понижающейся заработной плате». Вы правильно предвосхитили мой ответ. «Капитал, думаю я, будет изыматься из земли до тех пор, пока последний вложенный капитал будет давать такую же прибыль, какую он дает (вследствие понижения заработной платы) в промышленности при предположении, что цена промышленных товаров остается стационарной, неизменной».

Я рад слышать, что ваша книга будет скоро сдана в печать, но жалею, что наиболее важная часть выводов из тех принципов, которые вы стараетесь разъяснить, не будет включена в текст: я имею в виду налоговое обложение. В письме, которое я недавно получил от Троруэра, он выражает сильное сожаление, что столь важный вопрос о налоговом обложении так мало привлекает к себе внимание политэкономов; он считает, что как раз в настоящее время это особенно важно, и я не могу не согласиться с ним. Я надеюсь, что, как только вы выпустите ваш труд, вы немедленно подготовите изложение своих взглядов на вопрос, в котором мы все практически заинтересованы.

Я получил также совсем недавно письмо от Мак-Куллоха; он составил для «Британской энциклопедии» статью о вексельных курсах, которая, по моему мнению, очень хорошо написана, хотя я не могу согласиться с одним или двумя его определениями.

Со свойственной мне поспешностью я закончил статью, которую взялся написать о фонде погашения. Она мне так опротивела, что я рад был избавиться от нее.

Лондон, 4 мая 1820 г.

Я читал вашу книгу¹ с большим вниманием. Мне не нужно говорить, что с мыслями, изложенными во многих частях ее, я вполне согласен. В особенности мне нравятся ваши замечания о положении бедных; нельзя слишком часто разъяснять им, что самое действенное средство против недостаточности их заработной платы находится в их собственных руках. Я желал бы, чтобы вам удалось избавить нас от всех препятствий, стоящих на пути к введению лучшей системы, какую можно было бы установить.

¹ «Principles of Political Economy»

После частых дебатов между нами, вы не будете удивлены, если я скажу, что меня не убедили ваши аргументы в защиту тех положений, по которым мы давно расходимся. Наши разногласия могут быть, по моему мнению, в некоторых отношениях приписаны тому обстоятельству, что вы считаете мою книгу более практической, чем я намеревался ее сделать. Моя цель заключалась в разъяснении принципов, и, чтобы показать действие этих принципов, я придумывал яркие примеры. Я никогда не думал, например, что в практике земледелия имели место такие усовершенствования, которые сразу удвоили бы получаемый продукт; но чтобы показать, каково было бы действие усовершенствований при условии, что им не мешали другие причины, я предположил, что усовершенствования в таком объеме будут предприняты, и думаю, что рассуждал правильно, исходя из таких предпосылок. Я уверен, что не недооцениваю значения улучшений в земледелии для землевладельцев, хотя возможно, я изложил это не так решительно, как должен был бы сделать. Вы, мне кажется, переоцениваете их; землевладелец не будет получать больше ренты до тех пор, пока для обработки земли применяется такой же капитал, как и прежде, а новая земля не поступает в обработку; но так как при низкой цене хлеба может поступить в обработку новая земля и добавочный капитал может быть вложен в старую землю, то выгода для землевладельцев очевидна. Так как при отсутствии этих условий хлебная рента землевладельца стала бы увеличиваться, вы, по-видимому, думаете, что он выигрывает; но полученное им добавочное количество хлеба будет обмениваться не на большее количество денег и не на добавочное количество других товаров. Если бы труд был дешевле, землевладелец выиграл бы, поскольку он сберегал бы на оплате своих садовников и, быть может, некоторых других слуг, но эта выгода была бы общей для всех, кто получает такой же денежный доход, из какого бы источника он ни получался. Compliment, который вы мне делаете в одном из примечаний, весьма лестен. Мне приятно знать, что вы хорошего мнения обо мне, но я опасаюсь, что мир подумает, как и я, что ваше любезное отношение ко мне в этом случае вас ослепило.

Как и всегда, я не согласен с тем, что вы говорите в главе о влиянии накопления капитала. До тех пор, пока страна не исчерпала своих ресурсов вследствие уменьшения способности земли давать дальнейший прирост продукта, я считаю невозможным, чтобы в одно и то же время налицо имелись как излишек капитала, так и излишек населения. Я согласен, что прибыль может быть временно очень низка, потому что капи-

тал избыточен сравнительно с трудом, но, по моему мнению, капитал и труд не могут быть избыточны одновременно.

Допуская, что в этом пункте вы правы, я сомневаюсь, верно ли ваше заключение, и мне не кажется разумным поощрять непроизводительное потребление. Если бы отдельные лица не выполняли своего долга в этом отношении, можно было бы оправдать правительство, которое взимает налоги только в целях их расходования.

В последнем номере журнала «Скотсмен» Мак-Куллох дал краткую рецензию на вашу книгу; она касается главным образом вопроса о стоимости; он не соглашается с вами, но делает это с величайшей вежливостью и добродушным юмором. Торренс заинтересован в вечерней газете «Путешественник»¹; я думаю, что он редактирует ее; он также опубликовал некоторые замечания на вашу книгу, а так как его аргументация сходна с моей, то я, конечно, считаю его критику справедливой.

Гэткомб парк, 4 сентября 1820 г.

Мне очень хотелось получить о вас известие, и я уже собирался писать вам, как получил ваше письмо из Брайтона. Мой сосед Гемфри Аустин рассказал мне, что видел вас в Париже, и я слышал, что вы благополучно вернулись в Англию. Я очень рад, что ваше путешествие доставило вам удовольствие; иначе и не могло быть, так как оно дало вам возможность видаться и беседовать с виднейшими литературными деятелями Франции и выслушать их мнения о современном состоянии этой занимающей столь важное положение страны. Надеюсь, что в этой части континента нынешний порядок вещей не будет нарушен в течение некоторого времени; но если во Франции возникнет новое движение, то я надеюсь, что целью его будет более серьезное обеспечение свободы народа путем усовершенствования представительной системы, поскольку это можно сделать усилиями людей. Нет ничего, от чего бы в такой степени зависело счастье большинства народа.

Я не ожидал, что у меня во Франции так много читателей, как это можно заключить по числу проданных, по вашим словам, экземпляров французского перевода. Я не удивляюсь, что вы встретили лишь немногих, кто понял бы мою теорию правильно, и еще меньше таких, которые были бы расположены согласиться со мной. Мне не удалось пока завоевать много последователей в моей собственной стране; но я не теряю надежды, что число их будет расти; мои немногочисленные после-

¹ «The Traveller».

дователи принадлежат к правильному направлению и проявляют достаточно рвения в деле распространения истинной веры.

Я видел письма Сэя¹ к вам; мне кажется, он сказал многое в пользу правильного понимания вещей, но не все, что можно было бы сказать. В одном пункте он, по моему мнению, впадает в ту же ошибку, что и Торренс в своей статье в «Эдинбург Ревью». Оба они, по-видимому, думают, что застой в торговле происходит от того, что не была произведена та группа товаров, за которые могли бы быть куплены товары, находящиеся в продаже. Сэй и Торренс, кажется, делают вывод, что это зло не может быть устранено, пока другие такие товары проявятся на рынке. Несомненно, однако, что настоящее средство против застоя заключается в регулировании дальнейшего производства; если налицо переполнение рынка одним товаром, производите меньшее количество этого товара и большее количество другого, но не давайте переполнению продолжаться до тех пор, пока покупатель не будет отдавать предпочтения производству того товара, который больше требуется. Меня не убеждает ничто из сказанного обо мне Сэем; он не понимает меня и часто противоречит сам себе, когда предметом его анализа является стоимость. В четвертом издании своей книги² (т. II, стр. 36) он говорит, что стоимость всякого предмета понижается по мере того, как количество его увеличивается в силу легкости производства. Предположим теперь, что за то, что он называет «производительными услугами», вам приходится платить теми товарами, стоимость которых так сильно понизилась; возместите ли вы их прежнюю стоимость, если дадите за них прежнее количество товаров? Конечно нет, согласно его же собственному допущению, и все же на стр. 33 он утверждает, что стоимость производительных услуг не изменилась, если за них получается такое же количество товара, несмотря на то что издержки производства этого товара могли упасть с 40 до 30 франков за единицу меры. У него два противоположных понятия о стоимости, и я уверен, что окажусь не правым, если не соглашусь с одним из них.

Сожалею, что правительство Франции предубеждено против политической экономии. Какие бы разногласия ни существовали между писателями в области этой науки, они тем не менее согласны насчет многих важных принципов, правильность которых доказана практикой. Принимая эти принципы, правительство не сможет не способствовать благосостоянию на-

¹ «Lettres à M. Malthus sur différents sujets d'économie politique, notamment sur les causes de la stagnation générale du commerce, par Jean-Batiste Say», Paris, 1820.

² «Traité d'économie politique», 1819.

рода, который вверен его управлению. Что может быть яснее, чем выгоды, вытекающие из свободы торговли, или бедствия, происходящие от особого поощрения роста населения?

Я перечитал вашу книгу второй раз с большим вниманием, но мои расхождения с вами остаются такими же коренными как и прежде. Некоторые из выдвинутых вами против меня возражений являются чисто словесными; они не затрагивают ни одного принципа; самый крупный и основной пункт, в котором я считаю вас глубоко неправым, тот, на который Сэй нападал в своих письмах¹. По этому вопросу у меня нет ни малейших сомнений. Что касается слова «стоимость», вы даете ему одно определение, а я — другое. Для нас это, по-видимому, разные понятия; нам следовало бы сначала согласиться, каков должен быть стандарт стоимости, и затем исследовать, чье определение больше всего приближается к неизменному стандарту — то, которое предлагаете вы, или то, которое предлагаю я.

Я не слышал ни о каких новых статьях, написанных против вас Мак-Куллохом или Торренсом, и не знаю, предполагают ли они что-нибудь писать. Мак-Куллох написал мне со времени моей последней встречи с вами два письма; он ничего не говорит о стоимости, и пройдет, вероятно, год или два прежде, чем он сможет опубликовать что-нибудь по этому вопросу в Дополнении к «Британской энциклопедии». В ближайшем номере «Эдинбург Ревью» будет напечатана его статья о десятине, которую я читал; принципы его правильны, но мне не понравилось выдвигаемое им средство против существующего зла.

Милль пробыл у меня две недели и останется еще на некоторое время. Он намерен написать популярную работу по политической экономии, в которой хочет самым доступным образом разъяснить учащимся принципы, которые считает правильными. В его намерения не входит упоминание о чьих-либо взглядах или полемика по спорным вопросам.

Я пересмотрел свою первую главу с целью сделать несколько изменений в ней прежде, чем книга² выйдет вторым изданием. Я нахожу эту задачу очень трудной, но надеюсь, что мне удастся сделать свои взгляды более ясными и вразумительными. Я имел намерение защищаться против некоторых из ваших нападок, но по размышлению решил, что, для того чтобы отстоять свои положения, мне придется сказать очень много; и вследствие этого объем моей книги увеличится самым неподходящим образом; кроме того, мне пришлось бы по-

¹ Этот пункт касался причин общего застоя торговли.

² Речь идет о «Началах политической экономии». — *Прим. ред.*

стоянно отвлекать внимание читателей от основного предмета. Если я буду защищаться, я должен сделать это в отдельном издании.

Гэткомб парк, 9 октября 1820 г.¹

Я вполне согласен с вами, что письма Сэя к вам не очень удачны. Даже свою собственную доктрину он защищает не слишком умело, а в некоторых других запутанных вопросах, которых он касается, он кажется мне весьма несостоятельным. Он, несомненно, не имеет правильного понятия о том, что подразумевается под стоимостью, когда утверждает, что стоимость товара пропорциональна его полезности. Это было бы верно, если бы стоимость товаров регулировалась только покупателями; тогда действительно можно было бы ожидать, что все люди будут готовы предложить за вещь цену, соответствующую их собственной оценке, но на деле, мне кажется, покупатели меньше всего на свете имеют отношение к регулированию цены; цена регулируется конкуренцией продавцов, и, как бы покупатели ни были готовы платить за железо больше, чем за золото, они не могли бы сделать этого, потому что предложение регулировалось бы все же издержками производства; поэтому золото находилось бы неизбежно в том же отношении к железу, что и теперь, хотя, вероятно, все люди считают его менее полезным металлом.

Я думаю, что в защиту его теории услуг можно сказать больше; они, я думаю, являются регулятором стоимости, и если он откажется от ренты, то по этому вопросу между ним и мною не будет существенных расхождений. То, что он говорит об услугах, совершенно не согласуется с его другой доктриной о полезности. О налоговом обложении в Англии он судит, по-моему, как невежда. В примечании на стр. 101 он делает слишком много уступок. Трудность найти применение для капитала в странах, о которых вы упоминаете, проистекает от предрасудков и упорства, в силу которых люди держатся за свои ста-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 25 сентября 1820 г. Письмо содержит разглагольствования о книге Сэя и полно резких нападок на теорию стоимости Рикардо. Сначала Мальтус упоминает «справедливейшую теорию спроса и предложения», затем вносит предложение, чтобы определения стоимости Рикардо и самого Мальтуса «были проверены *из относительной полезностью...* при исследовании природы и причин богатства». Наконец, категорически заявляет: «Вы утверждаете, что количество труда, затраченное на товары, определяет — лишь с небольшими исключениями — отношение, в котором они будут обмениваться один на другой. Это — предположение и притом не вполне обоснованное; я поэтому сомневаюсь, что вы сможете изменить вашу первую главу удовлетворительно для вас самого». — *Прим. ред.*

рые предприятия; каждый день они ожидают перемены к лучшему и поэтому продолжают производить товары, на которые нет соответственного спроса. При изобилии капитала и низкой цене труда не может не существовать каких-либо возможностей такого применения капитала, которое давало бы хорошую прибыль; и если бы распределение капитала страны находилось под контролем выдающегося гения, он мог бы в очень короткое время сделать торговлю активной, как никогда. Люди ошибаются в выборе производства; в спросе нет недостатка. Если бы я нуждался в сукне, а вы — в хлопчатобумажных товарах, то было бы большой глупостью со стороны каждого из нас, если бы с целью обмена между нами один производил бархат, а другой — вино. В такого рода глупости мы виновны теперь, и мне трудно объяснить, почему такое заблуждение продолжает столь долго существовать. В конце концов беда, может быть, не так велика, как кажется. Вы правильно формулировали исходный пункт разногласия между нами: я не могу представить себе одновременного существования излишка капитала и излишка труда, если только не допущу грубейшего просчета.

Когда я говорю, что правда на моей стороне, я хочу только выразить свое твердое убеждение в своей правоте; надеюсь, что вы не сочтете это выражение заносчивым. В беседах с вами я привык к решительному утверждению своего мнения и уверен, что вы не хотели бы, чтобы я поступал иначе. Не сомневаюсь, что вы со своей стороны будете поступать так же, и, смею сказать, вы согласитесь со мной, что, как и я, вы не склонны уступать только авторитету, если сами не убеждены. Вместе с вами я утверждаю, что «если у фермера нет соответствующего рынка для сбыта своих продуктов, то он скоро перестанет выдавать больше предметов первой необходимости своим рабочим» с целью производства большего количества таковых. Но оставит ли он на этом основании бездейственной соответствующую часть капитала, не употребит ли ее он или кто-нибудь другой на производство чего-нибудь другого, что найдет достаточный рынок? Вы говорите об относительной *полезности* наших двух определений стоимости. Признаюсь, ваше определение не дает моему уму никакой идеи, сколько-нибудь приближающейся к тем представлениям о стоимости, которые я когда-либо составил себе. Сказать, что реальная стоимость означает в применении к заработной плате количество предметов первой необходимости, получаемое рабочим, и в то же время согласиться, что стоимость этих предметов первой необходимости изменяется так же, как и стоимость всех других предметов, кажется мне противоречием. По вашему мнению, политическая экономия есть исследование о природе и причинах

богатства; я думаю, что ее следует скорее назвать исследованием о законах, на основе которых продукт труда распределяется между классами, участвующими в его создании. Нельзя установить закона по отношению к количеству, но можно установить довольно правильный закон по отношению к пропорциям. С каждым днем я все больше убеждаюсь, что исследование первого рода тщетно и обманчиво и что только исследование второго типа является подлинным объектом науки. По вашим словам, мое положение о том, «что за немногими исключениями количество труда, затраченное на производство товаров, определяет отношение, в котором они будут обмениваться один на другой, не вполне обоснованно». Я признаю, что это положение не абсолютно верно, но говорю, что в качестве правила для измерения относительной стоимости оно является по сравнению со всеми другими, о каких я когда-либо слышал, наиболее приближающимся к истине. Вы говорите, что спрос и предложение регулируют стоимость. Сказать так — значит, по моему мнению, ничего не сказать в силу причин, которые я указал в начале этого письма, — именно предложение регулирует стоимость, — а предложение само контролируется относительной высотой издержек производства. Издержки производства, выраженные в деньгах, определяют стоимость труда так же, как и прибыль. Так, если стоимость моего товара равна стоимости вашего, то и издержки его производства должны быть такими же. Но издержки производства пропорциональны — с некоторыми отклонениями — затраченному труду. Как мой, так и ваш товар стоят по 1000 ф. ст.; поэтому в них, вероятно, реализовано одинаковое количество труда. Но эта доктрина встретит меньше возражений, если применить ее не для измерения полной абсолютной стоимости сравниваемых товаров, но изменений, которые время от времени происходят в их относительной стоимости. Каким причинам, я подразумеваю постоянные причины, можно приписать эти изменения? Двум и только двум: одной, незначительной по своим последствиям, — повышению или понижению заработной платы, или, что по смыслу то же самое, повышению или понижению прибыли; другой, имеющей огромное значение, — большему или меньшему количеству труда, которое может требоваться для производства товаров. Первая причина не может привести к большим изменениям, потому что сама прибыль составляет только малую часть цены и учет ее не может дать большого увеличения или уменьшения последней. Для второй причины нельзя установить вполне определенные границы, потому что количество труда, требующееся для производства товаров, может измениться в два или три раза.

Предмет этот труден, а я слабый мастер изложения, и поэтому мне не удастся выразить то, что я думаю. В мою первую главу не будет внесено существенных изменений; в принципе, я думаю, она совсем не будет изменена.

Гэткомб парк, 24 ноября 1820 г.¹

Я находился в состоянии большой неизвестности, придется ли мне поехать в Лондон или нет. Кажется, решено, что сессия парламента будет отсрочена; поэтому я не считаю необходимым предпринимать путешествие в город только для того, чтобы слышать, как соответствующее должностное лицо три раза ударит своим служебным жезлом по двери Палаты общин, то самое должностное лицо, которое, как нас уверяет Гобгоуз, будет выброшено, если осмелится так же беспокоить реформированную Палату общин. Политический горизонт как будто еще не проясняется. Со стороны правительства всегда неразумно выступать против решительно выраженного мнения очень многочисленной части народа, в особенности тогда, когда спорный пункт сам по себе ничтожен и не имеет никакого реального значения для государства. Стоит ли держать общество в столь возбужденном состоянии из-за вопроса о том, следует ли предоставить королеве дворец или должно ли ее имя упоминаться в литургии? Нет ничего более неоправданного, как рисковать общественным спокойствием по таким вопросам, ибо если уж начата дискуссия, то ни уступки, ни сопротивление не приносят успокоения.

Вы пишете в своем последнем письме, что в вашем распоряжении есть новые аргументы, которые неопровержимо должны доказать абсолютную невозможность получения чистого дохода при обращении всего продукта на производство предметов первой необходимости и, следовательно, при отсутствии адекватного спроса на предметы роскоши и удобства или на непроизводительный труд, неизбежное наступление всеобщего переполнения рынка. Я не буду беспокоить вас просьбой изложить эти аргументы, потому что с очень незначительным изменением я целиком присоединяюсь к вашему положению. Если память мне не изменяет, речь идет о том самом исключении, которое я сделал² и о котором вы упоминаете в своей книге. Вы должны собрать все ваши аргументы, чтобы защищать более трудные пункты, чем этот.

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 26 октября. В нем Мальтус снова и снова настаивает на магической силе спроса и даже уверяет, что «для огромной массы товаров спрос определяет издержки производства». — *Прим. ред.*

² См. т. I настоящего издания, стр. 241.

Я вполне уверен, что вы менее, чем кто-либо, в состоянии сознательно исказить мысли противника, и все же я нахожу в вашей книге некоторые намеки на мнения, которые вы приписываете мне, но которых я в действительности не придерживаюсь. В одном или двух случаях вы, я думаю, представляете доказательства того, что не поняли меня, потому что излагаете мою доктрину в двух местах совершенно различным образом. Во всяком случае разногласие между нами не зависит от этих пунктов, которые имеют совершенно второстепенное значение.

Я написал примечания ко всем тем местам вашей книги, которые я оспариваю. Я исходил из предположения о новом издании вашего труда и взял на себя труд отметить эти места ссылкой на примечание внизу страницы. Я цитирую три или четыре слова данного предложения, отмечаю страницу и затем прибавляю мой комментарий. Больше всего я возражаю против последней части вашей книги. Мне не кажутся основательными соображения, которые вы приводите в доказательство полезности спроса со стороны непродовольственных потребителей. Я совершенно не в состоянии постичь, каким образом их потребление без воспроизводства может быть выгодным для страны при любом ее положении.

Я написал также кое-какие замечания по поводу писем Сэя к вам, которые мне ни в каком отношении не нравятся. Он очень несправедлив ко мне и, очевидно, не понимает моей доктрины, а что касается взглядов, в которых мы сходимся, то он не приводит в их пользу тех удовлетворительных доводов, которые, по моему мнению, можно было бы выдвинуть. По существу он уступает вам в таких пунктах, что его уступки можно рассматривать как отказ от собственного мнения, и обеспечивает вам таким образом триумф. Вообще сочинения Сэя — это полная смесь глубоких мыслей и грубых ошибок. Что может побуждать его упорно настаивать, что полезность и стоимость — это одно и то же? Неужели он действительно может думать, что наше налоговое обложение действует так, как он это описывает, и неужели он может думать, что мы получим облегчение путем уплаты нашего национального долга тем способом, который он предлагает?

Я не буду спорить против другого положения в вашем письме. «Никакое богатство, — говорите вы, — не может существовать, если спрос или оценка, которая дается товару, не превышает издержек производства». Я никогда этого не отрицал. Я не оспариваю влияния спроса на цену хлеба и на цену всех других предметов; но предложение следует за спросом по пятам и скоро берет в собственные руки регулирование цен, а при этом регулировании оно определяет цены издержками производства. Я признаю существование интервалов, на кото-

рых вы так решительно настаиваете, тем не менее, они остаются только интервалами. «50 дубовых деревьев, оцениваемых каждое в 20 ф. ст., не содержат столько труда, сколько каменная стена в Глостершире, которая стоит 1 тыс. ф. ст.» Я ответил на ваш вопрос; позвольте мне, со своей стороны, спросить вас: думали ли вы когда-нибудь, что, по моему мнению, 50 дубовых деревьев будут стоить столько же труда, сколько каменная стена? Право, я не нуждаюсь в такого рода положениях, чтобы защищать мою систему.

Минчингемптон, 29 ноября 1820 г.¹

Верно, что указанный в моей книге случай носит временный характер; по моему мнению, он и может быть только временным, потому что не может иметь место, когда население растет вместе со спросом на людей. Когда мы встретимся, мы должны договориться насчет значения термина «чистый прибавочный продукт земли». Он может означать весь материальный продукт за вычетом того, что абсолютно необходимо для прокормления людей, которые его произвели; или же он может означать стоимость продукта, который приходится либо на долю капиталиста, либо на долю капиталиста и землевладельца вместе. Если он употребляется в первом значении, то чистый прибавочный продукт земли будет одинаков, независимо от того, получают ли его рабочие, капиталисты или землевладельцы. Если во втором, то он может не давать столь же большой стоимости капиталисту, какую последний затратил для получения его, и, следовательно, капиталист не получит никакого чистого продукта. Этот термин «чистый продукт» употребляется в вашей книге в разных смыслах и дает основание для замечания, которое я сделал о чистом и валовом продукте. Замечание это верно или не верно — смотря по тому, какое значение мы придаем термину чистый продукт; но об этом поговорим подробнее при встрече.

Я хорошо знаю, какое сильное влияние имеет на нас усвоение определенной точки зрения на предмет и как трудно бывает разрушить ход идей, которые долго следовали в нашем уме одна за другой; я не скажу поэтому, что я прав по вопросу о результатах непроизводительного спроса; возможно, следовательно, что через пять лет я смогу думать об этом пред-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 27 ноября 1820 г. В нем Мальтус еще раз пытается доказать, что «теория меновой стоимости, отбрасывающая ренту и рассматривающая почти исключительно труд, не может быть прочно обоснованной». И далее: «Я с каждым днем убеждаюсь, что я прав в том, что я говорил о непроизводительном труде в последней части моей книги. И я еще не потерял надежды, что через пять лет и вы присоединитесь к моему мнению». — *Прим. ред.*

мете так же, как вы. Однако в настоящее время я не вижу ни малейшей вероятности такого изменения, так как всякое новое рассмотрение этого вопроса укрепляет меня в мнении, которого я давно придерживаюсь.

*Гэткомб парк, Минчингемптон,
9 июля 1821 г.¹*

Мак-Куллох возражает против моей главы о машинах энергично и с особой точки зрения; он думает, что я погубил свою книгу, поместив эту главу, и причинил серьезный ущерб науке как теми взглядами, которые я открыто признаю, так и теми способами, которыми я их защищаю. Мы обменялись по этому поводу двумя или тремя письмами; в последнем письме он как будто утверждает, что следствием употребления машин может быть уменьшение годичного количества и стоимости валового продукта. Утверждая это, он уступает по существу вопроса, потому что невозможно утверждать, что при уменьшении количества валового продукта, сохраняются прежние возможности для применения труда, и правильность моих положений по этому предмету кажется мне абсолютно доказуемой.

Мак-Куллох сетует на отступление от моего плана денежного обращения и собирается написать об этом статью в «Эдинбург Ревью», как он уже написал в журнале «Скотсмен». Я очень сожалею, что при осуществленной нами крупной перемене — от нерегулируемого денежного обращения к обращению, регулируемому с помощью твердого стандарта, у нас не было для проведения этой реформы более способных людей, чем нынешние директора Английского банка. Если бы они поставили себе целью сделать этот поворот возможно более стеснительным, то и тогда они не могли бы принять меры, лучше рассчитанные на достижение этой цели, чем те, которыми они фактически пользовались. Почти все затруднения возникли благодаря повышению стоимости самого стандарта в результате их операций. Поистине это очень невежественная банда.

Ваше предположение справедливо: я понял вашу точку зрения в вашей книге в том смысле, что вы ставите себе задачей исследовать не мотивы для производства, а следствия, вы-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 7 июля, в котором Мальтус затрагивает вопрос о застое в торговле и видит основную причину его в «неправильном распределении продукта» между рабочими и капиталистами, благодаря которому необходимое, с его точки зрения, «непроизводительное потребление» капиталистов недостаточно.

Поскольку кризисные явления только намечались в ту эпоху, мы не находим ясного понимания и у Рихардо. Но все же он по ряду вопросов решительно критикует позиции Мальтуса. — *Прим. ред.*

зываемые обильным производством. В письме вы говорите: «Почти в каждой части света мы видим огромные производительные силы, которые не приводятся в действие; я объясняю это явление тем, что благодаря отсутствию надлежащего распределения получаемого продукта не создаются должные мотивы для непрерывного производства». Если это то, что, по моему разумению, вы хотели сказать, то у меня не нашлось бы ни слова для возражения; но я понял вас скорее в том смысле, что огромные производительные силы приведены в действие, что результат этого неблагоприятен для человечества и что в качестве средства против этого вы рекомендовали либо уменьшение производства, либо увеличение непроизводительного потребления. Если бы вы сказали: «После достижения известного предела при современных условиях будет бесполезно стараться производить больше: цель не может быть достигнута; а если бы даже это было возможно, то класс, поставляющий капитал, получит не больше, а меньше», я согласился бы с вами. Но и в этом случае я сказал бы, что действительную причину неправильного распределения следовало бы искать в недостаточном количестве труда на рынке, и эту причину можно было бы радикально устранить при помощи добавочного предложения труда. Но я говорю вместе с вами, что адекватного мотива развивать производство в таких размерах могло бы и не быть и поэтому оно никогда не пошло бы так далеко. Не знаю, насколько правильны мои слова: «я говорю так вместе с вами», ибо, как мне часто кажется, вы утверждаете не только, что производство может продолжать развиваться без адекватного мотива, но что оно развивалось в последнее время именно так и что мы теперь испытываем последствия этого в застое торговли, в отсутствии работы для наших рабочих и т. д. и т. д. В качестве средства против этого вы предлагаете увеличить потребление. Именно против последней доктрины я протестую и решительно возражаю против нее. Я признаю, что адекватные мотивы для производства могут отсутствовать и что поэтому вещи не будут производиться, но я не могу допустить, во-первых, что при этих неадекватных мотивах товары будут все же производиться; во-вторых, что если их производство сопровождается потерями для производителя¹, то это происходит по какой-либо другой причине, а не вследствие того, что занятые рабочие получают слишком большую долю. Увеличьте их число, и зло будет устранено. Пусть предприниматель потребляет больше сам, тогда не будет уменьшения спроса на труд, но плата рабочим, которая была

¹ Слово «производитель» здесь соответствует слову предприниматель. — *Прим. ред.*

раньше чрезмерно высока, будет снижена. В своем письме вы говорите: «Если увеличение производственной мощи не сопровождается ростом непроезводительных расходов, это неизбежно понизит прибыль и лишит рабочих работы». С этим положением я не вполне согласен. Во-первых, это, по моему мнению, должно сопровождаться возрастанием либо производительных, либо непроезводительных расходов. Если рабочий получает в качестве заработной платы большую долю продукта, то все, что он получает сверх суммы, достаточной для поощрения его к необходимой затрате своих сил, идет на столь же непроезводительное потребление, как если бы оно было использовано его хозяином или государством. Здесь нет никакой разницы. Фабрикант может быть настолько экстравагантен в своих расходах или может уплачивать так много в виде налогов, что его капитал может оказаться истраченным в несколько лет. Его положение будет таким же, как если бы по собственной воле или вследствие недостаточной численности населения он платил рабочим так много, что сам остался бы без достаточной прибыли или без всякой прибыли. От налогов он не мог бы ускользнуть, но от этого совершенно ненужного *непроезводительного* расхода он мог бы избавиться и действительно избавился бы, так как мог бы получить прежнее количество труда за меньшую плату, если бы он только меньше сберегал; его сбережения не имели бы цели и поэтому были бы абсурдны. Итак, вы видите, что я вполне допускаю больше, чем вы требуете. Я говорю, что при этих условиях прибыль упадет и без увеличения непроезводительных расходов со стороны хозяев; и я говорю дальше, что даже при росте непроезводительного потребления и расходования рабочих классов прибыль также упадет. Уменьшите эти последние непроезводительные расходы, и прибыль снова повысится. Это можно сделать двумя способами; либо путем увеличения числа рабочих, что понизит заработную плату и, следовательно, непроезводительные расходы рабочего класса, либо путем увеличения непроезводительных расходов класса предпринимателей, что также понизит заработную плату, уменьшая спрос на труд.

Боюсь, что виновен в ненужных повторениях, но меня, право, обуревают желание показать вам, каковы те пункты, по поводу которых у нас действительно существуют разногласия.

Гэткомб парк, 21 июля 1821 г.¹

Я думаю, что уступка, сделанная мною, не выдержит той надстройки, которую вы хотите воздвигнуть над ней. «Увели-

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 16 июля, в котором повторяются рассуждения о причинах застоя в промышленности и торговле. В част-

чение производственной мощности должно сопровождаться увеличением производительных и непроизводительных расходов». Такова фраза, которая вызвала ваше замечание; вы говорите, что это не может быть верно, если количество валового продукта уменьшается. Конечно, нет, но я никогда не говорил, что с увеличением производственной мощности уменьшается валовой продукт; я никогда не говорил, что машины дают нам возможность получать более значительное количество валового продукта; мое единственное обвинение против них заключается в том, что они иногда фактически уменьшают валовой продукт.

Что касается конкретного предмета дискуссии между нами, то вы, кажется, удивлены, что я понял сказанное вами в вашей книге следующим образом: «Огромные производительные силы приведены в действие, и результат этого неблагоприятен для интересов человечества». Разве вы этого не говорили? Разве ваше возражение против машин состоит не в том, что они часто производят большое количество товаров, на которые нет спроса, и что переполнение рынка товарами, как следствие излишнего количества их, неблагоприятно для интересов человечества? Даже из того, как вы формулируете ваше положение в последнем письме, я вправе заключить, что вы видите большое зло в мощных производительных силах, так как результатом их развития будет большое количество товаров и низкие цены на них. Сбережения, сказали бы вы, приведут сначала к увеличению производства, а затем к низким ценам, за которыми необходимо последует низкая прибыль. При очень низкой прибыли исчезнут мотивы для сбережения и, следовательно, исчезнут также мотивы для роста производства. Не говорите ли вы затем, что рост производства часто сопровождается дурными последствиями для человечества, потому что он уничтожает мотивы к трудолюбию и к дальнейшему возрастанию производства? С многими из этих утверждений я не могу согласиться. Я, конечно, допускаю возможность такого положения, при котором сбережения примут настолько всеобщий характер, что от затраты капитала не получится никакой прибыли. Но я утверждаю, что специфическая причина такого положения заключается в следующем: весь тот фонд, который должен составлять и в обычных случаях составляет прибыль,

ности, Мальтус замечает: «...непроизводительное потребление землевладельцев и капиталистов является абсолютно необходимым для поддержания высокого уровня прибылей». И далее: «...что же касается до непроизводительного потребления рабочих классов, превышающего то, что им необходимо как для работы, так и для размножения.., оно оказывает на прибыли совершенно противоположное действие».

Прим. ред.

переходит к заработной плате, т. е. непомерно увеличивает тот фонд, который предназначается на содержание труда. Рабочие получают чрезмерную плату за свой труд и по необходимости становятся непроемкими потребителями страны. Я согласен, кроме того, что капиталисты, у которых в таком случае нет достаточного мотива для сбережений из дохода с целью добавлений к капиталу, перестанут это делать и будут даже, если хотите, тратить часть своего капитала. Но, спрашиваю я, в чем тут зло? Никакого зла для капиталиста, с этим вы согласитесь, потому что его житейские удовольствия и его прибыль в результате возрастут или же он будет продолжать делать сбережения. И никакого зла для рабочих, на которое нам следовало бы сетовать: ведь их положение будет в столь высокой степени благоприятно, что они смогут перенести вычет из своей заработной платы и все же находиться в очень хорошем положении. Именно в этом мы больше всего расходимся. Вы думаете, что ввиду низкого уровня прибыли капиталиста он не мог бы перестать делать сбережения без некоторого уменьшения возможности для рабочих получить работу. Я, напротив, думаю, что при всех вычетах из фонда, назначенного для оплаты труда (которые, как я признаю, были бы следствием новой линии поведения капиталистов), осталось бы достаточно, чтобы дать работу всем рабочим, которых можно было бы привлечь, и чтобы хорошо оплатить их труд. Тогда произошло бы на деле только незначительное уменьшение количества произведенных товаров; изменилось бы только распределение: больше доставалось бы капиталистам и меньше — рабочим.

Я не думаю, чтобы слово застой было надлежащим термином для обозначения такого положения вещей, при котором временно исчезает мотив для дальнейшего увеличения производства. Когда в ходе вещей вследствие значительного накопления капитала и недостатка средств пропитания для возрастающего населения прибыль станет весьма низкой, исчезнет и всякий мотив для дальнейших сбережений; но никакого застоя не будет: все, что произведено, будет иметь свою справедливую относительную цену и будет свободно обмениваться. Несомненно, слово «застой» неправильно применяется к такому положению вещей, так как всеобщего переполнения рынка не будет и никакой товар не будет обязательно производиться в большем количестве, чем это оправдывает спрос.

Вы говорите: «Многочисленный опыт показал нам, что денежная цена труда никогда не падает, пока большое число рабочих не останется на некоторое время без работы». Я не знаю ничего подобного; и если заработная плата перед тем была высока, то я не вижу основания, почему она не может понизиться до того, как многие рабочие останутся без работы.

Все общие соображения говорят, я думаю, в пользу моего взгляда на этот вопрос, ибо почему одни рабочие должны соглашаться не получать никакой заработной платы, в то время как другие получали бы самое щедрое вознаграждение? Я еще раз должен сказать, что внезапное сокращение спроса на труд должно в этом случае обозначать снижение вознаграждения рабочему, а не сокращение занятости. Он будет работать по меньшей мере столько же, как прежде, но будет получать меньшую долю продукта своего труда; это будет так для того, чтобы у нанимателей мог вообще иметься достаточный мотив для предоставления рабочим работы, а они, наверное, не имели бы такого мотива, если бы доля их продукта уменьшилась до такой степени, что увеличение производства стало бы для них скорее злом, чем благом. «Никто не говорит» (никогда), «что¹ рост непроизводительного потребления землевладельцев и капиталистов не может в некоторых случаях быть надлежащим лекарством против такого положения вещей, при котором отсутствуют мотивы для производства». Я не знаю никого, кто рекомендовал бы продолжать практику сбережения даже после того, как прибыль на капитал исчезла. Я этого никогда не делал и был бы одним из первых, кто порицал бы безрассудство капиталиста, не позволяющего себе непроизводительного потребления. Правда, я говорил, что, пока вложение капитала доставляет хотя бы умеренную прибыль, не может быть произведено ничего, на что не было бы спроса, за исключением лишь случаев просчета; но я не говорил, что с теоретической точки зрения производство не может быть доведено до того предела, когда у капиталиста исчезает всякий мотив продолжать его в прежнем размере. Я полагаю, что производство может быть доведено до этого предела, но в наше время мы никогда не наблюдали этого, и я вполне уверен, что, как бы такое положение вещей ни было убыточно для капиталиста, оно таково только потому, что сопровождается диспропорциональными и необычными выгодами для рабочих. Следовательно, помочь тут можно лишь одним способом — более справедливым распределением продукта; а этого можно достичь только, как я сказал в последнем письме, путем увеличения числа рабочих или более щедрыми непроизводительными расходами со стороны капиталистов. Я не протестовал бы против роста потребления, как средства против застоя промышленности, если бы думал, как вы, что мы в настоящее время страдаем от слишком больших сбережений; как я уже сказал, я не вижу, каким образом застой в промышленности может наступить в силу такой причины.

¹ У Мальтуса: «Как можно сказать, что...»

Таким образом, наше расхождение, по-видимому, не очень велико в общих принципах; оно гораздо больше в вопросе об их применении. Те или иные бедствия могут существовать, но вопрос в том, существуют ли они в настоящее время? Я думаю, что нет: на их существование не указывают никакие симптомы, и, по моему мнению, рост сбережений скорее облегчит, а не усугубит страдания, на которые мы сетовали недавно. Застой есть расстройство системы, а не слишком большое производство, происходящее от чересчур большого накопления капитала.

Г-н Тук здесь с прошлой субботы. Мы много беседовали с ним по различным вопросам политической экономии и выявили пункты, по которым частично расходимся во взглядах. Он привез два памфлета, в которых упоминает о вас так же часто, как и обо мне. Быть может, вы их видели. Они называются так: «Исследование принципов, защищаемых г-ном Мальтусом по вопросу о природе спроса и необходимости потребления» и «Замечания о некоторых устных дискуссиях по вопросам политической экономии».

Гэткомб парк, 18 сентября 1821 г.¹

Отнюдь не порицаю вас в чем-либо, я все же боюсь, что совершенно не понимаю вашего «сложного вопроса». Вы, мне кажется, сравниваете вещи, не могущие быть объектами для сравнения ни при каких обстоятельствах, какие только можно предположить. Вы сравниваете товар, в производстве

¹ Ответ на письмо Мальтуса от 13 сентября, в котором Мальтус всячески отстаивает свои позиции в теории стоимости, утверждая, что последняя определяется не только затраченным трудом, но и уровнем получаемой прибыли. Его «сложный вопрос», который Рикардо отказывается понимать, гласит: «Будет ли правильно рассматривать стоимость какого-либо товара как постоянную, независимо от стоимости денег: ведь если даже для производства этого товара требовалось все время одно и то же количество труда и капитала, все же он продавался в разные периоды с весьма различной нормой прибыли... Предположим, что в ранний период существования общества норма прибыли (благодаря небольшому количеству труда, нужному для выращивания зерна) составляла 100% и деньги производились бы ... с той же нормой прибыли; тогда при большем количестве труда для обработки земли и меньшей прибыли будет казаться, что цена зерна и труда, выраженная в таких деньгах, удвоилась. Разве не было бы правильнее сказать, что стоимость денег и товаров, которые требуют того же количества труда, упала вдвое? Это выглядело бы именно так при оценке этих товаров в каком-либо *внешнем* товаре, который все время производился бы с той же затратой труда и при той же норме прибыли».

Ответ Рикардо, весьма характерный для его мировоззрения, дает уничтожающую критику этих рассуждений. — *Прим. ред.*

которого затраты труда остаются неизменными, в то время как прибыль с капитала уменьшается, с другим товаром, «полученным при помощи данного количества труда, данного количества капитала и при данной норме прибыли». Разве это не значит предполагать одновременное существование двух норм прибыли? Но может быть, вы не это имели в виду и ваш вопрос был поставлен на основе предположения одинакового изменения прибыли во всех отраслях. А раз так, то я без всякого колебания отвечаю: если денежная цена хлеба удвоится вследствие роста количества труда, затраченного на земле, а не в силу увеличения легкости производства денег, то мы, как всегда, должны сказать, что цена хлеба повысилась на 100%, а не что цена денег понизилась на 50%. Расходясь по этому пункту, мы фактически возвращаемся к нашему старому спору о том, является ли количество содержащегося в товаре труда регулятором стоимости последнего или же стоимость всех предметов при всех обстоятельствах должна измеряться количеством хлеба, на которое они будут обмениваться. Вы говорите «мы не можем, конечно, считать, что раз земля производительна, то издержки производства предметов первой необходимости для рабочего абсолютно низки, если то, что выигрывается благодаря небольшому количеству затраченного труда, уравнивается очень высокой нормой прибыли». Я, конечно, сказал бы, что издержки производства этих предметов первой необходимости низки, если они произведены при помощи небольшого количества труда. Но ведь вы принимаете другую меру и *иногда* думаете, что стоимость должна вообще измеряться количеством вещей, которые можно купить на данный товар; а если это так, то не скажете ли вы, что издержки производства этих предметов первой необходимости низки по стоимости в силу того, что, по вашим же словам, на них нельзя было бы купить большое количество других вещей? Я не знаю, что вы понимаете под словами: низкие издержки производства предметов первой необходимости уравниваются очень высокой нормой прибыли. Если 100 кварталов хлеба подлежат разделу между моими рабочими и мною, то, поскольку в издержки их производства входят заработная плата и прибыль, эти издержки останутся неизменными независимо от того, будет ли прибыль высока или низка, и этот раздел ни в какой степени не повлияет на цену хлеба. Но если в дальнейшем только 80 кварталов могут быть получены при затрате того же количества труда и капитала и вследствие этого рабочим отдавалась бы более значительная доля из 80 кварталов, чем прежняя их доля из 100 кварталов, то цена хлеба повысилась бы абсолютно как в моей, так и в вашей мере. Ведь именно я готов взять в качестве устойчивой меры какой-нибудь один или

несколько внешних товаров, в производстве которых затраты на труд растут в денежном выражении, в то время как прибыль на капитал снижается; но вы так часто отвергаете такую меру и настаиваете, что хлеб остается постоянной мерой стоимости независимо от того, составит ли продукт данного количества труда 100 или 80 кварталеров. О предполагаемом вами случае вы говорите, что стоимость товара, на производство которого затрачено то же количество труда, тогда как прибыль уменьшилась, «не только понизится наполовину по отношению к хлебу, но уменьшится так же при оценке его в каком-нибудь обычном внешнем товаре, который все время производится с затратой одного и того же количества труда, и при той же норме прибыли». Я хотел бы, чтобы вы назвали этот товар. Прежде всего я отрицаю, что этот товар мог быть произведен при той же норме прибыли, так как не может быть двух норм прибыли одновременно в одной и той же стране, и, во-вторых, я утверждаю, что цена этого товара также упала бы наполовину по отношению к хлебу и, следовательно, стала бы казаться неизменной при сравнении с другими товарами.

Быть может, под внешним товаром вы подразумеваете иностранный товар, подлежащий ввозу извне. Если так, то почему цена этого товара не должна изменяться по отношению к хлебу в такой же степени, как и для любого отечественного товара? Если бы бочка кларета стоила столько же, сколько известное количество сукна, шляп, металлических изделий и т. д. и т. д., то изменилась бы ее стоимость по отношению к этим предметам потому, что выращивать хлеб в Англии стало труднее? И выросла бы ее цена потому, что мы отказались ввозить хлеб из других стран? Совершенно ясно, мне кажется, что цена кларета не изменилась бы по сравнению с предметами, которые я перечислил, но что она изменилась бы в сравнении с хлебом. Прошу вас подумать об этом и сказать, не прав ли я.

В постскриптуме к вашему письму вы спрашиваете: «В двух крайних случаях, самой высокой прибыли с земли и самой низкой, не могут ли хлеб и труд сохранить ту же стоимость, при измерении ее в каком-нибудь внешнем товаре, даже если в данный промежуток времени могли иметь место значительные колебания вследствие изменений спроса и предложения?» Я отвечаю: нет, они не могут сохранить ту же стоимость. Вы должны допустить, что стоимость хлеба и труда не могла бы остаться неизменной при измерении ее в отечественных товарах; а так как именно с помощью этих отечественных товаров мы можем купить внешние товары, то я не вижу ни малейшего основания предполагать, что обмениваемые таким образом внешние товары могут изменить свою относительную

стоимость. Надеюсь, что я выражаюсь теперь понятно. Я рад, что вы немного приближаетесь к моим взглядам, и хотел бы, чтобы вы сказали мне, в какой степени.

Гэткомб парк, 28 сентября 1821 г.

Случай, указанный вами, представляется мне невозможным. Возможно ли, чтобы все страны могли производить свои товары с одинаковой затратой труда и все, кроме одной, выращивали также и свой хлеб с одной и той же затратой труда и при этом норма прибыли на капитал оставалась бы во всех странах, не исключая и последней, тоже одинаковой? Та страна, которая, по вашему предположению, возделывает свой хлеб с помощью лишь половинного количества труда, требующегося в других странах, будет, по всей вероятности, получать труд по более дешевой цене, и, следовательно, прибыль будет в этой стране выше.

Но если бы между всеми этими странами была установлена свобода торговли, то в этом случае норма прибыли могла бы быть в них приблизительно одинакова, потому что цена хлеба и других предметов первой необходимости, измеряемая количеством труда, была бы во всех странах почти одинакова. Продолжая оставаться в рамках предполагаемого случая, мы должны были бы знать, может ли страна, в которой хлеб возделывается при сравнительно небольшой затрате труда, продолжать выращивать его на тех же условиях после того, как она будет призвана снабжать им рынки других стран; если она может это сделать, то в таком случае сравнительные цены хлеба и других товаров изменятся во всех странах. В стране, производящей дешевый хлеб, уровень денежного курса, вероятно, подымется по сравнению с прежним и поэтому хлеб будет несколько дороже; товары не станут дороже, потому что их будут ввозить извне, из стран, в которых уровень денежного курса будет несколько снижен; поэтому издержки производства (*cost price*) товаров в этих странах будут ниже и, следовательно, они могут продаваться ввозящей стране дешевле. Цены на громоздкие товары и цена труда повысятся только в этой именно стране, потому что уровень денежного курса будет несколько повышен. В реальной мере стоимости цена труда будет скорее понижена, точнее, получаемая рабочим доля продукта как промышленных товаров, так и сырых материалов, вероятно, скорее повысится, но в результате свободной торговли и лучшего распределения капитала доля всего продукта данного капитала, которую получит рабочий, уменьшится; его доля фактически будет получаться с меньшей затратой труда.

Нельзя усомниться и в выгоде для других стран: цены хлеба и труда понизятся в этих странах весьма значительно и, следовательно, повысится прибыль; а так как часть их вывоза в обмен на хлеб должна в первую очередь состоять из денег, то общий уровень денежного курса будет снижен; в общем понизятся и цены товаров не потому, что их можно будет производить дешевле, а потому, что цена их будет измеряться в более дорогих деньгах. Мы исходим при этом из предложения, что хлеб может по-прежнему производиться с меньшей затратой труда в выделенной стране. Но предположим, что выросший спрос на хлеб вынудит эту страну перейти к обработке менее плодородной земли; тогда цена хлеба повысится в силу другой причины, помимо более высокого уровня денежного курса; если же трудность производства будет приблизительно так же велика, как в других странах, то и цена хлеба будет приблизительно так же высока; но, пока страна может на любых условиях вывозить хлеб в обмен на товары, ввозу последних будет предшествовать прилив драгоценных металлов и более высокий уровень курса денег. Без такого высокого уровня денежного курса товары отнюдь нельзя было бы импортировать из стран, где они прежде шли по такой же цене и где требовалось такое же количество труда для их производства. Ваш случай невозможен: во-первых, потому, что вы предполагаете прибыль одинаковой в двух странах, хотя издержки производства предметов первой необходимости в одной из них наполовину меньше, чем в другой; во-вторых, вы принимаете как нечто само собой разумеющееся, что при свободе торговли цена хлеба в вывозящей стране повысится до цены его в ввозящей, тогда как на деле она понизится в ввозящей стране до цены в вывозящей стране при условии, что она не повысилась в этой последней. Но если бы цена там повысилась, то только в соответствии с возросшими издержками производства. Когда между странами существует свобода торговли, то не может быть очень сильной разницы в прибылях, так как единственной причиной различия в этом случае был бы различный образ жизни рабочих; в одной стране они довольствовались бы картофелем и лачугой из глины, а в другой требовали бы приличного жилища и пшеничного хлеба. Вы говорите: «На основе этого положения очевидно, что на протяжении ста лет (если предположить накопление) цена труда и цена хлеба могли бы сохраняться приблизительно на одном уровне, в то время как цены отечественных товаров снизились бы в силу падения прибыли до уровня других стран вдвое при оценке в деньгах торгового мира». Цены отечественных товаров понижаются, потому что падает прибыль. Но я не вижу, почему должны понизиться цены отечественных товаров, если падает

прибыль. А почему прибыль должна понизиться, если цены хлеба и труда сохраняются приблизительно на прежнем уровне? Я не знаю никакой иной причины падения прибыли, кроме повышения цены труда. Вы говорите: «Разительное приближение к этому случаю действительно существует в Америке». «Единственное различие, — продолжаете вы, заключается в том, что условия в Америке сделали труд дорогим». Но это единственная важная черта в данном случае. Я, однако, решительно придерживаюсь мнения, что если бы труд в Америке был очень дешев, а прибыль, следовательно, гораздо выше, чем теперь, то цены отечественных товаров в Америке понизились бы очень мало.

Конечно, я согласен с вами, что с развитием обработки земли в Америке цена хлеба должна повыситься вследствие возрастающей трудности его производства; это обстоятельство должно создать тенденцию к уменьшению относительного количества или скорее снижению уровня денежного обращения в Америке, а в силу возрастания стоимости денег это непременно понизит стоимость тех американских товаров, которые слишком громоздки для вывоза¹. Товары, которые Америка вывозит, не будут затронуты в такой степени. Ничто не имеет для меня так мало значения, как повышение и понижение денежной цены товаров. Крупные вопросы, на которых мы должны фиксировать свое внимание, это — повышение и понижение реальной стоимости хлеба, труда и товаров, т. е. увеличение или уменьшение количества труда, необходимого для возделывания хлеба или производства промышленных товаров. Может быть, очень любопытно проследить влияние изменения реальной стоимости на денежную цену, но человечество в действительности заинтересовано лишь в том, чтобы сделать труд производительным, наслаждаться изобилием и правильно распределять продукты, полученные при помощи капитала и труда. Я не могу отказаться от мысли, что в своих рассуждениях вы исходите из предположения, что все эти явления слишком тесно связаны с денежной ценой.

Я прочел очень хорошую критику Годвина в «Эдинбург Ревью» и совершенно уверен, что знаю ее автора². Она очень хорошо написана и весьма удовлетворительно показывает как невежество Годвина, так и слабость его рассуждений.

P. S. Я не могу согласиться с вами, что с развитием обработки земли в Америке цена какого-либо продукта, средняя между ценой хлеба и ценой труда, сохранится приблизительно

¹ Перечитав свое письмо, я сомневаюсь, правильно ли это мнение относительно товаров, пригодных к вывозу.

² Статья Мальгуса в июльском номере «Edinburg Review» за 1821 г.

на том же уровне, что и в настоящее время, будет ли она выражена в деньгах или в бочках кларета; по моему мнению, она повысится. Позвольте использовать ваше собственное предположение. Страна производит хлеб, затрачивая вдвое меньше труда, чем другая страна; следовательно, она употребляет только половину капитала для производства данного количества¹. В этой стране хлеб будет стоить вдвое дешевле, чем в другой; 100 кварталов будут продаваться за 200 ф. ст., тогда как в другой стране — за 400 ф. ст. Предположим, что прибыль в обеих странах составляет 20%; в одной стране капитал в 166 ф. ст. будет затрачен на производство 100 кварталов хлеба, в другой для этой же цели будет затрачено 333 ф. ст.; 20% на каждый из этих капиталов составляет для первого 33 ф. ст., а для второго 66 ф. ст. Чтобы получить 33 ф. ст., один должен получать на свою долю 16½ квартала из 100 кварталов; другой должен иметь точно такое же количество; следовательно, 83½ квартала затрачиваются в обоих случаях на заработную плату и другие расходы. Но фермер в плодородной стране затрачивает только половину труда, какой затрачивается в другой стране, и, следовательно, при той же денежной заработной плате каждый рабочий может получить в свое распоряжение двойное количество хлеба; и его реальная заработная плата будет, как вы говорите, вдвое выше.

Предположим, теперь, что по мере развития плодородной страны она в конце концов придет к такому состоянию, когда будет необходимо затратить 333 ф. ст. вместо 166 ф. ст., чтобы получить 100 кварталов хлеба; в самом деле, при экстравагантном предположении, с которого мы начали, возможно, что денежная цена труда может сохраниться, но совершенно невозможно, чтобы не удвоилась денежная цена хлеба, так как потребуются двойное количество рабочих, получающих такую же заработную плату, чтобы произвести этот хлеб. Если цена хлеба удваивается, а заработная плата остается неизменной, то цена какого-либо товара, средняя между ценами хлеба и труда, должна необходимо вырасти, и, следовательно, будет ли она выражена в кларете или деньгах, эта средняя цена не может, как вы говорите, остаться приблизительно на прежнем уровне. Если (как я вправду предположить) денежная цена труда в такой стране была низка, когда хлеб производился с большой легкостью, то вывод, который можно сделать для случая увеличения цены хлеба, будет гораздо больше в мою пользу.

Я не могу признать, что в прогрессирующей стране цена шляп падает вследствие понижения прибыли. Как можно ска-

¹ Рикардо прибавил, а потом вычеркнул: «или заработная плата должна быть колоссально высока, в каком случае страна затратит приблизительно ту же сумму капитала» (см. кембриджское издание, т. IX, стр. 84). — *Прим. ред.*

зять, что издержки производства шляп уменьшаются вследствие падения прибыли, если падение прибыли должно сопровождаться повышением заработной платы? Докажите мне, что падение прибыли может иметь место без повышения заработной платы при какой-либо установленной мере стоимости, и я тогда уступлю вам в этом пункте. Но вы не вправе говорить о падении прибыли; ваш случай — это случай прогрессирующей страны с низкой прибылью и огромной заработной платой. Предположим, что из каждых 100 кварталов хлеба, там, где он может быть произведен с небольшой затратой труда, 83 квартала будут отданы рабочим, а в странах, где для производства 100 кварталов хлеба занято вдвое больше рабочих, последним дают не больше этого количества; вы обязаны сказать, что в первом случае заработная плата колоссально высока. В моей мере стоимости она не будет колоссально высока, но цена товара, на который расходуется заработная плата, будет исключительно низка; во всяком случае мы оба должны согласиться, что прибыль при таком положении вещей была бы очень умеренной.

Едва ли справедливо наказывать вас таким длинным письмом, да еще через такой короткий промежуток времени!

Гэткомб парк, 11 октября 1821 г. ¹

Возможно, конечно, что ошибка с моей стороны состоит в том, что я не понял положения, которое вы мне представили на рассмотрение; возможно, это произошло, как вы говорите, оттого, что я слишком предрасположен в пользу своих собственных взглядов; но в том, что я не уделил должного внимания самим положениям, я не признаю себя виновным. Теперь вы говорите: «Где именно сделал я то предположение, которое вы мне приписываете? Конечно, уж не в моем последнем письме. Согласно моему первому предположению, прибыль будет составлять 100% в стране, где производство хлеба в два раза легче, в то время как во всех других странах она составляет 10%». Если вы сказали это, то я действительно заслуживаю обвинения в невнимании; но вот ваши слова в письме, на которое я отвечал: «Я попробую дать иллюстрацию. Предположим, что огромное большинство стран, связанных друг с другом торговыми отношениями, получают хлеб, деньги и товары с прибылью в 10%, но что в одной стране для производства хлеба требуется лишь половина труда, тогда как другие товары производятся с затратой такого же количества труда,

¹ На предыдущее письмо Рикардо Мальтус дал ответ, пытаясь отстоять свои положения. Рикардо вновь разбивает их, излагая их при этом с достаточной полнотой. — *Прим. ред.*

как и в остальном мире». Ни одного слова не сказано о том, что в этой стране существует иная норма прибыли, а так как вы сказали, что в огромном большинстве стран прибыль составляет 10%, то я и заключил, что в этой стране прибыль также предполагается равной 10%. Вы должны признать, что в этом случае ошибка была с вашей стороны, а не с моей. Правда, вы затем предполагаете, что эта одна страна вывозит хлеб, получает за него высокую цену в других странах и таким путем повышает свою прибыль до 100%; но это будет, очевидно, зависеть от того, будет ли она в состоянии получить такую цену в других странах или же внутренняя конкуренция понизит цену хлеба в странах, в которые он ввозится, до цены производства хлеба в вывозящей стране.

Таков ваш случай, по моему мнению. Если бы страна, которая производит хлеб с такой легкостью, была совершенно изолирована от всех других стран, то вы, вероятно, признали бы, что хлеб в этой стране был бы дешевле пропорционально легкости его производства. Вы признали бы это также в том случае, если бы все другие страны решили покровительствовать собственному земледелию и абсолютно отказались бы ввозить иностранный хлеб. Но при свободной торговле цена повысилась бы в вывозящей стране, по вашему мнению, до уровня, существующего в других странах, и, следовательно, прибыль была бы исключительно высока. Если бы я мог признать факт высокой цены, чего я сделать не могу, я должен был бы принять ваше заключение. Я сказал бы, что средняя прибыль была бы выше, чем до повышения цены хлеба. Рента была бы, несомненно, выше, так как землевладелец получал бы по меньшей мере такую же часть хлеба, как прежде, а стоимость этой части значительно повысилась бы. Цена труда была бы выше потому, что рабочий стал бы требовать более высокой денежной заработной платы, когда цена хлеба удвоилась. Была бы выше и прибыль, потому что капиталист получал бы больше хлеба, чем прежде, как раз тогда, когда цена этого хлеба стала выше. Все эти классы выиграли бы от высокой стоимости хлеба по сравнению с промышленными товарами, и капиталист — в первую очередь, потому что в число промышленных товаров входят некоторые предметы первой необходимости для рабочего и, следовательно, уплачивая рабочему меньшую долю хлеба, он имел бы в своем распоряжении большее количество пищи и предметов первой необходимости для себя и своей семьи. Таким образом, спорный вопрос между нами заключается в следующем: будет ли постоянно возрастать или нет цена хлеба в стране, имеющей возможность производить его с наибольшей легкостью.

Можно себе представить только один случай, при котором, по-моему, такое повышение возможно: это при предположении, что весь капитал страны затрачен на производство хлеба и все же не может произвести его в достаточном количестве для удовлетворения спроса других стран. В этом случае хлеб продавался бы по монопольной цене точно так же, как продаются по монопольной цене редкие вина, которые можно производить только в определенных районах, ибо конкуренция в этом случае не может дать полного эффекта. По отношению к хлебу конкуренция была бы ограничена недостатком капитала, который приносил бы производителям хлеба большую прибыль; последняя получалась бы таким же путем, каким Ост-Индская или какая-либо другая компания может получать большую прибыль. Что касается вина, то цена его повысилась бы вследствие недостатка земли, на которой произрастает виноград, и это пошло бы главным образом на пользу землевладельцам в форме ренты. Но если предположить, что монополии нет, а капитал настолько обилен, что весь спрос на хлеб будет удовлетворен, то можно, по моему мнению, доказать, что цена хлеба понизится до цены его производства в экспортирующей стране.

Есть, однако, и другой пункт расхождения между нами. Вы говорите, что разительное приближение к такому положению фактически существует в Америке; единственная разница заключается в том, что вследствие спроса на труд рабочему предоставляется там большее количество хлеба, в результате чего норма прибыли держится на сравнительно низком уровне. Но вы, конечно, не думаете, что меновая стоимость товаров, вывозимых Америкой, зависит хотя бы в малейшей степени от количества хлеба, предоставляемого рабочему. Я не думаю, чтобы вы были правы, ожидая, что вследствие накопления капитала в Америке какой-либо товар понижается там в цене до тех пор, пока он не перестанет иметь характер монополизированного товара. Цены хлеба и громоздких товаров в Америке (причем цена последних всегда регулируется ценою хлеба) не могли бы понизиться, пока хлеб продается по цене, зависящей от количества труда, действительно затраченного на его производство, а не от спроса наших стран. Когда это время наступит, хлеб перестанет быть монополизированным товаром и цена его, а равно и прибыль понизятся до нормального уровня, устанавливаемого конкуренцией. Я отрицаю, что Америка вообще подходит под предполагаемый вами случай; доказательство этого заключается в следующем: если бы вы изолировали Америку от всех других стран, вы могли бы понизить ее норму прибыли только одним путем: помешав ей принимать приток труда из других стран; но сделайте то же самое со страной, находящейся в предположенных вами условиях, и

прибыль в этой стране немедленно понизится со 100% до, быть может, 20%. Ваш случай в действительности относится к стране, владеющей особым товаром, на который существует всеобщий спрос и на который конкуренция действует чрезвычайно слабо. Мы часто обсуждали этот особый случай и всегда сходились в наших взглядах на него. Признаюсь, однако, я был поражен, услышав от вас, что этот случай относится к Америке; с таким же основанием вы можете утверждать, что он относится к России, Польше, Мысу Доброй Надежды, Ботани-Бей. Действительно, если бы Америка могла посылать в Европу продукты из своих внутренних районов без издержек и если бы порты всех стран были открыты для свободного приема хлеба, которым Америка при предполагаемых мною условиях могла бы снабжать их, то при этих условиях я сказал бы, что этот случай аналогичен предположенному вами; но при огромных издержках по перевозке хлеба из ее внутренних районов Америка может в действительности производить для снабжения Европы с гораздо меньшими издержками, чем в самой Европе, лишь очень незначительное количество хлеба. Вы спрашиваете, на каком основании я предполагаю, что в Америке хлеб вдвое дешевле, чем в других странах, а затем аргументирую на основе этого предположения, столь противоречащего фактам. Я отвечаю, что применяю мой аргумент не к Америке, а к вашему случаю, который предполагает, что страна производит хлеб с затратой половины труда, требующегося для производства его в других странах. Если Америка может это сделать, то я применяю этот аргумент к Америке. Вы жалуетесь, что я неправильно веду спор с вами, что моя теория требует, чтобы в Америке цена на труд была низка, но вы оспариваете мою теорию и ссылаетесь на существующее положение вещей в Америке, где цена труда высока; я все же утверждаю, что имею право предполагать низкий уровень цены труда: ведь я разбирал ваш пример, а не положение в Америке. Что касается Америки, то в моем распоряжении нет фактов, относящихся к ней, и я не могу признать, что моя теория требует, чтобы цена труда в этой стране была низка. Она требует, чтобы была низка рента, ибо без этого не может быть большего прибавочного продукта, который мог бы быть разделен между двумя другими классами после удовлетворения землевладельца. Вы всегда хотите заставить меня сказать, что прибыль зависит от низкой цены хлеба. Я никогда не говорил этого; я утверждаю, что она зависит от заработной платы и, хотя, по моему мнению, заработная плата регулируется главным образом легкостью получения предметов первой необходимости, она все же не целиком зависит от этой легкости. Вы желаете ограничить меня этой теорией, но я отвер-

гаю ее; это отнюдь не моя теория, и я часто говорил это вам. Думаю, что я действительно показываю, как вы этого требуете, что ваши факты не опровергают моей теории, а чтобы опровергнуть вас, я не стану предполагать другого факта, чем тот, на который вы ссылаетесь. Конечно, правильно будет сказать: «в силу таких-то и таких-то соображений ваше заключение неправильно, но мой аргумент против вас был бы еще сильнее, если бы, как я вправе предполагать, труд в такой стране был дешев, потому что предметы первой необходимости для рабочего получают там легко».

Я не вижу, что могло бы вызвать повышение цены хлеба в стране, находящейся в таком положении, какое вы принимаете для Америки; согласно вашей аргументации, американский хлеб продается уже по монополюльной цене и не может подняться выше этой цены, если только в Европе, которая, по вашим словам, регулирует цену в Америке, не увеличится спрос на него и не повысится его цена или если сама Америка не станет настолько населенной, что цена ее хлеба будет регулироваться издержками его производства, как в других странах, и если эти издержки превзойдут нынешние издержки в Европе. Если ваша теория верна, это не может случиться и через 150 лет, несмотря на величайшее накопление капитала; но не будет ли падать цена труда в течение всего этого времени? Если она упадет, то тогда понизится и цена товара, средняя между ценами хлеба и труда. Но предположим другой случай; предположим, что издержки производства хлеба в Америке поднимутся выше нынешних издержек в Европе; мыслимо ли, чтобы цена труда при таких обстоятельствах упала? Это кажется мне невозможным, если только не предположить, что изменилась стоимость денег. В этом случае изменится и стоимость товара — средняя между стоимостью хлеба и труда.

Если бы шляпы производились при таких же условиях, как деньги, то их цена не понизилась бы вследствие понижения прибыли. Если бы шляпы производились при помощи капитала, а деньги, как вы предполагаете, — без всякого капитала, тогда я признаю — так я и сказал в своей книге, — что цена их понизится вместе с падением прибыли. Но я снова говорю, что деньгам придается слишком большое значение; важен и интересен вопрос о легкости производства. Каким образом она действует на интересы человечества?

Вы спрашиваете, что станет с деньгами, ранее произведенными в стране, которая выращивала бы свой собственный хлеб при 10% прибыли, если бы легкость производства хлеба удвоилась и прибыль возросла бы до 100%; вы спрашиваете дальше, не будет ли она продолжать производить деньги так

же, как и другие товары, поскольку прибыль от производства их составляла бы также 100%. Если бы легкость производства хлеба удвоилась, большое количество труда было бы затрачено на другие предметы и, следовательно, как хлеб, так и другие товары страны имели бы столь же большую денежную стоимость, как прежде, и требовали бы такого же количества денег для приведения их в обращение. Что касается производства большего количества денег, то это зависело бы от спроса на них и от цен всех остальных предметов. Я думаю, что производство денег будет продолжаться, как и прежде, но вполне возможно, что для производства денег будет меньше стимулов, чем для производства других предметов, и, следовательно, капитал будет приносить 100% прибыли во всех отраслях производства, кроме этой одной. Я хотел бы знать, откажетесь ли вы согласиться с этим очевидным заключением. Вы говорите, что, по вашему мнению, если бы цена труда упала благодаря усовершенствованиям в земледелии прежде, чем имел бы место рост населения, то это могло бы произойти только вследствие переполнения рынка и отсутствия спроса. Совместимо ли это мнение с другим, которого, мне думается, вы придерживаетесь и с которым я согласен, — что одним из регуляторов цены труда является цена предметов первой необходимости для рабочего?

*Бромсберроу Плейс Ледбюри,
16 декабря 1822 г.*

Последние 3 недели перед возвращением в Англию я провел в Париже... Большое удовольствие мне доставил г-н Галлуа, который познакомил меня с г-ном Дестют-де-Траси, очень приятным старым джентльменом, сочинения которого я читал с большим удовольствием. Я не вполне согласен с его взглядами в области политической экономии; он принадлежит к школе Сэя, тем не менее между ними существуют некоторые разногласия. Я видел Сэя несколько раз, но наша беседа очень мало касалась вопросов, связанных с политической экономией. Он никогда не затрагивал этих последних, и я всегда думал, что он не очень хочет говорить о них. Брат его — Луи Сэй опубликовал толстый том замечаний по поводу теорий Адама Смита, своего брата, ваших и моих. Его не удовлетворяет никто из нас. Главная цель его — показать, что богатство состоит в изобилии полезных предметов. Он обвиняет всех нас в желании свалить в кучу все то, что мы называем товарами, имеющими стоимость, не обращая внимания на количество, о котором единственно должен заботиться политэконом. Я не верю, чтобы кто-либо из нас признал за собой

эту вину. И я вполне уверен, что не заслуживаю предъявления мне такого обвинения.

Г-н Гарнье умер, но перед смертью он успел закончить дополнительный том примечаний для нового издания своего перевода «Богатства народов». Этот том был недавно опубликован. Мне удалось просмотреть его, и я, естественно, обратил внимание на те места, в которых Гарнье критикует меня. Он уделил очень много места замечаниям о моем труде, но они кажутся мне совершенно не относящимися к делу. Ни ему, ни Сэю вообще не удалось понять моих взглядов. Ваше имя часто встречается в этом последнем томе. Я думаю, что Гарнье расходится во взглядах также и с вами, но у меня не было времени прочитать всю его книгу.

Надеюсь, что во время моего отсутствия вы были очень прилежны и что мы скоро увидим новое издание вашего последнего труда¹. Мне очень хочется знать, как вы рассматриваете трудный вопрос о стоимости. Я буду читать вас с большим интересом и вниманием.

Я очень огорчен, что бедствия сельского хозяйства продолжают. Я надеялся, что к этому времени все это уже закончится. Предполагаю, что на ближайшей сессии парламента мы много услышим об этом предмете и что я буду мишенью для всех сельских джентльменов. Ни от одного мнения, выказанного мною об этом предмете, я не намерен отказаться. Я жалею только, что мои противники относятся ко мне несправедливо и приписывают мне взгляды, которые я никогда не защищал. В статье в «Куортерли Ревью»² д-р Копплстон обвиняет меня в защите нелепой доктрины, согласно которой цена золотых слитков есть верный критерий стоимости и слитков, и денег. Некий г-н Пэджет адресовал мне печатно письмо, в котором обвиняет меня в защите того же взгляда; наконец, всем известно, как упорно Коббет утверждает, что я всегда делал это. Я должен бороться за свое дело как только могу; я знаю, что это правое дело (несмотря на инсинуации Уэстерна³), а если в основе его лежат истинные и правильные взгляды, справедливость будет в конце концов мне воздана.

Я приехал в Лондон в начале прошлой недели. В течение нескольких минут я видел Тука и рад был слышать от него, что он много писал и что труд его почти готов к печати. Я очень хорошего мнения о его суждениях и о здоровом харак-

¹ «Principles of Political Economy».

² «Quarterly Review», April 1822.

³ «Вторичное обращение к землевладельцам» было опубликовано Уэстерном во время поездки Рикардо на континент.

тере его взглядов; думаю, что, руководствуясь своими практическими знаниями, он прольет свет на вопрос о влиянии на цены избыточного предложения или же возросшего спроса при отсутствии соответствующего предложения.

Лондон, 29 апреля 1823 г.

После самого внимательного рассмотрения вашей книги¹ я не могу согласиться с вами, что труд в том смысле, в котором вы употребляете это слово², представляет хорошую меру стоимости. Не могу также точно уяснить себе, какова связь между постоянным трудом, необходимым для производства заработной платы и прибыли на товар, и его стоимостью. Если труд представляет хорошую меру для одного товара, то он должен быть хорошей мерой для всех товаров. Если я измеряю стоимость пшеницы постоянным количеством труда, необходимым для производства определенного количества ее, отдаваемого рабочему, а также идущего на прибыль, получаемую фермером на это количество, то тем же способом я могу измерять стоимость сукна или какого-либо другого предмета.

Я знаю, что могу составить такую точно таблицу, как ваша (см. табл. на стр. 136); единственным отличием была бы замена слова «пшеница» словом «сукно»; вы, вероятно, спросите меня тогда, не находит ли ваш принцип всеобщего применения. Я отвечу, что он содержит в себе самом то радикальное возражение, которое вы выдвигаете против меры, предложенной вашими оппонентами. Вы можете, если угодно, произвольно выбрать труд в качестве меры стоимости и объяснить с этой точки зрения всю науку политической экономии таким же образом, как другой человек может выбрать в качестве меры стоимости золото или какой-нибудь другой товар; но вы так же мало сможете связать свою меру с каким-либо принципом или показать ее неизменность, как и он. Давайте предположим, что сукно не может быть произведено меньше, чем за два года; тогда первая строка моей таблицы должна быть изменена, и цифры будут идти в следующем порядке:

150 100 25% 7,5 2,5 10 10 15

Это произойдет потому, что при накоплении прибыли за два года десять кусков сукна будут иметь такую же стои-

¹ «The Measure of Value Stated and Illustrated with an Application of it to the Alterations in the Value of the English Currency since 1790», London, 1823.

² Мальтус пишет: «Труд, на который можно обменять товары» (стр. 5 указанной книги). — *Прим. ред.*

мость, как всякий товар — результат такого же количества труда, — который мог бы быть произведен за два года. Я не знаю, как вы ответите на это возражение, но, по моему мнению, оно фатально для всей вашей теории¹.

Число кварталов при выделке 10 работников	Выдача зарплат в гл. б. или объем продукта, требующего работы 10 человек	Норма прибыли при вышеуказанных условиях	Количество труда, требующегося для производства зарплат (в хлебе) 10 человек	Прибыль (в хлебе) на выданную зарплату	Неизменная стоимость зарплат данного количества людей	Стоимость 100 кварталов пшеницы при предположенных условиях	Стоимость продукта труда 10 человек при предположенных условиях
150 кв	120 кв	25%	8	2	10	8,33	12,5
150	100	25%	7½	2½	10	10	15

Цифры Мальтуса — первая строчка таблицы.
Цифры Рикардо — вторая.

Против вашей меры я выдвигаю то же возражение, которое выдвигал всегда: вы выбираете изменяющуюся меру в качестве неизменного стандарта. Кто может сказать, что чума, которая унесет половину населения, не изменит стоимости труда? Мы можем согласиться отнести изменение за счет товаров и сказать, что их стоимость понизилась, а не стоимость труда повысилась, но я не вижу никакого преимущества в такой замене.

Мы можем опять-таки найти способы, с помощью которых предметы первой необходимости для рабочего могут быть произведены с необычайной легкостью. Вследствие же стимула, который хорошее положение рабочего может дать росту населения, вознаграждение за труд в предметах первой необходимости может оказаться не выше, чем прежде. Но разве в этом случае, когда в действительности не изменилось ничто, кроме цен на предметы первой необходимости и на труд, было бы правильно говорить, что стоимость их только сохранялась прежней. Или заявить при этом, что так как данное количество хлеба или труда будет обмениваться только (быть может) на три четверти прежнего количества полотна, сукна или денег, то повысилась стоимость полотна, сукна или денег, а не понизилась стоимость труда и хлеба?

¹ Возражение Рикардо изложено подробнее в письме от 28 мая 1823 г. — *Прим. ред.*

Две страны одинаково искусны технически и трудолюбивы, но в одной население кормится дешевой пищей — картофелем, а в другой — дорогой — пшеничным хлебом. Согласитесь, что в одной стране прибыль будет выше, чем в другой. Вы признаете также, что деньги могут иметь в обеих странах приблизительно одну и ту же стоимость, если в качестве меры стоимости мы изберем не труд, а что-нибудь другое. Вы признаете далее, что между этими странами может существовать обширная торговля. Если кто-нибудь посылает из картофельной страны бочку вина, которая стоит 100 ф. ст. и может быть продана в пшеничной стране за 110 ф. ст., то вы скажете, что в стране, из которой вино вывезено, оно имело более высокую стоимость просто потому, что в этой стране на вино можно было бы купить большее количество труда. Вы скажете это, хотя вино будет обмениваться в пшеничной стране не только на большее количество денег, но и на большее количество всякого другого товара. Я утверждаю, что это новшество нельзя рассматривать как улучшение; оно пугает все наши обычные понятия и заставит нас заняться изучением нового языка. Все люди скажут, что в пшеничной стране вино было дороже, чем в картофельной, и что труд обладал в последней меньшей стоимостью.

На стр. 31 есть длинное изложение ваших соображений в пользу выбора труда, как стандарта стоимости, которое меня не удовлетворяет. Кусок полотна длиной 120 ярдов должен быть разделен между А и Б; очевидно, чем больше получит А, тем меньше достанется Б, и наоборот. Это будет верно, независимо от того, будет ли стоимость всех 120 ярдов равняться 100, 50 или 5 ф. ст. Не значит ли в таком случае затемнить весь вопрос, допуская постоянную стоимость потому, что постоянно количество, и потому, что оно всегда подлежит разделу между двумя лицами?

Если допустить правильность ваших посылок, то найдется очень мало примеров, по поводу которых я могу спорить с вашими заключениями. Я согласен со всем, что вы говорите относительно переполнения рынка товарами; если согласиться с вашей мерой, то невозможно разойтись во мнениях по поводу результатов.

Лондон, 28 мая 1823 г.

Хочу в меру моих способностей изложить мои возражения против ваших аргументов относительно меры стоимости. Вы сами констатировали, возражая против моего взгляда на этот предмет, что товар, произведенный соединенными трудом и капиталом, не может быть мерой стоимости для каких-либо

других товаров, кроме тех, которые произведены при точно таких же условиях, и в этом пункте я согласился, что вы по существу правы. Если бы все товары были произведены в один день и одним только трудом без помощи капитала, стоимость их изменялась бы соответственно тому, возрастало бы или уменьшалось количество труда, затраченное на их производство. Если бы на производство денег постоянно затрачивалось одно и то же количество труда, то деньги были бы точной мерой абсолютной стоимости, и если бы стоимость креветок, орехов или каких-нибудь других предметов в таких деньгах повышалась или понижалась, то только потому, что для добывания их употреблялось бы больше или меньше труда. При таких условиях каждый товар, который был бы продуктом одного дня труда, естественно обменивался бы на день труда и, следовательно, стоимость товара была бы пропорциональна количеству труда, на которое он обменивается. Но, хотя такие деньги будут точно измерять стоимость всякого товара, произведенного при одних и тех же условиях, они не будут точной мерой стоимости других товаров, произведенных при помощи значительного количества капитала, вложенного на определенное время. В только что предположенном случае количество креветок было бы такой же не точной мерой стоимости, как количество денег, произведенное таким же количеством труда; но когда в производстве применяется капитал и сукно является продуктом труда и капитала, то, как вы справедливо говорите, сукно не будет правильной мерой стоимости креветок или серебра, собираемых на морском берегу лишь с помощью затраты труда. В то же время со странной непоследовательностью, как я не могу не подумать, вы утверждаете, что креветки или серебро, собираемые на берегу моря с затратой только труда, представляют точную меру стоимости сукна. Если вы правы, то сукно должно быть также точной мерой стоимости, потому что измеряемый предмет должен быть такою же хорошею мерою, как предмет, которым вы измеряете. Если я говорю, что 4 ф. ст. и квартал пшеницы имеют одну и ту же стоимость, то я могу измерять другие стоимости кварталом пшеницы так же хорошо, как и 4 ф. ст. Вы говорите: «Признано, что когда в производстве товаров принимается во внимание только труд и не затрагивается вопрос о времени, то как абсолютная, так и меновая стоимость таких товаров может быть точно измерена количеством затраченного на них труда». Ничего не может быть, я полагаю, более правильным; и это положение вполне согласуется с тем, что говорил я. Ваша ошибка, как мне кажется, заключается в следующем: вы показываете нам, что при известных условиях определенный товар был бы

мерой абсолютной стоимости, а затем вы пользуетесь этим товаром в случаях, в которых условия носят другой характер, и предполагаете, что данный товар будет мерой абсолютной стоимости также и в этих случаях. К тому же мне кажется, что вы обманываетесь, когда думаете, что доказываете ваше положение: ведь ваше доказательство сводится только к тому, что ваша мера представляет хорошую меру меновой стоимости, но не абсолютной стоимости. Вы говорите: «Если накопленный и непосредственный труд, затраченный на товар, обладает какой-либо предполагаемой стоимостью, например 100 ф. ст., а прибыль составляет стоимость в 20 ф. ст., включая также прибыль на труд, затраченный на материалы, то все в целом будет иметь стоимость в 120 ф. ст. Из этой стоимости только одна шестая относится к прибыли; остаток, или же пять шестых, можно рассматривать как продукт чистого труда». Это совершенно верно, независимо от того, измеряем ли мы стоимость товара количеством действительно затраченного на него труда, количеством труда, на которое он будет обмениваться, когда будет доставлен на рынок, или количеством денег или какого-либо другого товара, на который он обменивается; $\frac{5}{6}$ во всех случаях будут принадлежать рабочему, а $\frac{1}{6}$ — хозяину. «Следовательно, стоимость $\frac{5}{6}$ продукта определяется количеством труда, затраченного в целом, а стоимость всего продукта — количеством труда, затраченного на него с прибавкой $\frac{1}{6}$ этого количества». В действительности это значит сказать только, что когда прибыль составляет $\frac{1}{6}$ стоимости товара (в которую совсем не входит рента), то остальные $\frac{5}{6}$ идут на вознаграждение рабочих, и что часть, идущая таким образом рабочим, может сама быть разложена на труд и прибыль в той же пропорции 5 : 1. Пять человек производят 6 кусков сукна, из которых 5 идут на уплату им самим; если прибыль падает наполовину, то они получают $5\frac{1}{2}$ кусков, и тогда, как вы говорите, сукно имеет меньшую стоимость, но в каком мериле? В труде, отвечаете вы. Вы, мне кажется, выдвигаете положение, что сукно имеет меньшую стоимость, когда оно будет обмениваться на меньшее количество труда, и доказываете это лишь, указывая на факт, что оно действительно обменивается на меньшее количество труда.

Вы говорите: «Но, если речь идет о труде, то из того, что было допущено, следует, что стоимость продукта определяется количеством затраченного на него труда». Под стоимостью вы подразумеваете здесь абсолютную стоимость и затем немедленно применяете эту меру абсолютной стоимости, которая допущена только в одном особом случае, к общему положению и говорите при этом «следовательно»; «следовательно» в силу чего? В силу данного особого случая; «следовательно,

стоимость $\frac{5}{6}$ продукта определяется количеством труда, затраченного на весь продукт», т. е., «следовательно, количество труда, на которое будут обмениваться $\frac{5}{6}$ продукта, определяется количеством труда, затраченного на весь продукт»; это будет верно, в том же самом смысле, идет ли речь о $\frac{5}{6}$, $\frac{5}{7}$, $\frac{5}{8}$, $\frac{5}{9}$ или о какой-либо другой пропорции, в которой может быть разделен весь продукт. Моей единственной целью было показать, и, если я не ошибаюсь, мне это удалось, что мера стоимости, которая может быть точной только в особом случае, когда капитал не применяется совсем, произвольно используется вами в случаях, где в расчет необходимо входят капитал и время.

Боюсь, что я виновен в многократном повторении. Однако я не стану жалеть об этом, если я добился, чтобы меня поняли¹.

Лондон, 13 июля 1823 г.

Мак-Куллох и я не договорились по вопросу о стоимости до того, как расстались: это слишком трудный вопрос, чтобы решить его в беседе; я выслушал все, что он имел сказать в защиту своего взгляда, и обещал посвятить достаточно времени его рассмотрению во время каникул.

Его мнение как раз совпадает с тем, что вы говорите: он не утверждает, что товары обмениваются друг на друга в соответствии с количеством труда, действительно содержащимся в них, но он конституирует товар как общую меру, при помощи которой он измеряет стоимость всех других. Бочка вина, сохранявшаяся три года, содержит в себе не больше труда, чем бочка вина, сохранявшаяся в течение одного дня, но он говорит, что добавочная стоимость за счет времени хранения должна оцениваться теми накоплениями, которые получатся за такой же срок, если капитал такого же размера будет действительно использован для содержания рабочих. Если дуб рос в течение двухсот лет, в него фактически вложено очень мало труда, но его стоимость должна оцениваться накопленным капиталом, который первоначально вложенный труд создал бы за такой же срок. Вы с ним в сущности расходитесь по вопросу о первоначальной мере. Я думаю, что он не мог привести никакого другого достаточного основания в пользу выбора меры, которая требует для своего производства труда и капитала, предпочтительно перед такой, которая требует только труда, не говоря уже о том, что товары вообще требуют соединения обоих; надо также учесть, что мера, могу-

¹ Письмо на этом обрывается. — *Прим. ред.*

щая иметь какое-нибудь притязание, хотя бы на приближение к точной мере, сама должна быть произведена в условиях, несколько сходных с условиями производства товаров, которые она должна измерять. Если бы все предметы требовали для своего производства одинаковых количеств капитала и труда, затрачиваемых в течение одинакового времени, то любой из них был бы точной мерой для всех остальных; но дело обстоит иначе: условия производства допускают бесконечное разнообразие, и, следовательно, какой бы предмет мы ни выбрали, он может быть только приближением к истине, и мы обязаны привести веские основания для предпочтения его.

Я, действительно, был бы не искренен, если бы отказался признать, что моя денежная мера не измеряет количества труда, содержащегося в товарах. Я снова и снова признавал это. Я готов также признать, что ваша денежная мера будет точно измерять количество труда и прибыли, которые оба входят в состав товаров, но это же будет делать и моя денежная мера. Ни одна из них не будет измерять только количество труда, содержащегося в товарах; обе они будут измерять количество труда и прибыли, из совокупности которых состоят товары. Предположим, что золото всегда требует в течение года одинакового количества труда, прежде чем оно будет доставлено на рынок; скажете ли вы в этом случае, что все изменения в заработной плате и прибыли не могут быть оценены в этой мере? Вы, конечно, скажете, что многие из этих изменений можно было бы приписать изменениям в стоимости самой меры, а не какому-либо изменению в стоимости измеряемой вещи; вы ведь не считаете каким-либо доказательством неизменности стоимости товара то обстоятельство, что он требует всегда одинакового количества труда и одинаковой продолжительности для его производства. Если я допускаю справедливость вашего возражения, то я волен применить его и к вашей мере. Одно и то же количество труда, затрачиваемое в течение дня, всегда произведет одно и то же количество золота; золото поэтому является неизменной мерой, говорите вы. Я нахожу, что стоимость золота изменяется по отношению к другому товару, который всегда требует одинакового количества труда и капитала для своего производства; по-вашему же, золото никогда не изменяется, а всегда изменяется лишь товар, и когда вас спрашивают, почему, то вы отвечаете: потому, что труд никогда не изменяется. Удвойте количество труда в стране или уменьшите его вдвое, оставляя неизменными фонды, нужные для производства, и, несмотря на то что положение рабочего в одном случае будет весьма бедственным, а в другом — весьма благоприятным, вы скажете нам, что стоимость его труда не изменилась. Я не

могу признать такой способ выражения правильным. Вопрос в том, правы ли вы, а не в том, не ошибаюсь ли я.

Предположим, что в Индии человек может в один день собрать точно такое же количество золота, как в Англии, и что всякая торговля жизненными припасами между этими двумя странами запрещена. Незначительное количество риса и одежды, необходимое для поддержания рабочего в Индии, имело бы точно такую же стоимость, как количество пшеницы и одежды, необходимое для рабочего в Англии. Но это не будет долго продолжаться. Все промышленные товары будут иметь в Индии сравнительно высокую денежную стоимость, и, следовательно, мы стали бы вывозить промышленные товары и ввозить золото; вознаграждение рабочего в Англии выразилось бы в гораздо большем количестве золота, чем он мог бы фактически собрать здесь. Золото получалось бы тогда в Англии только путем ввоза. При этих обстоятельствах вы сказали бы, что деньги имеют в Англии низкую стоимость, и вы были бы правы, если бы все согласились принять труд за меру стоимости; но по этому вопросу имеются разногласия; оказывается, что именно тогда, когда стоимость золота в Англии низка по отношению к стоимости труда, она высока по отношению к всякого рода промышленным товарам, на которые золото фактически могло бы быть куплено в Индии; если бы мы приняли в качестве меры эти товары, мы должны были бы сказать, что золото дешево в Англии и дорого в Индии. Вы должны помнить, что спорный пункт заключается в том, является ли труд правильной мерой стоимости; вы не должны, следовательно, принимать этот факт за установленный и затем выдвигать его как доказательство правильности вашего заключения.

Мичингемптон, 3 августа 1823 г.

Стоимость почти всех товаров складывается из труда и прибыли, но при выборе меры стоимости нет необходимости считать, что она должна обладать способностью определять, какая доля стоимости измеряемого товара относится к заработной плате и какая доля — к прибыли. Вы ставите в упрек предложенной мною мере, что она не может этого сделать, и предпочитаете вашу собственную потому, что она сможет. Так вот, поскольку я не считаю это качество существенным для меры стоимости, я и не буду защищать мою меру от упрека в том, что она им не обладает. Это соображение кажется мне совершенно чуждым вопросу, о котором мы спорим.

Мы согласны, я думаю, что ничто не может быть мерой стоимости, если само не обладает стоимостью. Мы согласны

также, я полагаю, что, для того чтобы мера стоимости была хорошей, она должна быть сама неизменной и, далее, что при выборе в качестве меры стоимости одной вещи предпочтительно перед другой мы обязаны выставить какие-нибудь веские основания в пользу этого выбора, так как если эти веские соображения не будут даны, то выбор становится совершенно произвольным. Так вот, предложенная вами мера имеет стоимость, и, следовательно, против нее нельзя возражать на том основании, что она лишена этого качества, но я не думаю, что она неизменная. Той уступкой, которую вы делаете в вашем последнем письме, вы, как будто, отказываетесь от своей меры, так как говорите, что «выразились недостаточно осторожно, когда указывали, что если бы какое-либо число рабочих было бы ввезено или вывезено, стоимость труда осталась бы прежней». Это действительно большая уступка и, по моему мнению, она ниспровергает вашу меру, потому что если ваше соображение верно для вывозимых и ввозимых рабочих, то оно должно быть также верно и для рабочих, рождающихся и умирающих в стране. Если благодаря законам о бедных поощряются неблагоприятные браки и население становится чрезмерным, то действие этого на стоимость труда будет точно такое же, как если бы рабочие ввозились, а если вспыхивает какая-нибудь эпидемия и много рабочих умирает, то это было бы то же самое, как если бы рабочие вывозились. Более того, если бы население было хорошо воспитано и приучено к осторожности и предусмотрительности по отношению к росту своей численности, то кто скажет: не будет ли действие этого на стоимость труда таким же, как результат вывоза рабочих? Уступая по такому пункту, вы были, по моему мнению, неосторожны, что не совпадает с вашей обычной практикой; вы позволяете нам, таким образом, войти в вашу крепость и заклепать все ваши пушки. Вы, правда, прибавляете: «Это будет верно только после того, как предложение труда будет затронуто ростом или уменьшением числа рабочих». Но когда же предложение труда не будет затронуто ростом или уменьшением числа рабочих? То, что следует за этим, не будет вам в помощь, так как вы говорите: «Если хлеб, выращенный двадцатью рабочими, будет разделен между десятью, то стоимость заработной платы десяти человек будет ниже, чем количество труда, затраченного на ее производство с прибавлением прибыли, и наоборот». Какой прибыли? Она может составлять 50% и может в силу вышеупомянутых обстоятельств быть сведена к 5%. Вы говорите в этом месте о прибыли так, как будто она представляет определенную сумму, и забываете, что она падает, когда повышается заработная плата. Помимо того, я не допускаю такого

экстравагантного предположения, что хлеб, полученный трудом двадцати человек, предоставляется в качестве заработной платы десяти человекам; я предположу, что количество хлеба, выращенное двадцатью человеками, достаточно, чтобы обменяться на труд тридцати человек, но что благодаря уменьшению предложения труда то же количество хлеба, выращенное тем же числом людей, будет выдано в качестве заработной платы двадцати двум человекам. И я спрашиваю вас, понизилась ли в этом случае стоимость хлеба в отношении 30 к 22? Если вы скажете «да», то вы, следовательно, не допускаете, что стоимость труда может повышаться вследствие вывоза рабочих, а если вы скажете «нет», тогда вашей мере конец, потому что в этом случае вы признаете, что стоимость товаров не изменяется соответственно количеству труда, которое требуется для их производства. Я не вижу, каким образом вы можете выпутаться из этой дилеммы. Я не могу понять, что общего со всем этим имеет стоимость драгоценных металлов в различных странах. Кусок сукна или муслина может обмениваться в Индии на большее количество труда, чем в Англии; в этом мы согласны, но мы не согласны в объяснении этого факта. Вы говорите, что кусок сукна или муслина в Индии дороже, чем в Англии, и ваше доказательство сводится к тому, что в Индии он может обмениваться на большее количество труда. Вы сказали бы это, хотя бы даже и сукно и муслин вывозились из Индии в Англию, т. е. из страны, где они дороги, в страну, где они дешевы. Я же, напротив, говорю, что не сукно и муслин дороги в Индии и дешевы в Англии, но что труд дешев в Индии и дорог в Англии и что сукно и муслин ввозились бы в Англию из Индии, хотя бы даже на поверхности земного шара совсем не существовало таких товаров, как золото и серебро. Я говорю далее, что вы должны допустить это на основании сделанной вами уступки, т. е. должны признать, что труд может быть сделан дешевым и в Англии, если принудить английских рабочих довольствоваться скромным вознаграждением, соответствующим количеству пищи, уплачиваемому рабочим в Индии, и что это будет столь же эффективно, как ввоз рабочих; если вы не хотите признать это, то я спрашиваю вас, почему вы отказываетесь сделать это. Я прошу вас указать, какое различие существует между ввозом рабочих из-за границы с соответствующим уменьшением вознаграждения — пищевого рациона и дополнительным предложением рабочих в силу роста населения и соответствующим уменьшением вознаграждения за труд, выраженного в пище. Можно ли сказать, что вы дали достаточное обоснование выбранной вами меры стоимости, если она не может выдержать внимательного рассмотрения? Вы неодно-

кратно говорили, что товар, на который затрачено известное количество труда, будет всегда обмениваться на такое же количество его вместе с добавочным количеством, которое составляет прибыль на авансированный капитал. Так вот я считаю это вашим основным положением, и от истинности его должна зависеть, с вашей же точки зрения, правильность вашей меры. Верно ли тогда, что каждый товар обменивается на два количества труда: одно, равное количеству фактически содержащегося в нем труда, и другое, равное количеству труда, нужному для создания прибыли? Я говорю: нет. В этом году хлеб дешев, и я должен отдать известное количество его, чтобы получить труд десяти человек, который должен быть затрачен на производимый мною товар, но в следующем году, когда я доставляю свой товар на рынок, хлеб будет дорог, а заработная плата высока, и, следовательно, чтобы получить известное количество труда, я должен буду отдать большее количество своих готовых изделий, чем дал бы, если бы хлеб имелся в изобилии, а заработная плата была бы низка. Если бы хлеб был дешев, а заработная плата низка, то моя прибыль была бы высока, но при нынешних условиях прибыль моя низка. Я хочу знать, действительно ли товар обменивается в этих двух случаях на два упомянутых выше специфических количества труда. Чтобы ответить на мой вопрос, вы говорите, что всегда резервируете первое количество, а все, что выше его, называете прибылью. Но я утверждаю, что на товар был затрачен труд одной стоимости, но когда этот товар был доставлен на рынок, он был обменен на труд другой стоимости, и это единственное основание, почему невелико сальдо за вычетом труда, затраченного на товар. Почему же оно мало, если не потому, что стоимость труда высока? Ничего подобного, говорите вы; стоимость труда никогда не изменяется, и все же вы не можете не признать, что если бы хлеба было много и если бы заработная плата оставалась без изменения, то промышленный товар обменивался бы на гораздо большее количество труда. Вы говорите: «Каким образом выходит, что стоимость труда сохраняется без изменения с развитием общества, если известно, что требуется больше труда на его производство?» Вы, вероятно, подразумеваете: «чтобы произвести вознаграждение, уплачиваемое за него», и прибавляете: «ответ на этот вопрос в следующем: так как прибыль зависит от доли всего продукта, которая идет труду, то необходимо должно получиться, что рост стоимости, обусловленный добавочным количеством труда, будет точно уравновешиваться уменьшением количества прибыли, причем стоимость труда останется без изменения». Признаю, что не понимаю этого ответа. Мы спрашиваем: какое значение сле-

дует придавать словам «увеличение стоимости», «уменьшение стоимости». Вы говорите мне, что рост стоимости означает возможность распоряжаться большим количеством труда. Я отрицаю правильность этого определения, потому что я отрицаю неизменность стандартной меры, которую вы выбрали. Чтобы доказать ее неизменность, вы говорите о пропорции, в которой делится весь продукт, и говорите, что если заработная плата будет больше, то прибыль будет меньше. Все это верно, но какую связь вы можете указать между этим положением и неизменностью вашей меры стоимости? В вашем ответе вы употребляете слова «рост стоимости». Это значит объяснять значение слов, требующих разъяснения, при помощи тех же слов. Вы ошибочно понимаете возражение Мак-Куллоха и мое против вашей доктрины, если предполагаете, что оно сделано потому, что, по вашему мнению, одно и то же количество труда имеет одну и ту же стоимость, в то время как положение рабочего весьма различно; мы возражаем против нее не из-за этого, ибо, как вы правильно замечаете, наши собственные доктрины требуют того же допущения; мы возражаем против вашего заявления, что, в силу какой бы причины ни ухудшалось положение рабочего, он всегда получает одну и ту же стоимость в форме заработной платы. Когда наши рабочие находятся в плохом положении, хотя (как мы говорим) они получают заработную плату прежней стоимости, прибыль необходимо должна быть очень низка; согласно вашему положению заработная плата будет иметь одну и ту же стоимость, независимо от того, составляет ли прибыль 2% или 50%.

Я, мне кажется, показал вам, что ваше длинное письмо было хорошо уже тем, что заставило меня, а это для меня действительно нелегкая задача, написать еще более длинное письмо. Я, однако, только следую своему призванию и стараюсь понять самый трудный вопрос в политической экономии. Все, что я сделал до сих пор, приводит меня все больше и больше к убеждению, что в высшей степени трудно найти меру стоимости, не вызывающую никаких возражений. Поскольку я был в состоянии обдумать предложение Мак-Куллоха и Милля, я им не удовлетворен¹. Они прекрасно защищают мою меру, но в действительности не устраняют всех возражений. Я думаю, однако, что, хотя она и не безошибочна, она все же лучшая.

¹ Они предлагали рассматривать труд человека и труд машины как совершенно одинаковый. См. письмо Мак-Куллоха от 24 августа 1823 г., а также его «Principles of Political Economy» и «Elements of Political Economy» Милля.

Я написал несколько страниц в защиту моего проекта создания национального банка с целью доказать, что нация ничего не потеряет из прибылей, если ликвидирует Английский банк, и что единственным следствием перемены было бы перемещение части прибыли банка в национальную казну.

*Гэткомб парк, Минчингемптон,
15 августа 1823 г.¹*

Вы сделали благоразумный шаг, взяв назад свою уступку, ибо я убежден, что при такой уступке ваша теория не сможет устоять.

Вы считаете ошибочной мою меру стоимости, говорите вы, потому что она изменяется вместе с изменением прибыли других товаров. В этом, я признаю, заключается ее несовершенство, когда ею измеряют стоимость товаров, в которую входит больше или меньше прибыли, чем в мою меру; но вы, по-видимому, не замечаете, что то же возражение годится и против вашей меры, так как ваша мера вовсе не содержит прибыли и, следовательно, никак не может быть точной мерой стоимости для товаров, включающих прибыль.

Если бы даже я не мог выдвинуть против вашей меры никаких других аргументов, то тот аргумент, который я приведу сейчас, будучи направлен против вас, окажется фатален для вашей меры. Вы говорите, что моя мера не может измерять товары, производимые одним только трудом. Допустим, но если это верно, то как может ваша мера измерять стоимость товаров, произведенных совместно трудом и прибылью? С таким же основанием вы можете сказать, что трижды два шесть, но дважды три не шесть, или что фут есть хорошая мера для ярда, но что ярд не есть хорошая мера для фута.

¹ Подробный ответ на письмо Мальтуса от 11 августа. В нем Рикардо характеризует с достаточной полнотой и опровергает все рассуждения Мальтуса. Одно из них следует, однако, привести особо: Мальтус увязывает свою теорию спроса и предложения со своей нелепейшей теорией трудовой стоимости и делает это следующим образом: «Верно, несомненно, что спрос и предложение являются реальным основанием меновой стоимости и что *единственная* причина, в силу которой труд является правильной мерой этой стоимости, — при условии, что мы не рассматриваем никаких других условий, — состоит в следующем: предложение, поступающее от труда одного и того же количества и качества, будет в среднем пропорционально спросу. Но, если бы труд обладал в различных странах в разные периоды в одной и той же стране различной физической силой, то продукт одинакового количества дней этих различных видов труда не был бы пропорционален спросу, и поэтому один вид его не мог бы обмениваться на другой».

Так возвращается Мальтус к своей теории спроса и предложения, сводя на нет свои нелепые попытки пристроиться к трудовой теории стоимости. — *Прим. ред.*

Если ваша мера будет точно измерять мой товар, то моя должна делать то же самое по отношению к вашей. Это — идентичные положения, и, признаюсь, я не вижу, что мне можно ответить на это.

В действительности факт заключается в том, что нельзя найти никакой точной меры абсолютной стоимости. Никто не сомневается в желательности таковой, но все, на что мы можем надеяться, — это мера, достаточно хорошо рассчитанная для измерения стоимости наибольшего количества товаров; я поэтому несколько не поколебался бы признать вашу меру наилучшей при всех обстоятельствах, если бы вы могли показать, что наибольшее количество товаров производится одним только трудом без участия капитала. С другой стороны, если большее количество товаров производится при тех условиях, которые, согласно моему предположению, сопровождают производство товара, выбранного мною своей мерой, тогда наилучшей будет моя мера. Вы поймете, что и в том и в другом случае я предполагаю известную степень произвола в выборе и утверждаю только, что возможность произвольного выбора будет использована лучше всего, если выбрать мою меру.

Когда вы говорите, что моя крупная ошибка заключается в том, что я рассматриваю товары, созданные только трудом, а не трудом и прибылью, то я думаю, что это не моя, а ваша ошибка, так как это и есть именно то, что вы делаете; вы измеряете одним только трудом товары, которые заключают в себе и труд, и прибыль. Вы, наверное, не скажете, что мои деньги, произведенные трудом и капиталом, с помощью которых я предлагаю измерять другие товары, не включают прибыли. Ваши же не включают ее; какая же прибыль содержится в криветках или золоте, подбираемых ежедневно рабочим за свой счет на морском берегу? Насколько же более справедливо можно выдвинуть ваше обвинение против вас самого?

Вы возражаете мне, утверждая, что я непоследователен, не желая принимать во внимание стоимость денег здесь и в Индии, когда говорю о стоимости труда и товаров в нашей стране и в Индии. Я, говорите вы, не принимаю во внимание стоимость драгоценных металлов, я, предложивший принять их в качестве меры! В этом нет ничего непоследовательного. Рассматривая ваше положение, которое отвергает мою меру и принимает другую, я должен проверить его на вашей доктрине, а не на моей, которую вы отвергаете. Заключение, основанное на моих посылах, может быть правильным, но если вы оспариваете мои послышки и ставите на их место другие, заключение не может уже оставаться прежним; исследуя же вашу доктрину, я должен заниматься только теми заклю-

чениями, к которым меня приводят ваши посылки. Вы спрашиваете: «Скажете ли вы на самом деле, что сукно и муслин не дороги в Индии, где они стоят в четыре и пять раз больше труда, чем в Англии?» Вы знаете, что я не скажу этого, потому что измеряю стоимость количеством труда, содержащимся в товаре, но под стоимостью сукна и муслина в Индии, выраженной в труде, вы подразумеваете не количество труда, действительно употребляемого на их производство, а то количество, на которое может обмениваться готовое изделие. Разница между нами заключается в следующем: вы говорите, что товар дорог, потому что он будет обмениваться на большее количество труда, а я говорю, что он дорог только тогда, когда на его производство затрачено большое количество труда. В Индии товар может быть произведен за двадцать дней труда и может обмениваться на тридцать дней труда. В Англии он может быть произведен за двадцать пять дней труда, а обмениваться только на двадцать девять. С вашей точки зрения, этот товар дороже в Индии, а с моей — он дороже в Англии.

Таким образом, мое возражение против вашей меры, как общей меры стоимости, состоит в следующем: несмотря на то что на товар может быть затрачено больше труда, стоимость его может понизиться, поскольку она измеряется в вашей мере; то есть он может обмениваться на меньшее количество труда. Это невозможно, если вы последовательно применяете вашу меру только к тем предметам, для измерения которых она рассчитана. Было ли бы, например, возможно применять больше труда к производству креветок или собиранию золотого песка на морском берегу и все-таки продавать эти товары за меньшее количество труда, чем прежде? Конечно, нет; но было бы вполне возможно затрачивать больше труда на изготовление штуки сукна и все же обменивать сукно на меньшее количество труда, чем прежде. Это, по моему разумению, ещё один убедительный аргумент против целесообразности принятия вашей меры.

Повторяю еще раз, что между Индией и Европой велась бы именно такая торговля, поскольку речь идет о товарах; если бы в мире не существовала такая вещь, как деньги из золота и серебра. В этом случае все товары будут обмениваться в Индии, как и в настоящее время, на большее количество труда, чем в Англии; и если бы мы желали узнать, насколько более, то каждый из этих товаров, так же как и деньги, дал бы нам возможность установить это. Та самая причина, которая обуславливает в Англии низкую стоимость денег, обуславливает также низкую стоимость многих других товаров; и политэконом, объясняя низкую стоимость пер-

вых, в то же время объясняет низкую стоимость вторых. Я не возражаю против объяснения низкой стоимости золота в отдельных странах, но говорю, что для исследования общей меры стоимости это не существенно, особенно если против стоимости золота выдвигают то соображение, что она не входит в качестве элемента в общую меру стоимости.

Предположим, что у фермера есть известное количество скота и орудий и 100 кварталов пшеницы, что он затрачивает эту пшеницу на содержание известного количества труда и что в результате он получает 110 кварталов пшеницы, а его стадо и орудия также увеличиваются на одну десятую; не будет ли его прибыль составлять 10%, какова бы ни была цена труда в следующем году? Если 110 кварталов могут обмениваться не на большее количество труда, чем могли прежде обмениваться 100 кварталов, то, согласно вашей доктрине, он прибыли совсем не получит; и если мы допустим, что ваша мера правильно измеряет стоимость, то вы правы: он получит прибыль в натуре, но не в стоимости. Если бы пшеница была мерой стоимости, он получил бы прибыль в натуре и такую же прибыль в стоимости. Если бы деньги были правильной мерой стоимости и он начал бы с 100 ф. ст., он получил бы 10% прибыли, раз стоимость его продукта составляла бы 110 ф. ст. Все эти результаты оставляют нерешенным вопрос о мере стоимости и ничего не доказывают, кроме удобства принять, пользуясь вашим определением, одну меру предпочтительно пред другой. Однако рабочего, который живет своим трудом, было бы трудно убедить, что стоимость его труда была одинаково в течение обоих периодов, в один из которых он получал в изобилии пищу и одежду, а в другой нуждается абсолютно во всем. То, что он мог бы подумать при этом, конечно, не затрагивает философии вопроса, но это было бы по меньшей мере таким же веским доводом против предложенной вами меры, как довод фермера в пользу ее: последний считает, что он не получает прибыли, потому что не получает в обмен большего количества труда, хотя может иметь больше хлеба или больше денег. Вы называете номинальным всякий прирост стоимости, раз он не является приростом в предложенной вами мере. Я не возражаю против того, что вы так поступаете; но те, кто не соглашается с вами относительно целесообразности принятия этой меры, могут привести весьма последовательные аргументы, утверждая, что когда они имеют 110 ф. ст., то владеют большей стоимостью, чем тогда, когда у них было 100 ф. ст., хотя при ее реализации большая сумма может обмениваться не на столь же большое количество труда, как менее значительная сумма раньше. Они ведь не только допускают, но и утверждают, что стоимость

труда может повышаться и падать и, следовательно, по отношению к труду человек может быть беднее, хотя и обладает более значительной стоимостью.

Я сказал, что стоимость большинства товаров составляется из труда и прибыли. Если это так, замечаете вы, то «ясно, как солнце, что изменяющаяся заработная плата, обменивающаяся на одно и то же количество труда, должна иметь одну и ту же стоимость, потому что в производстве заработная плата всегда будет стоить одного и того же количества труда с прибавлением прибыли на этот труд». Признаюсь, я не вижу связи между этим заключением и вашими посылками. Будете ли вы делить товар на восемь, семь или шесть единиц, он всегда разделяется на две доли; это, правда, изменяющиеся доли, но их всегда две. При делении на восемь доли могут быть шесть и два, пять и три, четыре и четыре, семь и один. При делении на семь они могут быть шесть и один, пять и два, четыре и три и т. д. Таково мое допущение. Нам нужно знать, каково число этих разделов или какова стоимость товара — восемь, семь или шесть? И разве я буду хоть немного ближе к этому знанию, принимая, что, какова бы ни была эта стоимость, она будет разделена между двумя лицами? Что бы вы ни дали рабочему, стоимость того, что вы дали, состоит из труда и прибыли и потому стоимость труда постоянна! Таково ваше положение. По-моему, оно лишено всякого признака ясности. Я констатирую, что один раз я даю человеку десять бушелей пшеницы за такое же количество труда, за какое в другой раз я даю ему восемь бушелей. По вашему мнению, стоимость пшеницы падает в отношении 10 к 8. Спрашиваю: почему? И ваш ответ гласит: «так как положительная стоимость труда, содержащегося в заработной плате, возрастает, то положительная стоимость прибыли (другой составной части всей стоимости) уменьшается в точно такой же степени». Относится ли эта положительная стоимость к одному и тому же количеству пшеницы? Конечно нет: она относится к двум различным количествам — один раз к десяти бушелям, в другой раз — к восьми. Вы прибавляете: «Если эти два положения (а именно то, которое я только что привел, и неизменность труда, как меры стоимости) можно правильно рассматривать как не имеющие никакой связи друг с другом, то я, видимо, совершенно запутался в этих вопросах и едва ли могу надеяться показать эту связь с помощью чего-либо, что я смогу сказать дальше». Надеюсь, вы не заподозрите меня в том, что я намеренно закрываю глаза, но если это положение действительно так ясно, как вам это кажется, то я не могу объяснить, почему у меня не хватает способностей понять его. Я продолжаю думать, что неизменность вашей меры есть

определение, с которого вы начинаете, а не заключение, к которому вы приходите путем сколько-нибудь состоятельной аргументации. Мое обвинение против вас состоит в следующем: вы претендуете, что дали нам точную меру стоимости; против вашего притязания я возражаю не потому, что мне это якобы удалось, а вы потерпели неудачу, а потому, что мы оба потерпели неудачу, что нет и не может быть точной меры стоимости. Самое большее, что может сделать человек, — это найти меру стоимости, применяемую в большом числе случаев и не очень сильно отклоняющуюся от точности во многих других случаях. Вот все, на что я претендовал и на что претендую в настоящее время, и если бы вы не предъявляли более высоких притязаний, я был бы более скромным; но я не могу признать, что вы имели успех в достижении великой цели, которую вы себе поставили. Отвечая вам, я действительно употребляю единственное оружие, с помощью которого вы, по вашему признанию, только и можете быть побеждены и которое, признаюсь, одинаково применимо как к вашей мере, так и к моей — я имею в виду аргумент об отсутствии какой-либо меры абсолютной стоимости. Такой вещи не существует; ваша мера, как и моя, будет измерять изменения, возникающие в связи с тем, что для производства товаров требуется больше или меньше труда, но трудность заключается в определении изменяющихся пропорций между долями труда и прибыли. Изменения в этих пропорциях меняют относительную стоимость предметов в той мере, в какой в последние входит больше или меньше труда для заработной платы или для прибыли, и для этих изменений никогда не существовало и, я думаю, никогда не будет существовать сколько-нибудь совершенной меры стоимости.

Гэткомб парк, 31 августа 1823 г.

Мне остается сказать еще только несколько слов по вопросу о стоимости, и я кончу. Вы не можете воспользоваться тем аргументом, что фут может измерять изменчивый рост человека, тогда как изменчивый рост человека не может точно измерить фут, потому что вы согласились, что при известных обстоятельствах рост человека не изменяется, а я всегда ссылаюсь только на эти обстоятельства. О моей мере вы говорите — и правильно говорите, — что если бы все товары были произведены при тех же условиях времени и т. д., что и эта мера, то она была бы совершенной мерой; и далее вы говорите, что она представляет и в данное время совершенную меру для всех товаров, произведенных при таких условиях. Если, таким образом, моя мера совершенна при известных условиях, а ваша совершенна всегда, то при этих

условиях некоторые товары должны изменяться при изменении в этих двух мерах в одной и той же степени. Так ли это? Конечно, нет; следовательно, одна из этих мер должна быть несовершенной. Если же они обе совершенны, то моя должна измерять вашу так же хорошо, как ваша — мою.

Нет ничего недопустимого в том, что вместе с Адамом Смитом¹ вы утверждаете, что «труд будет измерять не только ту часть всей стоимости товара, которая идет на оплату труда, но тоже и ту, которая идет на прибыли», потому что это факт. Но разве это не верно также и по отношению к любой изменяющейся мере, которую вы можете установить? Разве это не верно по отношению к железу, меди, свинцу, сукну, хлебу и т. д. и т. д.? Речь идет о неизменной мере стоимости, а ваше доказательство неизменности данной меры заключается в том, что она будет измерять как прибыль, так и труд, что будет делать также всякая изменчивая мера.

Я признал, что моя мера неточна, как говорите вы. Верно, но не потому, что она не будет выполнять всего того, что будет выполнять ваша мера, а потому, что я не уверен в ее неизменности. Креветки стоят 10 ф. ст. в моих деньгах; предположим, что для улучшения качества креветок становится необходимым продержать их один год, когда прибыль составляет 10%; в конце этого периода креветки будут стоить 11 ф. ст. Их стоимость увеличилась на 1 ф. ст. В чем же разница? Будете ли вы измерять их стоимость в труде и утверждать, что в первый период они стоят десяти дней труда, а позже — одиннадцати, или будете говорить, что в первый период они стоят 10 ф. ст. и затем 11 ф. ст.

Я не уверен в точности вашего языка, когда вы говорите, что «труд есть действительная затрата в натуре, а прибыль можно правильно вычислять, исходя из затрат, в чем бы они ни состояли». Капитал фермера состоит из сырых продуктов, и его реальные затраты в натуре представляют сырые продукты. Его затраты имеют стоимость и могут, несомненно, обмениваться на известное количество труда, а прибыль его не представляет ничего, если только получаемый им продукт не будет обмениваться на большее количество при оценке как затрат, так и прибыли в труде; но так же будет обстоять дело и с любым другим товаром, в котором он может измерять стоимость своих затрат и своей выручки. Разве имеет значение, будет ли это труд или что-либо другое, раз нет основания предполагать, что стоимость его изменилась? Вы, я знаю, скажете: при условии, что его продукт будет обмениваться на известное количество труда, фермер будет уверен в возмож-

¹ См. «Богатство народов», книга I, гл. VI.

ности воспроизводства, но другое дело, если он оценивает свои затраты и прибыль в каком-нибудь предмете, потому что стоимость этого предмета и труда могли подвергнуться большому относительному изменению. Но разве реальное изменение не могло произойти в стоимости труда? И если фермер действует, исходя из предположения, что стоимость труда сохраняется прежней, то не может ли он горько ошибиться и оказаться в убытке, а не в выигрыше? В вашей аргументации вы всегда предполагаете, что стоимость труда единообразна, и если уступить вам в этом пункте, то между нами не будет спорного вопроса. Фабрикант, который всегда пользовался бы только мерой стоимости, рекомендуемой вами, неизбежно испытал бы столь же сильное разочарование, какое он испытывает в настоящее время при пользовании вульгарным изменчивым мерилом, в котором он привык измерять стоимость.

А теперь, мой дорогой Мальтус, я кончил. Подобно другим диспутантам, мы после продолжительной дискуссии остаемся при собственных мнениях. Эта дискуссия, однако, никогда не повлияет на нашу дружбу; я не мог бы питать к вам большей симпатии, чем теперь, если бы вы и согласились с моими взглядами.

ПИСЬМА
К Д. МАК-КУЛЛОХУ

ВВЕДЕНИЕ

«...Сбережение означает только, что более значительная часть его (продукта страны) потребляется теми, кто воспроизводит стоимость, превышающую их потребление» (из письма Рикардо к Мак-Куллоху от 2 мая 1820 г.).

Значительная часть переписки Рикардо и Мак-Куллоха велась в весьма мирных, дружеских тонах. Это был период, когда Мак-Куллох в своих работах старался тщательно копировать то новое, что содержалось в учении Рикардо о стоимости. «Все это, — говорит Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», — Куллох констатирует также правильно, повторяя за другими». И за этими повторениями, за этим умением Мак-Куллоха подражать «рикардовскому способу «харкать и плевать»» он сумел, как говорит Маркс, скрывать «свой беспомощный, бессмысленный... эклектизм... *Мак-Куллох просто является человеком, который хотел обделать дела с рикардовской экономией*, что ему и удалось достойным удивления способом»¹.

В этом-то и заключается причина благодушного тона переписки Рикардо с Мак-Куллохом. Своим возмутительным искажением теории стоимости Рикардо Мак-Куллох занялся уже позже, вероятно, после смерти Рикардо (1823 г.).

О склонности Мак-Куллоха к плагиату писали уже его современники. Маркс приводит мнение современника и критика Мак-Куллоха — Мульфона, согласно которому «девять десятых он списывает у А. Смита, Рикардо и др., остальную десятую постоянно списывает с своего собственного накопленного труда, «который он всегда повторяет в высшей степени бесстыдно и недостойно»»².

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, М., 1936, стр. 132, 134.

² К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 145. (Слова Мульфона взяты из его книги «Some Illustrations of Mr. Mac Culloch's Principles of Political Economy», Edinburgh, 1826.)

Этот раздел, посвященный Мак-Куллоху, Маркс заключает словами: «Слепая свинья иногда тоже находит желудь»¹.

Но чем же нарушается дружеский тон переписки Рикардо с Мак-Куллохом? Когда «бесстыдные и недостойные» повторения перестают вырывать последнего?

Об этом с полной определенностью говорит Маркс в I томе «Капитала».

«Целый ряд буржуазных экономистов, как Джемс Милль, Мак-Куллох, Торренс, Сениор, Джон Стюарт Милль, утверждают, что все машины, вытесняющие рабочих, постоянно и необходимо освобождают в то же время соответствующий капитал, который дает работу этим самым вытесненным рабочим»².

И далее:

«Рикардо первоначально разделял это воззрение, но позже с характеризующим его научным беспристрастием и любовью к истине отказался от него»³.

Как известно, в первых двух изданиях «Начал...» Рикардо разделяет точку зрения своих современников, но в 3-м издании, как бы предвосхищая эти слова Маркса, он находит в себе мужество, чтобы признать неправильность своего прежнего взгляда и смело высказать свое до конца продуманное мнение о тех противоречиях, с которыми неизбежно связано капиталистическое развитие техники⁴.

В ответ на письмо Рикардо к Мак-Куллоху (от 25 апреля 1821 г.), в котором идет речь об этом, Мак-Куллох, с трудом скрывая свое негодование, заявляет: «Именно тот факт, что вы бессознательно санкционировали своим именем крайнее заблуждение, содержащееся в этом принципе, и возбуждает главным образом мое сожаление»⁵. А через несколько строк идут слова, приводимые Рикардо в его ответном письме от 18 июня 1821 г.: «если они (т. е. машины. — *М. С.*) производят товары дешевле, то их введение должно быть выгодно для всех классов людей». Ответ Рикардо таков: «Я признаю, что машины не были бы введены, если бы они не производили товары дешевле, чем последние производились до введения машин, но я отрицаю другое положение: «если они производят товары дешевле, то их введение должно быть выгодно для всех классов людей». Их применение должно быть выгодно для каждого класса покупателей, как покупателей, но вопрос между

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 146.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 443.

³ Там же (сноска).

⁴ См. т. I настоящего издания, стр. 318—327.

⁵ См. кембриджское издание, т. VIII, стр. 382.

нами состоит в том, уменьшит оно или нет численность класса покупателей»¹.

А в письме от 7 мая 1822 г. Рикардо в ответ на лекции, присланные ему Мак-Куллохом, формулирует ряд замечаний, некоторые из которых относятся непосредственно к рассматриваемому вопросу.

Так в замечании 6-м сначала приводятся слова Мак-Куллоха: «Интересы отдельных лиц никогда не находятся в противоречии с интересами общества», а затем Рикардо говорит: «Я не согласен с этим положением. В вопросе о машинах интересы предпринимателей и рабочих сталкиваются очень часто. Разве интересы землевладельцев и интересы общества всегда тождественны? Я уверен, что вы не скажете этого».

А в замечании 7-м Рикардо говорит:

«Я отрицаю, что мы в состоянии найти занятие для всех рабочих, которые вытесняются машинами»².

Этому расхождению во взглядах на введение машин в капиталистических странах Маркс дает исчерпывающую характеристику: «...Он (Мак-Куллох. — *М. С.*) вполне доволен вообще всеми противоречиями буржуазной экономии, которые ложатся бременем на рабочий класс. Здесь все окрашено в розовый цвет... Здесь он отступает от Рикардо, как и в своих позднейших произведениях, где он медоточиво говорит о землевладельцах»³.

Вот именно здесь Мак-Куллоху уже не выгодно подражать Рикардо. Ведь «научное беспристрастие и любовь к истине» последнего помогли ему распознать те противоречия, с которыми связан прогресс техники в капиталистическом обществе. А Мак-Куллох, как и все прочие буржуазные экономисты той эпохи, не мог или не хотел видеть их. Но тогда Рикардо еще мог думать, что и по мнению Мак-Куллоха «интересы землевладельцев и интересы общества» не всегда тождественны. Позднее, вероятно, уже после смерти Рикардо, Мак-Куллох, как отмечает Маркс, совершил еще одно «отступление» от Рикардо и принял по отношению к землевладельцам «медоточивый тон».

Но как повторяется история. В начале 19-го века те классовые противоречия, о которых говорит Рикардо, были связаны с крупнейшими по тогдашнему времени техническими достижениями — введением парового двигателя, механической прялки, машиностроения вообще. В настоящее время капитализм снова переживает крупнейший переворот в технике — автоматизацию производства, лишаящую работы и заработка

¹ См. стр. 217.

² См. стр. 229.

³ *К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 131.*

миллионы рабочих. И снова, как и в эпоху Рикардо, громко звучат голоса апологетов капитала, пытающихся убедить рабочих, что автоматизация принесет им всяческие выгоды. Как говорит американский экономист Джордж Моррис¹, «еще несколько лет назад люди, подкупленные монополиями, заверяли рабочих, будто автоматизация приведет к увеличению, а не к уменьшению занятости. Некоторые профсоюзные лидеры поддержали подобные заявления. Однако жизнь развеяла эти лживые теории. В результате внедрения новой техники у нас значительно возросла безработица».

Итак, «лживые теории» поддерживаются в настоящее время «людьми, подкупленными монополиями», а в эпоху Рикардо такие же теории поддерживались Мак-Куллохом, Джемсом Миллем и иже с ними.

В переписке Рикардо и Мак-Куллоха встречаются и некоторые другие разногласия — по вопросу о налогах, о ренте и т. д. Но все они являются второстепенными по сравнению с основным принципиальным спором о противоречиях, порождаемых в капитализме техническим прогрессом.

Известный интерес в этой переписке представляют высказывания Рикардо о работах и взглядах Мальтуса, высказывания нередко гораздо более резкие и решительные, чем в переписке с самим Мальтусом. Именно из одного из них нами и взяты слова, приведенные в эпиграфе и показывающие, что «научное беспристрастие» и «любовь к истине» были у Рикардо — идеолога промышленного капитализма достаточно велики, для того чтобы он мог отдать себе отчет о природе капиталистического накопления.

М. Смит

¹ *Джордж Моррис*, Американские рабочие отбивают атаки монополистов, «Правда», 28. XII. 1959.

*Лондон, Аппер Брук стрит,
Гросвенор сквер, 9 июня 1816 г.*

Прошу вас принять мою благодарность за любезно присланный вами памфлет, который я читал с большим удовольствием. Я не могу, однако, согласиться с вами о необходимости принять предлагаемую вами крайнюю меру для устранения наших теперешних затруднений — уменьшение процентов по национальному долгу, потому что, хотя такая мера может быть выгодна для одного класса за счет другого, она принесет стране очень незначительное облегчение и составит прецедент весьма тревожного и опасного характера. Многие придерживаются мнения, что установленное теперь соотношение между стоимостью бумажных денег и слитков вызвано было падением стоимости последних. Если это так, то предложенная мера будет положительно несправедлива даже по отношению к тем держателям государственных бумаг, которые ссудили свои деньги правительству в течение последних лет войны, и еще в большей мере по отношению к тем, кто является владельцем государственных бумаг в течение более продолжительного периода. Лично я придерживаюсь того мнения, что одновременно имело место падение стоимости драгоценных металлов и повышение стоимости банкнот. Поскольку имело место последнее, держатель государственных бумаг выиграл; но если бы было разумно принимать законы в связи с каждым изменением стоимости денег, мы должны были бы начать это давным давно, когда держатели государственных бумаг страдали от понижения стоимости денег; а положение их было таким всегда со времени возникновения государственного долга. Никогда не оказывают помощи тем, кто страдает от понижения стоимости денег, но каждый сочувствует тем, кто теряет благодаря повышению их стоимости.

Наше теперешнее бедственное положение вызвано в значительной степени падением стоимости сырых материалов, кото-

рое все же имело бы место при существующих условиях, если бы даже наше денежное обращение состояло целиком из драгоценных металлов. Это падение совершенно не зависит от какого-либо изменения в стоимости денег. Оно ограничивается только ценой сырых материалов, и те, кто страдает от него, имеют не больше прав на помощь, чем вест-индские плантаторы или винокуренные заводчики, когда в их деле случается заминка. Цена сырых материалов не может в течение продолжительного времени стоять так низко, чтобы помешать фермерам получать среднюю прибыль на капитал, как бы высоко ни облагались они налогами. Я полагаю, что в конечном счете все налоги падают на потребителей. — Наши финансовые перспективы не особенно блестящи. Мне кажется, что первая обязанность министров заключается в том, чтобы по возможности уменьшить наши расходы; вторая — в том, чтобы повышать налоги, пока они не сравняются с расходами. По моему мнению, они не должны вмешиваться в дела, связанные с фондом погашения, и еще меньше должны они затрагивать дивиденды держателей государственных бумаг. Нас разорят со временем именно расходы, а не налоги, которые необходимы, чтобы платить проценты по расходам.

*Гэткомб парк, Минчिंगемптон,
Глостершир, 4 декабря 1816 г.¹*

Поездка на два дня в Лондон на прошлой неделе дала мне возможность получить ваши книгу и письмо, которые я привез с собой сюда. Ваш дополненный очерк оказался для меня поучительным и доставил мне удовольствие, хотя я не могу согласиться с вами, что было бы справедливо принять ту важную меру, которую вы предлагаете для облегчения нынешних затруднений в нашей стране. Я согласен с вами во всем, что вы говорите по вопросу о слитках. Вместе с вами я думаю, что вручать какой-либо корпорации власть повышать или понижать по своему произволу налоги — это уж чрезмерно; я не отрицаю также, что когда банкноты достигнут паритета, то по многим из займов, заключенных в продолжение войны, будет уплачен фактически более значительный процент, чем тот, относительно которого была достигнута договоренность в период их обесценения. Но кто обесценил занятые деньги? Что сделало их менее ценными, чем золотые деньги? Разве это не было делом законодательного акта? И будет ли справедливо со стороны той же самой законодательной власти сказать

¹ Это письмо Рикардо является ответом на памфлет Мак-Куллоха, упомянутый в предыдущем письме. — *Прим. ред.*

человеку, который ссудил тогда 100 ф. ст.: «Вы должны теперь получать в виде процентов 3 ф. ст. вместо 5 ф. ст., потому что 3 ф. ст. стоят в настоящее время столько же, сколько 5 ф. ст. тогда». Не ответит ли займодавец: «Причина, почему мои 100 ф. ст. имели тогда меньшую стоимость, чем в настоящее время, заключалась в том, что вы дали одной корпорации неограниченные полномочия. С 1797 г. я использовывал свои деньги для учета векселей и всегда получал в виде процентов 5 ф. ст. с каждых 100 ф. ст. Принятым вами актом вы уменьшили их стоимость и уверяли меня в то время, что, думая так, я ошибаюсь, так как мои 100 ф. ст. стоят якобы столько же, сколько прежде. Уменьшая мой процент в настоящее время, вы в действительности платите мне только $\frac{3}{5}$ на мои первоначальные 100 ф. ст.» Вы можете на это сказать, что после 1797 г. у займодавца не было, вероятно, денег, что в 1812 г. он продавал товары, чтобы покупать ценные бумаги или ссужать таковые государству, и получал добавочное количество денег, потому что они были обесценены, а поэтому его претензия не состоятельна; но кто может установить это? Вы говорите, что не предлагаете уменьшить процент с какой-либо части долга, созданного до обесценения банкнот, но как отличить эту часть от другой? Как установить различие между держателем государственных бумаг 1790 г. и держателем 1800 г. или 1810 г., или 1816 г.? Это явно невозможно: весь капитал сплавлен вместе, прошел через тысячу рук и никоим образом не может быть разложен на части.

Вы говорите также, что если бы уменьшилась стоимость сельскохозяйственных продуктов, то должны были бы уменьшиться также тяготы тех, которые их выращивают. Но разве тяготы их не уменьшились бы? Разве при затратах в 60 шилл. они платили бы те же налоги, какие в настоящее время платят при затратах в 80 шилл.? Разве их десятина составила бы столько же? Разве их имущественный налог был бы столь же велик, если бы этот налог продолжал существовать? Разве при покупке одной бутылки вина они платили бы тот же налог, как если бы купили две? Часть капитала фермера была бы передвинута из земледелия в промышленность; он производил бы стоимость в этой форме и платил бы налоги, как и прежде. Но вы можете сказать, что весь капитал не будет столь же производителен, как прежде, и что поэтому следует взимать больше налогов, чтобы уплатить проценты с государственного долга. Вы можете повторить цитату из Мальтуса¹, которую вы сами

¹ Из книги Мальтуса «Grounds of an Opinion» («Основы одного мнения»), 1815.

приводите на стр. 198, но Мальтус не удовлетворяет меня: я убежден, что он неправ, хотя, чтобы показать его ошибку, потребовалось бы больше места, чем имеется в моем распоряжении.

Я твердо убежден, что при падении цены хлеба с 80 до 60 шилл. способность народа платить налоги увеличилась бы, вместо того чтобы уменьшиться.

Вы говорите, что в 1812 г., обязавшись платить аннютет в 10 тыс. ф. ст., государство в действительности имело в виду дать возможность купить 1600 кварталов пшеницы. Я не согласен с вами. Оставим в стороне вопрос об обесценении денег; государство действительно согласилось дать 10 тыс. ф. ст. деньгами, предоставляя ходу событий решить, можно ли будет в 1816 г. купить на 10 тыс. ф. ст. 3 тыс. или 800 кварталов пшеницы; оно не приняло в расчет ни повышения, ни понижения цены денег или какого-либо иного товара. Если бы государство имело какое-либо другое намерение, ваш аргумент относительно денег был бы ошибочен, так как стандартом, которым должна регулироваться стоимость банкнот, явилось бы тогда не золото или серебро, а пшеница, а раз так, то дивиденд на государственный долг должен пересматриваться каждый год или каждые десять лет в соответствии с ценой пшеницы. Если держатель государственных бумаг обогащается благодаря падению цены пшеницы, то обогащается также держатель ипотеки, дисконтер векселей, фабрикант сукна и всякого другого товара. Почему не применить правило переоценки ко всем этим сделкам? Ваша система исходит из предположения, что цена хлеба регулирует цену всех других товаров и что если цена хлеба повышается или падает, то повышаются или падают также цены всех других товаров, но я считаю это ошибочной системой, хотя в вашу пользу говорят такие большие авторитеты, как Адам Смит, Мальтус и Сэй.

Если ваше мнение справедливо, то, когда государство занимало деньги при цене хлеба в 40 шилл., оно соглашалось давать 5 тыс. кварталов пшеницы человеку, получавшему аннютет в 10 тыс. ф. ст., но с того времени оно продолжало платить 10 тыс. ф. ст. деньгами, хотя на эти деньги часто можно было купить не больше чем 2 тыс. кварталов пшеницы. Каким образом вы вознаградите этого человека за несправедливость, которой он так долго подвергался?

Письмо это невероятно разрослось, но я хочу сделать еще одно замечание, и тогда я его закончу.

Вы обвиняете меня в том, что я энергично протестую против несправедливости, заключающейся в захвате фонда погашения, и в то же самое время доказываю правильность и

справедливость отмены хлебных законов¹. В этом случае вы ошибаетесь. Я не рекомендовал отмены хлебных законов, потому что писал до того, как они были изданы. Но если бы я сделал это, меня, по моему мнению, нельзя было бы обвинить в какой-либо непоследовательности. Законы издаются для блага всего общества, а не для блага отдельного класса; они могут поэтому издаваться или отменяться, когда этого требует целесообразность. Заботливое правительство, однако, никогда не будет забывать о последствиях своих законов для большой группы индивидов. Но по вопросу о фонде погашения у него нет выбора. Я рассматриваю это как определенную сделку между нацией и держателями государственных бумаг, которая не может быть нарушена одной из договаривающихся сторон.

Гэткомб парк, 22 августа 1818 г.²

После того, как я достаточно наслаждался удовольствием, которое мне доставило чтение лестной рецензии на мой труд в последнем номере «Эдинбург Ревью», я, естественно, начал соображать, кто мог бы быть ее автором, и немедленно мои подозрения пали на вас; ведь я не имел основания думать, чтобы кто-либо другой из пишущих в этом журнале, кроме вас, был бы в такой степени согласен с доктринами, которые я старался установить, за исключением только моего друга Милля, а я знал, что не он писал эту статью.

Поскольку у меня неоднократно было основание думать, что вы относитесь благоприятно к моим взглядам, я сразу решил этот вопрос и утвердился в убеждении, что именно вы и есть то лицо, которое расхвалило меня превыше моих заслуг. Не знаю, должен ли я вас благодарить, но я был в высшей степени доволен. Мои собственные доктрины кажутся вдвойне убедительными, когда они изложены вашим умелым пером; я уже слышал в своем уединении, что те, кто не мог понять меня, очень хорошо понимают вас. За эту услугу позвольте поблагодарить вас и позвольте мне также выразить удовлетворение, что мне удалось внушить вам тот же взгляд на общие начала политической экономии, какой я сам защищаю. Я не могу похвастать большим числом последователей, но если я

¹ В памфлете Мак-Куллоха «*Essay on the Question of Reducing the Interest*» («Опыт по вопросу об уменьшении процента»), стр. 240, являющемся ответом на статью Рикардо «*Essay on Profits*» («Опыт о прибыли»). — *Прим. ред.*

² Ответ на письмо Мак-Куллоха от 15 июля 1818 г., присланное им в связи с опубликованием рецензии на книгу Рикардо «Начала политической экономии». — *Прим. ред.*

могу причислить к ним вас и Милля, то я считаю это для себя немалым торжеством. Этот джентльмен в настоящее время гостит у меня, и, я уверен, вы с удовольствием узнаете, что он считает вашу статью мастерским опытом по политической экономии — опытом, который много сделает для распространения правильных взглядов на очень запутанную ее часть.

Я несколько сожалею, что вы не отметили в журнале те места, которые, по вашему мнению, поощряют министров быть расточительными в государственных расходах, в противоположность общим началам, которые я защищаю в других частях книги. Их следовало бы отметить, чтобы осудить. Я могу только сказать в свое оправдание, что не имел подобного намерения и, если книга будет издана вторично, буду рад исключить эти места или изменить их таким образом, чтобы они не допускали подобного истолкования. Я именно такой решительный приверженец экономии в государственных расходах, каким вы желали бы меня видеть; я думаю, что каждая израсходованная без необходимости гиней представляет общественное зло, и был бы поэтому огорчен, если бы хоть в малейшей мере поощрил расточительность и экстравагантность. Я не премину тщательно пересмотреть эту часть моей книги и был бы счастлив, если бы вы обратили мое внимание на отдельные страницы, которые, по вашему мнению, дают повод думать, что мои взгляды не так решительны, как я их изложил в настоящее время.

Гэткомб парк, 24 ноября 1818 г.¹

Я очень благодарен вам за отписки Дополнения к Британской энциклопедии, которые вы были добры послать мне через моего брата. Я читал с большим удовлетворением обе написанные вами статьи: одну — о хлебных законах, другую — о системе коттеджей. Они, мне кажется, в принципе правильны, умело и ясно написаны и содержат много полезных и важных сведений. Я сказал бы больше, потому что чувствую больше, но вы дисквалифицировали меня как судью, поставив под подозрение мое беспристрастие. Благоприятный отзыв, который вы дали о моей книге, доставил мне большое удовлетворение.

Мэррей совершенно неожиданно обратился ко мне за разрешением напечатать второе издание моей книги. Продажа ее была, по-видимому, сильно ускорена благодаря вашему хорошему отзыву о ней; и Мэррей в достаточной степени политэкономом, чтобы знать, что в его интересах увеличить предложе-

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 3 сентября 1818 г. — *Прим. ред.*

ние при увеличении спроса; он, по-видимому, знает также, что спрос на некоторые товары в большей мере регулируется капризом. По этим соображениям он очень хотел бы выпустить книгу как можно скорее. В последние дни я был сильно занят внимательным перечитыванием моей книги главным образом с целью найти те места, в которых, по вашему мнению, содержится оправдание министров по вопросу о налоговом обложении, но опасаясь, что безуспешно. На стр. 329 есть кое-что похожее на это, и я предполагаю изменить это место, вставив после слов «министр финансов» следующие слова вместо тех, которые имеются в настоящем издании: «министр финансов склонен прибегать к более прямым налогам вроде налога на доход и имущество, пренебрегая золотым правилом Сэя, что «лучший финансовый план — тратить мало и лучший налог — наименьший налог»¹. Быть может, вы предложите вместо этого что-нибудь другое и обяжете меня, высказав откровенно свое мнение о всех тех местах, которые вы желали бы видеть в измененном виде. Я обещаю быть настолько же откровенным с вами и сохранить мои собственные выражения, если вы меня не убедите. Так как первые несколько листов сейчас же пойдут в набор, то я надеюсь, что вы извините мою просьбу написать мне немедленно.

Я слышал, что майор Торренс написал статью в «Эдинбург Ревью» по поводу моих положений о стоимости. Я еще не видел ее, но ожидаю ее получения через несколько дней. Майор Торренс и я имели продолжительную беседу по этому вопросу, но не убедили друг друга. Я отчетливо установил в своей книге, что когда в производстве применяются капиталы, отличающиеся неодинаковой долговечностью, то стоимость регулируется не только количеством труда. Я думаю вставить на стр. 38 для следующего издания замечание, которое, по моему мнению, лучше отвечает на возражение майора Торренса: «Тот же самый результат будет иметь место при неодинаковом сроке службы оборотного капитала. Если в силу природы двух различных промыслов, в которых применяются равные капиталы, один фабрикант может доставить на рынок производимый им товар только через год, тогда как другой может доставить его через три месяца, относительная стоимость товара

¹ См. т. I настоящего издания, гл. XVI «Налоги на заработную плату», стр. 201 (сноска). В первом издании сказано было: министр финансов «склонен прийти к заключению, что страна обложена налогами в максимальной степени, ибо, увеличивая норму обложения, он не в состоянии увеличить поступление какого-либо из этих налогов. Однако он может иногда ошибаться, приходя к такому заключению, ибо весьма возможно, что такая страна может перенести еще очень большую прибавку к налоговой тягости без риска, что будет ущерблен капитал». — *Прим. ред.*

первого из них понизится в сравнении с товаром второго при каждом повышении заработной платы и падении прибыли. Нет никакой необходимости приводить дальнейшие расчеты, чтобы доказать истинность этого положения, так как оно покоится на том же самом принципе, как и случай, уже рассмотренный, т. е. на различной степени долговечности двух равных капиталов»¹.

*Гэткомб парк, 3 января 1819 г.*²

Я с большим удовольствием прочел вашу статью о денежном обращении, написанную для ближайшего номера «Эдинбург Ревью», которую вы были любезны послать мне. Она мне кажется хорошо изложенной, ясной и убедительной, так что я просто не знаю, как объяснить закоренелые предрассудки тех, кто, без сомнения, будет и дальше отказываться от признания доктрин, столь математически доказанных.

Ваше доброе отношение ко мне снова побудило вас осыпать меня незаслуженными похвалами. Уверяю вас, что весьма горжусь благоприятным мнением, которое вы составили себе о моих рассуждениях.

Читая статью, я старался обнаружить в ней ошибки, но, за исключением одного или двух маловажных пунктов, ни в малейшей степени не нарушающих хода рассуждения, я не мог найти ни одной. Эти пункты следующие: на стр. 56, несколько строк от конца страницы, вы говорите: «и если бы лишь половина обычного предложения была доставлена на рынок, то она (цена товаров) возросла бы наполовину». Очевидно, вы подразумеваете, что товары удвоятся в цене.

На стр. 64 вы даете читателям основание заключить, что Английский банк авансирует бумажные деньги, выпускаемые по случаю уплаты процентов по национальному долгу, а я думаю, что в действительности этого никогда не бывает. Для удовлетворения национального кредитора закреплены определенные налоги, они уплачиваются в казначейство, а из казначейства поступают в банк и никогда, ни на одну минуту не находятся в распоряжении министров. Однако этот факт не затрагивает вашей аргументации, потому что посредством прямых займов и покупки на рынке билетов казначейства за банкноты Английский банк и правительство вместе могут выпустить любое удобное им количество бумажных денег, помимо того, которое выпускается при помощи учета векселей.

На стр. 66 вы говорите, «что вся разница, могущая иметь место в стоимости золотых и серебряных денег у наций, веду-

¹ См. т. I настоящего издания. Приложение к главе I, стр. 356—357.

² Ответ на письма Мак-Куллоха от 6 и 27 декабря 1818 г.

щих торговлю друг с другом, будет вообще ограничиваться расходами по пересылке слитков из одной страны в другую». Это замечание верно по отношению к вексельному курсу — расхождение последнего никогда не может быть больше, чем на сумму этих расходов, но я не думаю, чтобы это относилось также к стоимости драгоценных металлов. Стоимость или цена сукна или шляп может быть во Франции настолько выше, чем в Англии, что покроеет не только издержки и прибыли суконщика и шляпочника, которые вывозят их, но также и добавочные расходы по пересылке из Франции в Англию денег, за которые они продаются. Так как золото — товар, то оно подчиняется тому же правилу. Я старался объяснить это в моей книге, начиная со стр. 174 до конца главы¹. Это имеет мало значения для вашей статьи, но я считаю нужным отметить это теперь, так как вы должны остерегаться недоразумения в статье о вексельных курсах, которую вы собираетесь написать. На этом мои замечания кончаются. Я не нахожу никакого другого выражения, к которому я мог бы придаться.

Вашу цитату из моего памфлета (стр. 74) вы кончаете словом «performed»; обращаясь к моему памфлету, я нахожу на стр. 25 моего экземпляра (второе издание) слова «они пользовались с такой выгодой»². Первое слово не точно, хотя я мог нечаянно употребить его.

Вопрос о том, какой металл выбрать в качестве стандарта, я считаю имеющим мало значения. В общем я вполне доволен существующим монетным уставом, во-первых, потому, что не люблю изменений, если они не представляют очевидной выгоды, и, во-вторых, потому, что с уверенностью ожидаю введения наиболее совершенных из известных теперь машин в серебряных рудниках, а это значительно понизит стоимость этого металла. Если это так, то серебро не пригодно в качестве стандарта. Эти возражения нельзя сделать против золота.

Лорд Лодердэль в своих речах и несколько авторов в статьях «Таймс» старались показать, что если Английский банк будет платить золотом, то оно все уйдет из страны в соответствии с монетным уставом, несмотря на то что только золото является законным платежным средством сумм свыше 40 шилл.³ Это совершенно абсурдно, и если бы вы показали,

¹ См. т. I настоящего издания, гл. VII «О внешней торговле».

² Речь идет о памфлете «Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения», где во втором издании сделана поправка в формулировке роли драгоценных металлов в денежном обращении. См. т. II настоящего издания, стр. 193. — *Прим. ред.*

³ Рикардо посвятил разбору этой аргументации Лодердэля большое примечание во втором издании своих «Начал...» Оно перешло также и в третье. См. т. I настоящего издания, гл. XXVII «О денежном обращении и банках», стр. 303—304. — *Прим. ред.*

что это так, то я был бы очень рад, потому что теперь это утверждение выдвигается в качестве довода в пользу продолжения запрещения размена.

Если вы думаете, что я могу быть вам сколько-нибудь полезным при просмотре корректур вашей статьи о вексельных курсах, я с большим удовольствием сделаю это, но из всего того, что я уже читал, видно, что вы все сделаете как следует. Если мне не изменяет память, Машет исправил свои таблицы в следующем издании. У меня здесь нет его книги.

Я рассмотрел некоторые из ваших предложений относительно исправления моей книги. Не могу согласиться с вашим легким отношением к вопросу о погашении национального долга. Я не мог бы согласиться на какой-нибудь другой способ ликвидации его, кроме уплаты, которая избавила бы нас от многих перечисленных вами зол, как, например, поощрение игры на бирже и т. д. Мы согласны насчет зол, но не насчет средств для их исправления. Отметим взгляды Бьюкенена в первом издании, я не могу теперь не сослаться на него еще раз, в особенности потому, что его возражения представляют весьма распространенные возражения, на которые я хотел бы ответить. Я посоветуюсь с Мэрреем насчет возможности включить в книгу несколько страниц из памфлета, которой вы удостоили вашим одобрением¹.

Мэррей прислал мне на несколько дней единственный экземпляр имеющегося в Лондоне французского перевода моей книги с примечаниями Сэя. Последний говорит обо мне с большим уважением и весьма любезно, но не соглашается с моей доктриной. Мне кажется, что он не совсем понял смысл выдвигаемых мною положений. Он пытается показать, что нет такой земли, которая не платила бы ренты, и полагает, что этим опроверг меня, в то же время он нигде не отмечает другого пункта, которому я придаю наибольшее значение: что в каждой стране часть капитала вложена в землю, которая уже находится в обработке и за которую не платится никакая рента, или, вернее, что никакая дополнительная рента не платится вследствие применения такого дополнительного капитала².

*Аппер Брук стрит, Лондон,
7 апреля 1819 г.*

Прошло много времени с тех пор, как я имел удовольствие получить от вас письмо, а так как я не хочу, чтобы наша кор-

¹ Это было действительно сделано во втором издании и сохранено в третьем. См. т. I настоящего издания, гл. XXVII «О денежном обращении и банках». — *Прим. ред.*

² Во втором издании Рикардо ответил Сэю. — *Прим. ред.*

респонденция совершенно прекратилась, пишу вам теперь, хотя и не имею сказать ничего, что вы сочли бы достойным письма. Чтобы настроить вас хорошо по отношению ко мне, я прежде всего скажу вам, что ваш опыт о деньгах в последнем номере «Эдинбург Ревью» вызвал всеобщие похвалы. Все компетентные в этом вопросе судьи признают, что ваш опыт представляет собой здравый и хорошо написанный обзор этого раздела политической экономии. Я уверен, что вы дали возможность многим членам Комитетов¹ обеих палат получить самые полезные сведения; что же касается меня самого, я весьма много обязан вам, так как мой план мог бы быть похоронен или забыт, если бы вы не спасли его от забвения и не сказали в его защиту больше, чем я сам был бы способен сказать. Вам будет приятно узнать, что исследование вероятных результатов принятия этого плана или некоторой модификации его составило один из главных предметов обсуждения в обоих комитетах; после же речи Пиля, так же как речи Кэннинга и маркиза Ленсдоуна, у меня осталось мало сомнения, что он будет рекомендован в обоих докладах как временная, если и не как постоянная мера. Если это так, то нам можно будет поставить в заслугу, что мы по крайней мере ускорили возвращение к здоровой, не подвергающейся колебаниям системе денежного обращения; невозможно ведь описать вам беспокойство директоров Английского банка при мысли, что им придется обеспечить запас монеты для этой цели. Они официально заявили, что, помимо обычного резерва, им необходимо будет не меньше 30 млн., и все же они выдвигали всевозможные препятствия против схемы, которая сделает такой запас ненужным. Все директора банка, за исключением двух или трех выдающихся, хотя и молодых, людей, отнюдь не продвинулись вперед в усвоении правильных идей по вопросу о деньгах со времени заседаний последнего комитета. В качестве совета директоров, хотя и не индивидуально, они все еще заявляют, что не могут поверить, будто повышение или падение вексельного курса имеет какую-либо связь с количеством их банкнот; они все еще утверждают, что высокая цена слитков, выраженная в их обесцененном мериле, означает то же самое, что и высокая меновая стоимость слитков, выраженная во всех других предметах, и они все еще утверждают, что эмиссия их банкнот была не чрезмерной, а скорее слишком умеренной. К счастью, комитеты лучше информированы, и, я думаю, мы

¹ Комитеты по вопросу о возобновлении платежей звонкой монетой. — *Прим. ред.*

можем ждать доклада, который, поскольку речь идет о деньгах, признает все важные принципы науки¹.

Вы уже знаете, конечно, что я занял свое место в Палате общин. Боюсь, что буду там мало полезен. Я дважды пытался говорить, но сильно при этом волновался, и не надеюсь справиться с волнением, которое овладевает мною, когда я слышу звук собственного голоса.

Нам обещают две работы по политической экономии: одну — из-под пера Мальтуса, другую — майора Торренса. Я хорошо знаком с взглядами обоих этих джентльменов и, хотя думаю, что они помогут распространению многих здравых принципов, все же считаю, что они слишком твердо придерживаются своих старых представлений, чтобы их работы означали решительный прогресс в науке. Вы — тот, кто должен дать нам полную систему политической экономии, написанную таким популярным образом, чтобы она легко была понята большинством читателей; никто не мог бы сделать это лучше; это могут засвидетельствовать все, читавшие две ваши статьи в журнале и ваш «Опыт о хлебной торговле».

Вчера сэр Джемс Мэкинтош познакомил меня в Палате лордов с Сисмонди, который приехал на короткое время в нашу страну. Он только что опубликовал книгу по политической экономии², в которой пытался показать ошибочность моих взглядов. Он сказал мне, что расходится также с Сэем. Мне было бы очень любопытно посмотреть его книгу, так как из тех немногих слов, которыми мы обменялись, видно, что он, кажется, не согласен ни с одним из наших известных писателей.

*Лондон, 8 мая 1819 г.*³

Газеты уже известили вас лучше, чем мог бы это сделать я, о сущности доклада Комитета об Английском банке, прочитанного в Палате общин в последнюю среду⁴. Так как я знал, что вы получите правильную информацию из этого источника, то не написал вам сейчас же после того, как узнал достоверно о плане, который рекомендован Комитетом. Принятый Комитетом план отклоняется от первоначально предложенного в двух пунктах. Комитет полагает, что слитки, выдаваемые банком в обмен на банкноты, должны быть проверены и заштем-

¹ См. резолюции Совета директоров Английского банка, опубликованные во «Втором Отчете Комитета Палаты общин по возобновлению платежей звонкой монетой», 1819.

² «Nouveaux principes de l'économie politique...», 1819.

³ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 18 апреля 1819 г. — *Прим. ред.*

⁴ 6 мая 1819 г. См. «Hansard», XL, 152.

пелеваны на Монетном дворе, и рекомендует, чтобы самое позднее после 1823 г. мы вернулись к старой системе платежа звонкой монетой. Быть может, в обоих случаях Комитет поступил правильно, так как при продолжающейся упорной оппозиции банка он считал необходимым штемпелевать слитки, чтобы они могли быть законно названы деньгами крупного достоинства и чтобы банк не мог заявить протест против возложения на эту корпорацию обязанности платить слитками; от этой последней банк, по словам директоров, свободен в силу своей хартии. Во-вторых, комитет должен был бороться с общественным предубеждением и, быть может, с предпочтением, которое сам проявляет в пользу монеты. Если в течение ближайших пяти лет страна не будет испытывать никаких неудобств в результате действия этого плана, то банк будет в авангарде тех, кто будет настаивать, чтобы этот план был принят как постоянная система.

Я был очень удивлен, что при тех возможностях получать большие прибыли, какие дает банку его монополия, его добавочный капитал не превышает 5 млн. Как плохо должен был он вести свои дела. При хорошем управлении он мог бы иметь в два раза большую сумму.

Банк все время доказывал, что выпуск банкнот не был чрезмерным. С трудом верится, что в августе 1814 г. одни только ссуды правительству достигали колоссальной суммы — в 35 млн. В феврале 1816 г. эти ссуды понизились до 20 млн., редко составляли в дальнейшем меньше чем 27—28 млн. и лишь в текущем году снова понизились до 23 млн.

В приложении к докладу Палаты лордов будет напечатан отчет о количестве золота и серебра, перечеканенного в монету на Монетном дворе от 56 [года царствования] Георга III (1816 г.) до января 1819 г., а также отчет о расходах по этой чеканке; по этому последнему можно будет составить себе довольно точное представление о расходах на чеканку в течение отдельного года или ряда лет. Опасаюсь, что министры не дадут мне такого детального отчета, какой вы рекомендуете.

Благодарю вас за различные номера «Скотсмена», но прошу вас не затруднять себя в будущем, так как я всегда читаю его у Брукса¹, куда эта газета поступает. Я читал газету за 17 апреля еще до того, как получил ее от вас, это доставило мне большое удовольствие. Я уверен, что ваша статья² неопровержима. Мне приходится так часто слышать в Палате общин величайшие нелепости по поводу интересов сельского хозяйства и необходимости поддержать его путем новых огра-

¹ Клуб оппозиционеров, членом которого был Рикардо. — *Прим. ред.*

² Статья о ввозе зерна.

ничений ввоза хлеба, что я желал бы обладать способностью опровергать эти глупые аргументы так же хорошо моим языком, как вы это делаете вашим пером. Они не остались бы тогда без ответа.

Лондон, 22 июня 1819 г.¹

Надеюсь, что вы получили доклад Комитета Палаты лордов о банковских делах, который я послал вам по почте. Этот доклад содержит отчет о средней годовой сумме находившихся в обращении банкнот больше чем за 20 лет и, мне кажется, представляет как раз тот документ, который вы желали видеть.

Многие из наиболее сведущих членов обоих комитетов расположены принять мой план денежного обращения в качестве постоянного постановления, но они думают, что у плана было бы больше шансов найти сторонников после того, как он подвергся бы испытанию в течение нескольких лет. Я придерживаюсь того же мнения и возражаю против только что принятого билля лишь потому, что он наложит на банк обязательство покупать золото и подготовить платежи звонкой монетой в 1821 г., хотя такие платежи могут оказаться ненужными.

Боюсь, что мне не удастся получить отчет о расходах Монетного двора за такой долгий период, как вы просите. Я уверен, что министры возражали бы против представления такого отчета, а я слишком молодой член Палаты, чтобы внести такое предложение на рассмотрение парламента, не зная заранее, что оно будет принято.

Векселя покупаются и продаются на бирже маклерами, которые знакомятся с состоянием спроса и предложения. В цене векселей имеется разница, соответственно тому, выдаются ли они на лиц, пользующихся несомненным кредитом, и людьми кредитоспособными. Имеются также посредники, которые широко спекулируют на повышении или понижении вексельного курса и либо покупают, либо продают векселя, не имея на то основания, обусловленного какой-либо предшествовавшей сделкой, а лишь в ожидании будущего предложения и спроса на векселя. Практика, насколько мне известно, сводится к следующему: вексельные маклеры обходят различных торговцев и устанавливают, являются ли они продавцами или покупателями векселей. Наиболее влиятельный из них, принимая во внимание соотношение между покупателями и продавцами, предлагает цену, по которой совершаются все сделки данного дня с такими отклонениями, которым подвергаются отдельные векселя согласно более высокому или низкому их кредиту.

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 30 мая 1819 г. — *Прим. ред.*

Из показаний в Комитете вы увидите, что торговцы, пользующиеся наибольшим кредитом, обычно продают свои векселя на лучших условиях, чем котированная цена.

Надеюсь, что мистер или, кажется, сэр Вальтер Скотт оправился от своего недомогания. Его последний роман только что вышел, но в моем доме спрос на него так велик, что я еще не видел его. Я должен согласиться отложить чтение этого романа до переезда в деревню. Тогда я буду также читать последнее произведение Сисмонди, которое я готов причислить к описанной вами категории, т. е. произведение не менее экстраординарное, чем произведение доктора Парвеса¹, если подобное лицо действительно существует.

Вы, вероятно, слышали, что Милль получил очень почетное место в Ост-Индской компании. Принимая во внимание взгляды, которые он так прямо высказал о правительстве Индии, следует признать, что это назначение делает большую честь директорам компании.

Мальтус, с которым я очень близок, с уверенностью говорит, что его сочинение по политической экономии выйдет весной следующего года. Когда мы встречаемся, мы вступаем в очень решительные споры, но сохраняем друг к другу наилучшее расположение. Каждый его взгляд становится предметом серьезной дискуссии между нами. Я говорю ему, что в этом отношении у него очень большое преимущество предо мною. Истина же заключается в том, что он слишком робок, а я слишком напорист.

2 октября 1819 г.²

1. В цифрах, приведенных на верху второй страницы, имеются незначительные ошибки³: во второй строке вместо 100 100 ф. ст. должно быть 100 000, а на третьей вместо 89 100—89 108 ф. ст.:

1% от 89 108
или 891

Итого 89 999

¹ Псевдоним утописта Грэй, выступившего против теории населения Мальтуса. — *Прим. ред.*

² Ответ на письмо Мак-Куллоха от 25 сентября 1819 г., в котором последний просил Рикардо просмотреть присылаемую ему корректуру своей статьи о вексельном курсе, написанной им для приложения к Британской энциклопедии. В своем письме Рикардо не только исправляет ошибки, но дает обстоятельную критику всей статьи. — *Прим. ред.*

³ Эти ошибки были исправлены в статье Мак-Куллоха. — *Прим. ред.*

Такая же ошибка, происходящая от приравнения премии в 1% на какую-либо сумму к учетной ставке тоже в 1% с такой же суммы, сделана и в другом месте. Если цена товара поднялась со 100 ф. ст. до 200 ф. ст., то она повысилась на 100%; но если она снова упадет до 100 ф. ст., то она понизится только на 50%. Ни один товар не может понизиться в цене на 100%, если сохраняет хоть какую-либо стоимость. Примените это замечание к началу 8-й страницы¹, где вы говорите о фондах, стоящих только половину их номинальной стоимости «или обесценившихся на 100%». Не следовало ли сказать: «на 50%»?

2. Я думаю, что причина более благоприятного для Лондона вексельного курса заключается скорее в избытке денег в провинции². Та же причина могла бы вызвать то же последствие, если бы как в Лондоне, так и в провинции употреблялась только звонкая монета. Уменьшите в провинции количество денег в обращении, и вексельный курс станет благоприятным для провинции. Количество их никогда не будет уменьшено в должной степени, потому что провинциальные банки заинтересованы в том, чтобы сохранять в провинции возможно большее количество денег в обращении. Я не могу не думать, что во всех случаях неблагоприятный вексельный курс можно проследить до относительного избытка денег в обращении.

Предположим, что страна ведет свое денежное обращение при помощи звонкой монеты, что рыночная и монетная цена золота одинаковы и что вексельный курс сохраняется на одном уровне с другими странами. Предположим теперь, что золото требуется в большом количестве для наших фабрик: цена его тогда поднимется выше монетной цены, если монеты не могут быть быстро превращены в слитки, но они будут превращены в слитки, и так как количество монет уменьшится, то меновая стоимость их возрастет по сравнению с другими товарами. Падение стоимости товаров в этом случае содействовало бы вывозу последних и ввозу золота, и, таким образом, благодаря притоку золота количество денег в нашей стране снова возросло бы, а стоимость денег понизилась бы. И пока это продолжалось бы, вексельный курс был бы благоприятен для Англии.

Но предположим, что Англия имеет в обращении только бумажные деньги, неразменные на золото и что возникает такой же спрос на золото для наших фабрик; золото тогда повысится в цене, при оценке в бумажных деньгах, и поэтому при

¹ Эти ошибки не были исправлены. — *Прим. ред.*

² Мак-Куллох говорит в своей статье, что причиной благоприятного для Лондона курса являются «спрос на векселя на Лондон» и «более высокая стоимость банкнот Английского банка». — *Прим. ред.*

том же номинальном вексельном курсе, что и прежде, может стать выгодным ввозить золото. Но даже в этом случае можно, по моему мнению, по справедливости сказать, что вексельный курс был неблагоприятен для чужой страны, потому что ее количество денег в обращении было там относительно избыточно. Слитки представляют товар, в котором можно оценивать стоимость обращающихся денег. В Англии они понизились бы в стоимости, потому что после повышения цены слитков на них можно было бы купить меньше унций золота, чем прежде. А в других странах они (в пределах расходов по пересылке) сохранили бы прежнюю стоимость: на слитки или монету можно было бы покупать за границей то же самое количество товаров, что и прежде; в Англии на них можно было бы купить больше. Прежнее количество бумажных денег в Англии было бы эквивалентно меньшему количеству золота; прежнее количество иностранных денег было бы эквивалентно прежнему количеству золота. Вексельный курс изменялся бы в силу относительно более высокой стоимости денег чужой страны.

3. Вы говорите, что курс иностранных векселей зависит целиком от двух обстоятельств: «во-первых, от стоимости денег в том месте, где эти векселя подлежат оплате сравнительно со стоимостью денег в том месте, где они выдаются; во-вторых, от отношения между предложением векселей на рынке и спросом на них». Из того, что я уже сказал, вам ясно, что я не вижу разницы между этими двумя причинами; они мне кажутся тождественными. Предложение векселей и спрос на них должны зависеть от предшествовавших покупок и продаж товаров в обеих странах, а эти сделки целиком зависят от относительного уровня цен. Но относительный уровень цен определяется относительной стоимостью или количеством денег в обращении. Увеличьте во Франции количество обращающихся денег, тогда и цены товаров там поднимутся и товары будут туда ввозиться из Англии. Векселя на Францию станут в Англии дешевле, векселя на Англию станут во Франции дороже. Спрос и предложение будет строго регулироваться относительной стоимостью денег, находящихся в обращении в обеих странах. Удвойте количество их в Англии, цена товаров повысится в Англии вдвое в сравнении с их прежней ценой, и двойное количество английских денег будет даваться за прежнее количество французских денег. Это, несомненно, — только номинальное изменение; действительная стоимость и товаров и векселей останется прежней. На деле изменился реальный паритет и ничего больше. Вместо того чтобы установить паритет путем определения прежней стоимости фунта стерлингов, его следует вычислить на основе его нынешней

стоимости, а последняя должна быть определена по стоимости слитков, которые можно купить на фунт стерлингов.

Мы подразумеваем одно и то же, но я сомневаюсь, есть ли какое-либо преимущество в проведении различия между реальным и номинальным курсом; все стало бы ясно, если бы мы исправляли паритет при всяком изменении в слитковой стоимости денег (см. примечание в конце этого письма).

4. В статье об иностранном вексельном курсе вы говорите: «Цена иностранных векселей зависит от стоимости денег в том месте, где эти векселя подлежат оплате, сравнительно со стоимостью денег в том месте, где они выдаются». Но вскоре после этого сказано, что «сравнительная стоимость денег отдельных стран должна зависеть, во-первых, от относительной стоимости слитков в этих странах и, во-вторых, от количества золота, содержащегося в их монетах, или от количества золота, на которое обмениваются бумажные деньги или другое средство обращения этих стран». Не хотите ли вы этим сказать, что цена иностранных векселей зависит от относительной стоимости слитков в странах, между которыми заключаются вексельные сделки? Вы соглашаетесь со мною, что при некоторых обстоятельствах слитки могут обладать большей стоимостью в Польше, чем в Англии; но курс векселя на Францию в 10 тыс. франков не изменится на этом основании ни в той, ни в другой из этих стран; в каждой из них за вексель на Францию должно быть уплачено одинаковое количество золота, без какого-либо отношения к количеству хлеба или труда, которое можно купить на него. Верно, что расходы по пересылке слитков из Франции в Польшу могут превысить расходы по пересылке их в Англию, но это обстоятельство не изменит паритета; оно вызовет лишь более значительное отклонение вексельного курса от паритета между более отдаленными странами, прежде чем движение слитков приостановит повышение или падение вексельного курса. Я не могу не думать, что язык доклада о слитках правилен и что мы ввели бы новое и менее удовлетворительное определение, если бы ввели расходы такого рода в исчисление паритета вексельного курса между различными странами¹. Предположим, что расходы по пересылке серебра из Польши во Францию или из Франции в Польшу составляют 5%; в этом случае, по моему мнению, было бы правильно сказать, что вексельный курс сохраняет свой паритет, если за 100 унций серебра в Польше можно купить вексель в 100 унций серебра, подлежащий оплате во Франции. На основании вашего объяснения я не знаю, будете ли вы считать, что вексельный курс сохраняет свой паритет, если в Польше дают

¹ Как это предлагает сделать Мак-Куллох. — *Прим. ред.*

105 унций за вексель в 100 унций, подлежащий оплате во Франции, или если во Франции платят 105 унций за вексель в 100 унций, подлежащий оплате в Польше.

Ограничения, наложенные на вывоз золота, могут понизить его относительную стоимость в Испании на 3%; поэтому, если так называемый паритет отличался бы от номинального вексельного курса и разница в 3% была бы против Испании, то это отклонение могло бы быть названо номинальным с таким же основанием, как если бы оно было вызвано обилием бумажных денег, не разменных на слитки. Рыночная цена слитков, которые можно было бы законно вывозить, была бы в Испании на 3% выше монетной цены.

5. В этом параграфе слово «стоимость» имеет двусмысленное значение. В первой фразе я понимаю его так: «всякое обстоятельство, вызывающее повышение или понижение относительной стоимости драгоценных металлов, измеряемой в товарах, должно соответственно подействовать на номинальный вексельный курс с другими странами»¹; я согласен с этим, если вы предполагаете, что драгоценные металлы могут быть принудительно удержаны в такой стране. Если же они вывозятся свободно, то я думаю, что затронут будет реальный вексельный курс, хотя вывоз металлов не будет производиться, пока вексельный курс сохраняет свой паритет. Вексельный курс может в течение значительного времени оставаться неблагоприятным для вывозящей страны в пределах расходов по пересылке слитков. Когда вы говорите затем о «разнице между стоимостью драгоценных металлов на внутреннем и внешнем рынках», то как вы измеряете эту стоимость? Если вы скажете «в товарах», то, спрашиваю я, в товарах какой страны?

6. Это будет зависеть от изобилия обрезанной монеты². Если количество последней не будет чрезмерным, реальный паритет будет или должен измеряться не содержанием чистого металла в монете, а тем количеством его, которое она должна была содержать, если бы не была обрезана. Обесценение денег есть необходимое следствие обрезывания монет.

7. Здесь можно сделать то же замечание, что и по пункту 6. Если монета, несмотря на пошлину за чеканку, обращается по высокой стоимости, то паритет вексельного курса должен регулироваться такой стоимостью.

8. Не подтверждает ли этот параграф указанное выше мнение? Реальный паритет точно измеряется рыночной стоимостью

¹ Фраза Мак-Куллоха, в которой вместо слов «измеряемой в товарах» стоят слова «в отдельных странах». — *Прим. ред.*

² Ответ на замечание Мак-Куллоха о том, что реальный паритет между деньгами двух стран, обрезанными в неравной степени, должен быть установлен по их относительному весу. — *Прим. ред.*

фунта стерлингов; эта рыночная стоимость обесценена, поэтому устанавливается или должен быть установлен новый реальный паритет.

9. Потому что редко случается, чтобы деньги той или другой страны не были избыточны. Именно избыточность или недостаточность является причиной того, что балансы уплачиваются одной страной в пользу другой.

10. Нам не следовало бы ввозить ни одной унции золота из Гамбурга, потому что реальный вексельный курс был бы не таков, чтобы ввоз его мог доставить прибыль, тогда как есть другие товары, которые можно было бы ввозить с большей выгодой.

11. При условии, что стоимость денег не изменяется.

12. Это верно, если цены товаров не изменяются в силу той же причины, в силу которой изменяется вексельный курс, а именно в силу избыточности денег в одной из двух стран.

13. См. последнее замечание.

14. Я немного сомневаюсь, что эта тенденция исчезает¹.

15. Сомневаюсь, что необычно дефицитное предложение хлеба «должно всегда существенно затрагивать состояние дебета и кредита с иностранными странами»². Если наш ввоз будет иметь большую стоимость, то мы будем также вывозить товаров на большую стоимость. Если мы ввозим необычное количество хлеба, нам труднее будет и мы будем менее склонны покупать обычное количество других иностранных товаров. Предполагается, что в этом случае вывоз товаров вызывается предшествовавшим воздействием на вексельный курс. Я думаю, что он вызывается необычным ввозом иностранных товаров.

16. Здесь вы употребляете обычный язык и говорите, что номинальный вексельный курс на Рио-де-Жанейро будет на 5% в пользу Лондона³. Предполагается, что деньги обеих стран соответствуют их монетному стандарту и что, следовательно, номинальный вексельный курс тождественен с реальным вексельным курсом. Вы поэтому соглашаетесь, что реальный вексельный курс благоприятен для Англии, если он отклоняется от паритета на какую-либо часть расходов по пересылке; вы констатируете, что реальный паритет таков, как его определил комитет о слитках, и вы цитируете это определение на 4-й странице. Последняя часть параграфа, по моему мнению, противоречит первой. В первой нам говорят, что если рыночная и

¹ Речь идет о колебаниях вексельного курса, каковые, по мнению Мак-Куллоха, имеют тенденцию к исчезновению. — *Прим. ред.*

² Слова Мак-Куллоха. — *Прим. ред.*

³ По мнению Мак-Куллоха, стоимость пересылки денег из Рио-де-Жанейро в Лондон составляет 5%. — *Прим. ред.*

монетная цены слитков совпадают как в Рио-де-Жанейро, так и в Лондоне и слитки пересылаются из Рио-де-Жанейро в Лондон с издержками в 5%, то номинальный, или, что в данном случае одно и то же, реальный, вексельный курс будет на 5% в пользу Англии; в последней же части нам говорят, что при таких же точно условиях расходы по пересылке будет определять неблагоприятный *номинальный* вексельный курс. Я полагаю, что под номинальным вексельным курсом вы подразумеваете то процентное изменение вексельного курса, которое вызывается обесценением денег в той или иной стране. Но вы не объяснили, что вы считаете в точности обесценением денег. Я думал: вы всегда считали правильным измерять обесценение денег через соответствие их рыночной цены с их монетной ценой, но тут вы говорите о другом обесценении, об относительном обесценении. Если вексельный курс на 5% против Рио-де-Жанейро и деньги поэтому приливают в Англию, то я согласен с вами, что в этом размере деньги относительно обесценены в Рио-де-Жанейро; 105 унций серебра в одном месте действительно уплачиваются, чтобы получить 100 унций в другом; но вексельный курс, являющийся следствием этого относительного обесценения, должен быть, по моему мнению, назван реальным, а не номинальным. Если вы оспариваете это, то я не знаю, что вы будете называть реальным благоприятным вексельным курсом. Если бы не было никаких расходов по пересылке золотых слитков из одной страны в другую, вексельный курс никогда не отклонялся бы от паритета. Он был бы так же неизменен, как цена слитков в странах, в которых деньги свободно обмениваются на золото по предъявлению. С моей точки зрения, весьма важно проводить очень четкое разграничение между фактическим и относительным обесценением денег. Не может быть никакого неблагоприятного вексельного курса без относительного обесценения; вексельный курс может быть еще более неблагоприятным по причине фактического обесценения. В этом случае относительное обесценение возрастает. Я думаю, что в принципе мы согласны, и возражаю только против формы изложения.

17. Если принять вашу формулировку и признать ваши допущения, то вексельный курс никогда не сможет *очень сильно отличаться от паритета*. Вы говорите: «Если бы номинальный вексельный курс был менее неблагоприятен, это показывало бы, что реальный вексельный курс был в пользу Лондона». Он не мог бы быть ни более, ни менее неблагоприятным, и, следовательно, реальный вексельный курс не мог бы отклоняться от паритета. Деньги могут относительно обесцениваться только в силу двух причин: во-первых, в силу действительного обесценения их стоимости сравнительно с их золотым стандар-

том; во-вторых, в зависимости от расходов по пересылке их из одной страны в другую. Последняя причина всегда является пределом, внутри которого колеблется реальный вексельный курс. Вы объединяете обе причины и затем говорите: если имеется еще что-нибудь, кроме этих причин, могущее отклонить номинальный вексельный курс от паритета, то только в этом случае вексельный курс действительно неблагоприятен. Я спрашиваю, каким образом он может отклоняться еще больше, если номинальный вексельный курс является точным показателем относительного обесценения?

18. Я согласен с приводимым здесь аргументом, но полагаю, что слово «относительная» в выражении «относительная избыточность» должно быть выпущено. Реальный неблагоприятный вексельный курс, который, как признано, способствует вывозу, всегда, по моему мнению, сопровождается и, можно даже сказать, вызывается относительной избыточностью.

Примечание в конце письма.

При дальнейшем размышлении я пришел к выводу, что проведение различия между номинальным и реальным вексельным курсом может быть весьма полезно, но это различие должно быть ясно определено. Можно сказать, что вексельный курс может изменяться номинально в пределах разницы между рыночной и монетной ценой золота и подвергаться реальному изменению при всяком отклонении от паритета, превышающем или не достигающем этой разницы. Вы, кажется, определили именно так различие между номинальным и реальным вексельным курсом.

Лондон, 18 декабря 1819 г.

Вместе с вашим последним письмом я получил вашу статью о вексельном курсе, которую до сих пор не успел прочитать как следует; из того, что я подметил, я заключаю, что между нами не будет никакого иного разногласия, кроме того, которое составляет часть содержания вашего первого письма¹. Что касается даже и этого разногласия, то я думаю, что мы не можем ясно понять термины друг друга. Ведь я утверждаю не больше того, что признано вами на стр. 208 вашей статьи, начиная со слов: «при оценке сравнительного количества»², и т. д.

¹ Письмо Мак-Куллоха от 2 ноября 1819 г. по вопросу о номинальном и реальном вексельном курсе. — *Прим. ред.*

² «При оценке сравнительного количества золота, содержащегося в монетах различных стран, для сравнения выбирается в качестве полноценного или стандартного образца определенная монета одной какой-либо страны, как, например, британский фунт стерлингов. Отношение между такой монетой и монетами других стран — по их монетному

Вы, кажется, признаете тут определение вексельного паритета, данное Комитетом о слитках, а на стр. 207 вы утверждаете, что оно неправильно. Если бы сахар служил средством обращения во всем мире, я считал бы правильным сказать, что вексельный курс сохраняет свой паритет, когда вексель, «который стоит 100 бочек сахара в Лондоне, давал бы только 100 бочек в Ямайке». Вы, по-видимому, думаете, что это мнение не вполне согласуется с тем мнением (на последнее вы ссылаетесь в вашем письме), которое я высказал в своем ответе Бозанкету. По вашим словам, вы понимаете меня в том смысле, что если когда-нибудь данное количество драгоценных металлов стоит в Испании больше, чем то же количество в Южной Америке, то номинальный вексельный курс должен быть соответственно в пользу первой. Если вместо слов «номинальный вексельный курс» вы поставите слова «реальный вексельный курс», то вы точно выразите мое мнение, а оно, как я думаю, вполне согласно с взглядом на этот предмет, который я разделяю теперь. Вполне правильно ваше замечание, что, если бы перемещение металлов из одной страны в другую не было связано ни с какими расходами, вексельный курс мог бы, несмотря на это, отклоняться от паритета, поскольку для их перемещения необходимо время. Потерю процентов за время, необходимое для перемещения, я считаю частью расходов.

Не могу выразить, как я доволен вашим отзывом о статье о фонде погашения, которую я написал для Дополнения к Британской энциклопедии. Я был чрезвычайно недоволен ею и просил Милля, передавшего эту статью Нэпиру, сказать последнему, что, надеюсь, он без всякой церемонии отвергнет статью, если она ему покажется недостойной помещения в его издании. То, что вы говорите о ней, весьма лестно, и если публика будет судить хотя бы только наполовину так хорошо о моей работе, то я буду щедро вознагражден за свои страхи и беспокойство. Вы слишком хорошо отозвались о моей статье, чтобы с моей стороны было благоразумно пытаться сделать предлагаемые вами изменения. Весьма вероятно, что, продолжая дальше возиться с нею, я скорее испорчу ее, а не сделаю лучше. Вы судите обо мне по себе; это — образец, которому я был бы очень рад, если бы по справедливости мог применить его к себе. Вы можете перемещать отдельные части и переделывать произведения своего пера с большой легкостью. Я же, наоборот, делаю это с величайшими трудностями. Писать — для вас работа легкая; для меня это — большой труд. Мне не следует поэтому рисковать испортить статью, которая

стандартному весу и чеканке — устанавливается путем опыта. Так определяется паритет вексельного курса».

удостоилась вашего одобрения. Кроме того, другие занятия и обязанности помешают мне, вероятно, посвятить этому делу то внимание, которого оно потребовало бы.

Вы знаете из газет, что в Палате я пытался выразить в краткой речи некоторые из мнений, которых я придерживаюсь по вопросам, представляющим особый интерес в настоящий момент. Мне так же трудно говорить, как и писать, и я поэтому не могу судить, насколько мне удалось добиться понимания со стороны аудитории. Я слегка затронул вопрос о свободе торговли, который вы изложили так удачно. Введение необходимых улучшений в нашу систему требует твердости и постоянства — качеств, которых мы не найдем у наших нынешних министров. Они, по-видимому, вполне довольны, когда им удастся устранить какую-либо непосредственную трудность, отсрочив ее действие на один или два года.

Полковник Торренс показал мне статью — копию той, которую он послал вам. Больше чем когда-либо я убежден, что великим регулятором стоимости является количество труда, требующееся для производства товара, стоимость которого нужно определить. В эту доктрину должны быть внесены многие изменения в силу того обстоятельства, что для доставки товаров на рынок требуется неодинаковое время, но это не лишает доктрину ее значения. Я не удовлетворен объяснением, которое я дал принципам, регулирующим стоимость. Я желал бы, чтобы за это дело взялось более умелое перо. Беда заключается не в том, что данная доктрина не может устранить все трудности, а в неспособности того, кто пытался объяснить их.

После того как я прочту следующее сочинение Мальтуса, которое, кажется, находится теперь в печати, я буду в состоянии решить, не были ли переоценены его способности, как политика. Я признаю, что его опасная ересь по вопросу о хлебных законах создает сильную презумпцию в пользу заключения, к которому вы пришли.

Лондон, 28 февраля 1820 г.

Прошло уже много времени с тех пор, как я писал вам, но боюсь, что и теперь имею мало что сказать, что было бы достойно вашего внимания. Смерть короля приостановила всякую общественную деятельность, и самый большой интерес для всех окружающих меня представляют приближающиеся выборы. Для некоторых они — предмет надежды, для других — предмет опасения, но что касается сил обеих противостоящих друг другу партий, то опытные в этих делах люди говорят мне, что будущий парламент не будет существенно отличаться от нынешнего. Мое место в парламенте кажется мне очень

надежным. Я буду представлять тот же округ, от которого я теперь послан. Слух, что я буду кандидатом от графства Глостер, не имеет ни малейшего основания. Меня не приглашали выдвинуть свою кандидатуру, и, если бы я получил приглашение, я не согласился бы на такое рискованное предприятие, как состязание с семьей Бьюфорт¹.

С большим удовольствием читал я удачные статьи, которые я ежедневно нахожу в журнале «Скотсмен». Они продолжают защищать правое дело, не впадая при этом в крайности и умеренность языка. Я благодарен вам за поддержку, которую вы оказали моему предложению в Палате общин относительно уплаты национального долга. Мне всегда доставляет удовлетворение узнать, что мое мнение находит вашу поддержку; я был рад узнать, что вы считаете желательным принести необходимые жертвы для того, чтобы избавиться от тяжелого бремени, которое парализует все наши усилия. Держатели государственных бумаг — очень неразумная группа людей; во всех своих замечаниях по поводу моего предложения они горько жалуются на то, что, по-моему, они должны получить не больше, чем 70 за свои 3-процентные бумаги. Не знаю, что они сказали бы вам, — ведь вы предлагаете платить им только 40%. Реформированная Палата общин (если мы когда-либо будем иметь такое благо) должна была бы поступить в этом вопросе о цене со строгой справедливостью по отношению к плательщикам и получателям налогов и не бояться криков, которые поднимают с обеих сторон все те, кто преследует только личные выгоды; а если реформа палаты не будет осуществлена, то долг может, я полагаю, остаться в прежнем виде. Из того, что я наблюдаю, я заключаю с уверенностью, что не таким способом мы избавимся от своего долга. Наши тяготы могут и, наверное, будут продолжать давить на нас в течение многих еще лет, но в конце концов они будут насильственно сброшены с наших плеч, и держатели государственных бумаг вместо того, чтобы жаловаться несправедливо, по-моему, на то, что им не платят по 100 за их 3-процентные бумаги, будут справедливо жаловаться, что потеряли и капитал и проценты.

Землевладельцы, все, кто заинтересован в земледелии, громко жалуются на существующие хлебные законы и, думаю, захотят оказать на парламент давление, чтобы добиться улуч-

¹ Герцог Бьюфорт отклонил кандидатуру Рикардо для выборов в «Мирную комиссию» графства на том основании, что в парламенте Рикардо боролся «за финансовые и политические реформы и в особенности за то, что он выступал против уголовных преследований, возбуждаемых в связи с высказываниями мнений или религиозных разногласий» (Political Economy Club, 1921).

шения законов, как они это называют. Если у нас будут законы для защиты интересов лендлордов, то я согласен с теми, кто на них жалуется: эти законы должны иметь другую форму, чем нынешняя, так как эти законы рассчитаны на то, чтобы вызывать в цене хлеба самые вредные изменения, которые не могут быть желательны ни для производителя, ни для потребителя. Постоянный налог на ввоз, не превышающий тех особых налогов, которыми облагается выращивание хлеба, был бы, по моему мнению, наиболее разумной политикой; но, вероятно, такой ограниченный налог далеко не удовлетворил бы интересов лендлордов. Нам пришлось бы тогда выбирать между более высоким постоянным налогом или налогом, изменяющимся вместе с ценой. Если бы цель состояла в удержании цены хлеба на уровне 80 шилл. за квартал, можно было бы разрешить беспопытный ввоз хлеба, пока он продается по этой цене, ввести пошлину в 1 шилл. за квартал, когда цена его падает до 79, в 2 шилл., когда она падает до 78, и т. д. Серьезное возражение против такой меры состоит в том, что 80 шилл. стали бы известным образом максимумом цены, в то время как не было бы принято никаких мер для установления минимума. У производителя хлеба было бы немного шансов продать свой хлеб при каких бы то ни было обстоятельствах выше чем за 80 шилл., но нет никакого предела для низкой цены, по которой в других случаях он мог бы быть вынужден продавать. Таковы невыгоды, которым не подвергается никакая другая отрасль хозяйства; если фабрикант имеет дело с переполнением рынка его товаром и, следовательно, с низкими ценами, то зато в другое время он выигрывает благодаря необычайному спросу и высоким ценам. Правда, фермер может принять во внимание эту особую невыгоду и поэтому настаивать на более высокой средней прибыли. Если бы он так поступал, то это само собой действовало бы как налог на хлеб, так как эта надбавка неизбежно пала бы на потребителя, а не на землевладельца. Прежде чем начнется какая-либо дискуссия в Палате общин, я думаю освежить в памяти сущность вашей прекрасной статьи о хлебных законах. Я в данное время не помню, сделали ли вы какие-нибудь замечания по поводу той стороны вопроса, о которой я теперь пишу.

Мне доставила большое удовольствие статья полковника Торренса в последнем номере «Эдинбург Ревью». Думаю, что в ней имеется лишь одно положение, которое я был бы расположен оспаривать. Мальтус, который провел со мною в течение последней недели два-три часа, был вполне убежден, что статья написана вами, пока я его не разубедил; он едва мог поверить, что полковник Торренс всецело согласен с доктринами, которые мы с вами защищаем. Мальтус упорно продол-

жает отрицать, что спрос ограничивается только производством. Он думает, что капитал можно увеличивать в какой-либо стране с злым умыслом; в своем новом произведении он намеревается сделать несколько замечаний по этому поводу, полагая ошибочными доктрины, излагаемые автором этой статьи. Книга его находилась в печати очень долго и должна быть теперь почти готова для опубликования. В нашей последней беседе он упорно защищал взгляды, которых он давно придерживается и которые, по моему мнению, весьма далеки от истины. В общем, однако, он, как мне кажется, несколько приблизился к нам, и я подозреваю, что в его книге разногласия между ним и мною не будут казаться такими большими, какими они кажутся в беседах.

Надеюсь, что ваши другие занятия не помешают вам посвящать часть вашего времени политической экономии. Эта наука уже многим обязана вам, но общественное мнение не настолько еще информировано, чтобы не нуждаться в помощи; таковую может оказать ему ваше перо. Надеюсь увидеть вашу статью в следующем номере журнала.

Лондон, 29 марта 1820 г.¹

Я был очень рад вашему любезному письму от 19 числа текущего месяца и пользуюсь нынешним периодом бездействия, чтобы вступить с вами в маленькую дискуссию по поводу некоторых пунктов, содержащихся в вашей статье о налогах в последнем номере «Эдинбург Ревью». Я знаю, что мы оба имеем в виду одну и ту же цель, а именно установление истины, и поэтому без всяких колебаний знакомлю вас с моими взглядами как тогда, когда они расходятся с вашими, так и тогда, когда они с ними сходятся. В статье, о которой идет речь, вы защищали с своей обычной силой и умелостью великие истины политической экономии, которые вы сами прежде изложили так удовлетворительно и ясно, но в ней имеются некоторые мелкие пункты, которых вы касаетесь и которые я рекомендую вам пересмотреть; если же вы найдете какую-либо ошибку в доводах, которыми я поддерживаю мнение, противоположное вашему, то, будьте добры, сообщите мне об этом, чтобы я мог рассмотреть ваши замечания со всей тщательностью и вниманием, которых они, я убежден, заслуживают.

¹ Это письмо Рикардо от 29 марта 1820 г. является не столько ответом на письмо Мак-Куллоха (от 19 марта), сколько критикой статьи последнего в январском номере «Эдинбург Ревью», точнее, его путаных взглядов о влиянии налогов и государственных займов на накопление капитала и занятость рабочих. — *Прим. ред.*

Трудящиеся классы во всех странах больше всего заинтересованы в том, чтобы предложение труда было ниже спроса, но они счастливее всего, когда фонд на содержание труда, а следовательно, и спрос на него возрастает с наибольшей быстротой, а их средства для содержания своих семей и вступления в брак достигают высшего уровня, до которого они могут подняться. Налоги вредны для рабочего класса только потому, что они мешают накоплению капитала и уменьшают спрос на труд. Иногда это только замедляет темпы накопления, в другое время совершенно прекращает накопление, а в некоторых случаях налоги, уплачиваемые за счет самого капитала, в действительности уменьшают возможность для страны применять такое же количество труда, как прежде. Заработную плату можно регулировать, и она может оставаться в течение ряда лет на таком уровне, при котором население сможет возрастать непрерывно из года в год в пропорции, при которой оно удваивается за 25 лет. При других условиях эта способность удваиваться проявится, возможно, только в 50, 100 или 200 лет, или же высокая заработная плата будет стимулировать рост населения в столь малой степени, что оно будет возрастать самым медленным темпом или даже регрессировать. При регулировании заработной платы в одном из таких случаев уровень ее может быть или не быть затронут налогами с большим ущербом для рабочего класса.

Предположим, что рабочий класс переживает состояние изобилия, которое поощряет удвоение населения за 25 лет, и предположим, что устанавливается налог в 20% на заработную плату непосредственно или на предметы первой необходимости, на которые расходуется заработная плата. Какое действие окажет такой налог на действительный комфорт рабочих? Никакого, отвечаю я, если он только не уменьшит спроса на труд, потому что он немедленно будет переложен на работодателей и, следовательно, уменьшит прибыль с капитала. Предположим, что заработная плата не возрастет после налога; каждый работодатель сможет использовать такое же количество рабочих, как и прежде, и к этому спросу был бы прибавлен добавочный спрос со стороны правительства, которое не может израсходовать эти налоги, не нанимая солдат, матросов и многих других рабочих. Это само по себе вскоре повысит цену труда и перенесет тяжесть на работодателя. Если я прежде употреблял 10 садовников, то после повышения заработной платы я не смогу нанять за ту же сумму больше 8 садовников, и таким образом налог в 20% падет на меня. Число работающих не увеличится, но двое перестают работать у меня и поступают на службу к правительству. Норма накопления остается без изменения, и не получается никакого дру-

того результата, кроме того, который имел бы место, если бы налог в таком же размере был наложен непосредственно на меня. Какова бы ни была прежняя ставка заработной платы, налог, очевидно, никогда не ухудшает положения рабочего, если только он не уменьшает спроса на труд, затрагивая норму накопления. Налоги обычно затрагивают норму накопления, и поэтому они вообще убыточны для рабочего, но когда мы ведем дорогостоящую войну и необходимо в течение года собрать большую сумму либо путем займа, либо путем налогов, равных по размерам этому займу, то первый способ, по-моему, более всего убыточен для рабочего, потому что он более существенно затронет накопление капитала. Если человек призван платить налог в 100 ф. ст. в год вместо единовременной уплаты в 2 тыс. ф. ст., он не будет делать таких же больших усилий ради сбережений, потому что лишь в редких случаях понимает, что налог в 100 ф. ст. в год по стоимости равняется 2 тыс. ф. ст., и, следовательно, система займов более разорительна для национального капитала, чем система тяжелого налогового обложения того же размера.

Я должен быстро изложить свои остальные замечания. На стр. 157 тяжелое положение бедняков рассматривается как синоним уменьшения ресурсов страны. Предположим, что нация увеличивает свой капитал на 2% в год, но что в то же время ее население возрастает на $2\frac{1}{2}\%$ в год, — не ясно ли, что к ее благотворительным фондам будут ежегодно предъявляться новые требования? Ежегодный чистый доход страны и вместе с ним средства потребления и наслаждения, находящиеся в распоряжении высших классов общества, будут возрастать, но будут сопровождаться ухудшением благосостояния или даже подлинной нищетой для широких масс народа.

Применение машин, по моему мнению, никогда не уменьшает спроса на труд — оно никогда не бывает причиной падения цены труда, но является следствием ее повышения. Если кто-либо установил паровую машину, потому что пользоваться машиной дешевле, чем человеческим трудом, и если это сопровождалось понижением цены труда, то предпочтение использование машины будет не в интересах кого-либо другого. Следовательно, если займы даются из капитала, то не из основного, а из оборотного капитала, в особенности если расходы правительства, даже при легком уменьшении капитала, увеличат, как это обычно происходит, спрос на людей. Основной капитал — строения, машины и т. д. — не может дать средства для займов: будучи раз созданы, они должны использоваться как капитал, или быть выброшены как бесполезные.

Вы подводите читателя к выводу, что великие открытия и усовершенствования машин и фабрик были в особенности бла-

гоприятны для нашей страны. Разве они, за исключением короткого периода времени, не одинаково выгодны для всякой другой страны, даже если они сохраняются только в нашей стране?

Вы говорите, что хлебные законы оказывают такое же действие, как если бы налог в 24,5 млн. взимался с потребителей хлеба для государственных расходов. Я прибавил бы: при условии, что 24,5 млн., получаемые землевладельцами, будут все расходоваться как доход и ни одна часть их не будет прибавлена к капиталу.

Быть может, вы считаете, что мои замечания придиричиво мелочны. Я и сам так думаю, но я поставил себе цель установить в точности, сходятся ли наши взгляды или расходятся. Обыкновенный читатель предпочел бы, быть может, чтобы его внимание не отвлекалось рассмотрением таких тонкостей, да такое рассмотрение и не существенно. Но, согласно моей теории, крупные расходы, если в них возникает нужда, должны покрываться в течение года налогами предпочтительно перед займами; мне важно поэтому показать, что это более благоприятно для накопления капитала, для спроса на труд и для общего благополучия. Холостой человек из рабочего класса может взять на себя и нередко берет свою долю налогов, но женатый рабочий имеет возможность вознаградить себя, добившись увеличения заработной платы, если только сумма налога не так тяжела, что мешает накоплению.

Вы не должны опасаться, что я скомпрометирую себя, высказывая свое мнение о хлебных законах. Я уже высказывался об этом предмете и выскажусь снова, если у меня вообще хватит мужества выступать. Как вы знаете, однако, я всегда утверждал, что производителей хлеба в нашей стране всегда следует защищать от всяких особых тягот, которые могут быть на них наложены, но в таком случае они должны доказать, что действительно несут эти тяготы. Я считаю фактом, что все другие отрасли производства обложены пропорционально больше, чем производство хлеба. Согласно моему принципу, мы можем налагать ограничения, чтобы восстановить естественное соотношение вещей, а вовсе не для того, чтобы нарушать его.

Лондон, 8 апреля 1820 г.¹

Пишу сейчас же после получения вашего письма, потому что предмет еще свеж в моей памяти и я хотел бы, чтобы мы

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 2 апреля, в котором последний лишь частично соглашается с мнением Рикардо о роли налогов и займов. «Субсидия России» фигурирует у него лишь в качестве примера. — *Прим. ред.*

ясно поняли, в чем действительно заключается разногласие между нами. Мне кажется, вы его неправильно понимаете. Я не отрицаю, что война сопровождается потерями и расточительностью и что ее бедствия, даже поскольку речь идет о налогах, широким образом не ограничиваются переводом наличной рабочей силы с работы для отдельных лиц на работу для государства; напротив, я вполне согласен, что обычными последствиями войны является прекращение или задержка накопления капитала. Но утверждаю, что бедняки страдают от этого расточения капитала не в силу особых налогов, которыми они облагаются, но благодаря нарушениям, которые вносятся войной в обычный спрос на труд. Не имеет значения, говорю я, обложены ли налогами вино, шелк, бархат — предметы роскоши для богатых или хлеб и одежда, потребляемые рабочим классом; в обоих случаях специфическим злом является не налог, а сведение на нет капитала, вызываемое налогом. Уничтожьте этот капитал займом в 30 млн. в течение года и взимайте налоги только для оплаты процентов, или извлеките 30 млн. в течение одного года путем налогов на предметы роскоши или предметы первой необходимости для бедняка, и действие будет то же самое — бедняк будет страдать, потому что 30 млн. капитала будут извлечены из активного употребления.

Мне казалось, что вы выдвигаете совершенно иную доктрину в одной части вашей статьи в журнале на стр. 160, начиная со слов «рабочий в этом отношении поставлен в гораздо более невыгодное положение и т. д. и т. д.». Я признаю, что рабочий может сильно страдать при неблагоприятных условиях обложения и т. д., но только потому, что уменьшается капитал и снижается спрос на труд. Если бы заем был заключен, чтобы дать субсидию России, или если бы сумма субсидии была получена путем налога в 6 пенс. с каждого четырехфунтового хлеба или налога в 100 ф. ст. на каждую бочку вина, то, при условии, что во всех случаях взимаемые суммы были бы одинаковы, для рабочего класса было бы сравнительно безразлично, какими способами они были собраны; великое зло состоит в размере взимаемой суммы, а не в способе ее взимания.

Лондонские торговцы составили петицию для подачи в Палату общин по вопросу о свободе торговли. Она доставит вам удовольствие. Посылаю вам экземпляр, но я должен просить вас не упоминать о ней в печати, пока она не будет представлена в Палату. Когда это будет сделано, то, насколько мне известно, ее основным авторам было бы приятно выражение вашего одобрения их петиции, в том случае, если, как я надеюсь, она покажется вам достойной одобрения.

Лондон, 2 мая 1820 г.

В газете «Скотсмен» за последнюю субботу, которую я только что получил, я с большим удовлетворением увидел, что вы с вашим обычным мастерством атаковали Мальтуса в том, что я считаю его основной исходной позицией¹. Уверяю вас, я в высшей степени доволен тем, что мне удалось, несмотря на мое несовершенное изложение, привлечь вас на защиту моих положений; ведь без вашего энергичного содействия у меня не было бы никаких шансов обеспечить проникновение в умы других людей. Благодаря весьма сложной природе проблемы стоимости у Мальтуса, по моему мнению, больше шансов открыть какой-нибудь недостаток в моей аргументации в главе, которая трактует о стоимости, чем в какой-либо другой части книги, и число их еще увеличивается благодаря моей гипотезе, что мера стоимости должна сама быть неизменной. Можно предположить, что эта мера производится при разных условиях. Она может быть продуктом только лишь применения труда, как это предполагает Мальтус, думая, что ее можно подобрать на морском берегу, для чего требуется аванс, достаточный только для одного дня пропитания; или она может быть произведена при помощи различных частей основного капитала, применяемых в течение различных периодов времени. Если она производится одним только трудом, если пол-унции серебра можно собрать на морском берегу за один день труда, то пол-унции серебра были бы всегда естественной ценой труда; последняя не могла бы ни повышаться, ни понижаться. Однако хлеб мог бы производиться с большими трудностями, и вследствие повышения его цены заработная плата рабочего была бы менее достаточна для обеспечения ему комфорта и всего необходимого. В этом случае я сказал бы, что заработная плата возрастет, потому что я всегда измеряю повышение стоимости каждого товара количеством труда, необходимого для его производства, и хотя заработная плата количественно уменьшится, потребуется все же больше труда на ее производство. Но если в рудниках будет применяться больше основного капитала или если значительное время должно пройти прежде, чем оборотный капитал будет возвращен в результате продажи серебра, то цена труда, выраженная в такой мере, будет в высшей степени изменчива. Стоимость каждого товара повысилась бы при измерении ее такой мерой вместе с повышением цены труда, если бы этот товар был продуктом одного только труда или если бы для производства его понадобилось меньше основного капитала, чем для производства денег. И, в силу

¹ В рецензии на книгу Мальтуса «Принципы политической экономии» Мак-Куллох защищает теорию стоимости Рикардо. — *Прим. ред.*

той же причины, те товары, которые были бы произведены при помощи более значительных долей основного капитала или требовали бы больше времени для отделки, упали бы, наоборот, в цене. Все это имеется в моей книге, но я высказался недостаточно ясно; я должен был бы сказать, что мера производства при определенных условиях, то существуют многие товары, которые могут подняться в цене вследствие повышения цены труда, хотя многие другие понизятся в цене, а цена некоторых изменится очень мало.

Вы, я знаю, понимаете меня, но я боюсь, что недостаточно подробно показал различные стороны вопроса. После самого тщательного рассмотрения вопроса я думаю, что имеются две причины, вызывающие изменения в относительной стоимости товаров: 1) относительное количество труда, требующееся для их производства; 2) относительные сроки, которые должны пройти прежде, чем результат такого труда может быть доставлен на рынок. Все вопросы основного капитала подходят под второе правило, которое я попытаюсь объяснить, если бы вы пожелали этого.

Я намеревался отметить те конкретные пункты, по которым Мальтус и я расходимся, и высказаться еще раз в защиту моих взглядов, но мне пришлось бы только еще раз повторить аргументы, приведенные в моей книге, потому что, по моему мнению, Мальтус их не затронул. Мера стоимости Мальтуса очень отлична от моей, но он нигде не придерживается ее последовательно. Иногда, говоря о повышении стоимости товаров, он имеет в виду повышение ее в деньгах; в другой раз — повышение в труде. Даже о самом своем стандарте он говорит как о повышающемся и понижающемся. В какой же мере он повышается и падает? В товарах, стоимость которых измеряется количеством того самого стандарта, который он именно и измеряет. Сукно повышается в цене, сказал бы он, потому что на 100 ярдов его можно будет купить больше труда. Но ведь в таком случае изменение происходит в цене сукна, а труд является мерой, в которой оно измеряется; однако труд имеется в изобилии, население избыточно, заработная плата низка, а доказательством этого служит тот факт, что больше труда, чем прежде, дается за 100 ярдов сукна и за многие другие товары.

Больше всего возражений вызывает, быть может, та глава в книге Мальтуса, в которой он говорит о плохих последствиях слишком большого накопления капитала и о вызываемом им недостатке спроса на произведенные товары. Эта доктрина естественно приводит к тому выводу, который делает Мальтус. Если бы я сам не прочел этого, то не смел бы возможным, чтобы такой просвещенный человек, как Мальтус, рекомендо-

вал налоговое обложение в качестве средства против наших нынешних бедствий. Он не понимает, что продукт страны всегда потребляется и что сбережение означает только, что более значительная часть его потребляется теми, кто воспроизводит стоимость, превышающую их потребление. В силу недостаточного числа рабочих они могут оказаться в состоянии потребовать такое количество продукта, что для прибыли немного лишь останется, и таким образом удерживать капиталистов от применения какого-либо добавочного капитала в воспроизводстве; но если общество еще не истощило всех своих ресурсов, то низкие прибыли возникают только в силу того, что число рабочих недостаточно для выполнения требующейся работы. Не может никогда случиться, чтобы и капитал, и труд были в одно и то же время избыточными, за исключением лишь случая истощения всех ресурсов, что я уже отмечал выше, а Мальтус говорит о низкой прибыли в силу недостатка спроса и считает вполне возможным, что можно иметь больше капитала, чем можно применить при избыточном населении.

Согласно Мальтусу, вы производите слишком много и потребляете слишком мало, а так как вы настолько упрямы, что не хотите сами потреблять, то он рекомендует, чтобы были введены налоги и чтобы государство расходовало вместо вас.

Мальтус, по-видимому, не понял моего взгляда на усовершенствования в земледелии. Я не отрицал, что в конечном счете они будут очень выгодны для землевладельцев, но их непосредственное действие состоит в том, что они понижают ренту. Когда та же самая земля вновь обрабатывается вследствие роста населения, хлебная рента землевладельца будет выше; но его денежная рента будет той же, что и прежде, потому что цена хлеба будет ниже. Так как, однако, земли худшего качества могут обрабатываться при более низкой цене хлеба, то после не особенно продолжительного периода усовершенствование не преминет стать очень выгодным для землевладельца. Все это, мне думается, я допускал; если я этого не сделал, то должен был допустить. Мальтус не вполне честен по отношению ко мне в своих замечаниях о том месте в моей книге, где сказано, что интересы землевладельца противоположны интересам остального общества. Я не имел в виду ничего обидного для землевладельцев. Их рента есть результат условий, над которыми они не имеют никакого контроля, за исключением, правда, того, что они являются законодателями и налагают ограничения на ввоз хлеба.

Я удивлен, что ренту все еще трактуют как прибавочный продукт, отличающийся в этом отношении от продукта обрабатывающей промышленности. Есть ли она что-либо иное, чем перенесенная стоимость? Могла ли бы она существовать

в такой же степени, как теперь, если бы все земли были более плодородны или меньше различались по относительному плодородию? Не могли ли бы мы иметь больше продукта и меньше ренты?

Вот все замечания, которые я собираюсь сделать по поводу книги Мальтуса. Если вы будете писать какие-нибудь заметки о ней, я очень хотел бы видеть их и без всяких стеснений сказал бы вам все, что мне пришло бы в голову при чтении их. В настоящее время я испытываю действительное затруднение, ибо, признаюсь, не совсем ясно понимаю, в чем состоит система Мальтуса. Он и я расходимся во взглядах на выгоды, протекающие от внешней торговли, но каков в сущности его взгляд, я в точности не знаю. Я читал его книгу, пожалуй, наспех и через различные промежутки времени, так что я не мог как следует оценить ее. Я собираюсь ее снова тщательно перечитать.

Ожидаю, что петиция лондонских торговцев будет представлена через несколько дней. Я рад, что доктрина о выгодах, которых можно ждать от свободы торговли, с каждым днем завоевывает новых последователей. Я убежден, что публика много обязана вам за вашу просветительную работу в этом важном деле.

Лондон, 13 июня 1820 г.¹

Боюсь, что мне самому будет до некоторой степени трудно объяснить действие, оказываемое на цены товаров или, вернее, на их относительную стоимость теми сроками, в течение которых товары могут быть доставлены на рынок. Все товары, имеющие стоимость, производятся трудом. Труд, затрачиваемый на изготовление паровой машины, может быть количественно таким же и выполняться в течение такого же времени, что и труд, употребляемый на изготовление какой-нибудь ценной мебели; следовательно, паровая машина и мебель будут иметь одинаковую стоимость. Мебельщик продает свою мебель в конце года за 1 тыс. фунтов. Паровая машина также стоит

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 15 мая 1820 г. В этом письме Мак-Куллох просит Рикардо прислать ему «Краткое изложение его взглядов на влияние, которое оказывают на сравнительную стоимость товаров относительные сроки, протекающие до доставки этих товаров на рынок» (кембриджское издание, т. VIII, стр. 188). В этом же письме Мак-Куллох высказывает свои псевдолиберальные соображения о налогах на предметы первой необходимости для рабочих и на предметы роскоши. Позднее Мак-Куллох присоединился к взглядам Рикардо, хотя и очень неудачно. Как замечает Маркс: «...Несчастье, постигающее его при вульгаризации Рикардо столь же часто, как Ж.-Б. Сэя — при вульгаризации А. Смита» (*К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 525, сноски*). — *Прим. ред.*

1 тыс. фунтов, но она не продана, она будет использована в следующем году как капитал. Если прибыль составляет 10 %, независимо от количества труда и оборотного капитала, которыми должен пользоваться владелец паровой машины, точно так же, как и мебельщик, первоначальная эффективность его паровой машины должна быть восстановлена в конце года, и он должен надбавить на свои товары 100 ф. ст. прибыли на 1 тыс. ф. ст. капитала, употребленного как основной капитал. Если он получит выручку за работу, сделанную паровой машиной только через два года, он должен иметь 100 ф. ст. для прибыли первого года и 110 ф. ст. — для второго, и это совершенно независимо от количества труда, действительно накопленного в товаре, доставленном на рынок. Теперь, если я применяю ценные машины, которые не приносят мне прибыли в течение двух лет, то к концу двух лет мои машины и мои товары вместе должны иметь стоимость всего труда, затраченного на их производство, кроме накопленной прибыли на капитал, который не принес мне ничего за это время. Но тот же самый результат имел бы место, если бы я пользовался только оборотным капиталом и не доставлял бы своего товара на рынок в течение двух лет. К концу двух лет товар будет стоить не только всего труда, затраченного на него, но также и всей прибыли, накопленной за то время, пока мой капитал использовался таким образом. Строго говоря, в этом случае относительные количества труда, затраченного на товары, регулируют их относительную стоимость, если на них не было затрачено ничего, кроме труда, в течение такого же времени. Если время не одинаково, относительное количество труда, затраченного на них, все же остается главным ингредиентом, который регулирует их относительную стоимость, но это не единственный ингредиент, потому что, кроме вознаграждения за труд, цена товара должна также вознаградить за время, которое должно пройти, прежде чем товар будет доставлен на рынок. Все исключения из общего правила упираются в этот вопрос о времени; но в силу большого разнообразия условий, при которых время завершения производства товара может различаться, трудно остановиться на каком-нибудь одном товаре, который было бы правильно избрать как общую меру стоимости; это было бы так, даже если бы мы справились с трудностью, которая состоит в том, что товара, который всегда требует на свое производство одного и того же количества труда, не существует. Две крайности состоят, по-видимому, в следующем: одна имеет место, когда товар производится без отсрочки и только трудом без вмешательства капитала; другая, — когда товар является результатом приложения большого количества основного капитала, содержит очень мало труда и производится

с значительной отсрочкой. Средняя между этими двумя крайностями, быть может, лучше всего соответствует общей массе товаров. По одну сторону от этой средней товары будут повышаться в сравнительной стоимости вместе с повышением цены труда и падением нормы прибыли, а по другую они могут понижаться в сравнительной стоимости в силу той же причины. Мальтус воспользовался этим недостатком моей меры стоимости, от которого не свободна и его собственная; он не преминул, конечно, что по справедливости и мог сделать, полностью использовать этот недочет. В действительности Мальтус не придерживается одной какой-либо меры стоимости. Иногда он говорит о повышении или понижении стоимости товаров и подразумевает при этом понижение или повышение их денежной цены; иногда он оценивает понижение или повышение их стоимости с точки зрения возможности покупать за них труд, а иногда их меновой стоимостью в хлебе. Его действительная мера стоимости сама изменчива, и не в меньшей степени, чем стоимость большинства других товаров, и он говорит об этой изменчивости, не подозревая, по-видимому, что он этим показывает, как непригодна его мера стоимости для каких-нибудь полезных целей.

Следует признать, что вопрос о стоимости связан с многими трудностями. Я был бы очень рад, если бы вам удалось справиться с ними и установить для общего пользования такую меру стоимости, которая не вызвала бы возражений, выдвинутых против всех предложенных до сих пор. Я иногда думаю, что, если бы я заново писал главу о стоимости для моей книги, я признал бы, что относительная стоимость товаров регулируется не одной, а двумя причинами, а именно относительным количеством труда, необходимого для производства товаров, и нормой прибыли за то время, в течение которого капитал бездействовал, и до тех пор, пока товары не будут доставлены на рынок. Возможно, что и при этой точке зрения на вопрос я встретил бы столь же большие трудности, как и при прежде принятой мною. В конце концов важные вопросы ренты, заработной платы и прибыли должны быть объяснены пропорциями, в которых весь продукт делится между землевладельцами, капиталистами и рабочими, и которые не связаны по существу с доктриной стоимости. Устраняя ренту, что мы можем сделать по отношению к хлебу, произведенному при помощи капитала, затраченного в последнюю очередь так же, как и по отношению ко всем товарам, произведенным трудом на фабриках, мы делаем более простым рассмотрение вопроса о распределении между капиталистом и рабочим. Чем больше та часть результата труда, которая дается рабочему, тем меньше должна быть норма прибыли, и наоборот. Так вот, эта часть

должна по существу зависеть от легкости производства предметов первой необходимости для рабочего. Если легкость производства велика, то малая доля всякого товара, продукта капитала и труда, будет достаточна, чтобы снабдить рабочего предметами первой необходимости, и, следовательно, прибыль будет высока. Истину этой доктрины я считаю абсолютно доказуемой, но полагаю, что Мальтус не вполне признает ее.

Вы хорошо выбрали случай в поддержку вашего мнения, что для рабочих имеет большое значение, будут ли облагаться налогами предметы роскоши богатых или предметы первой необходимости для рабочих. Вы предполагаете, что субсидия (я думаю *ежегодно*) передается из Ирландии в Россию. и вы спрашиваете, будет ли безразлично. если налоги для получения этой субсидии будут взиматься с картофеля или же за пользование кларетом и каретами? Поскольку правительство будет нанимать не большее количество рабочих и, следовательно, на них не будет усиленного спроса, то вы заключаете, что, несмотря на налоги на предметы первой необходимости для бедняков, их заработная плата не повысится до тех пор, пока они не будут доведены до крайней нищеты и пока голод или ослабевшее действие принципа народонаселения уравниют предложение и спрос. Согласно вашей собственной точке зрения на этот предмет, когда спрос наталкивается на уменьшенное предложение, заработная плата поднимется очень высоко, не только так высоко, чтобы вознаградить рабочего за налог, которым его обложили, но гораздо выше, ибо ни при каких других условиях он не может заполнить пробел, который произвела нищета в численности рабочих. До введения налога их заработная плата была лишь достаточна, чтобы держать предложение на одном уровне с спросом. Если к их заработной плате вы прибавляете налог, они не смогут достичь этого больше; следовательно, если голод и нищета вызвали сокращение населения, то для восстановления прежнего положения вещей требуется какой-либо необычайный стимул. Я сказал бы тогда, что, согласно вашему допущению, заработная плата рабочего повысилась бы в среднем на сумму, равную сумме налога, но сперва он страдал бы от того, что она чрезвычайно низка, а затем выиграл бы от ее чрезвычайного повышения. Я думаю, однако, что на деле заработная плата не будет ни очень низка, ни очень высока, но что повышение ее будет настолько умеренным, чтобы вознаградить рабочего за налог, которым обложены предметы первой необходимости. Все стороны заинтересованы в том, чтобы заработная плата возросла умеренно. Я считаю, что количество предметов первой необходимости, которое заработная плата рабочего позволяет ему купить, есть действительно эффективный регулятор населения. Условия страны

требуют, чтобы население продолжало возрастать после предоставления субсидии России такими же темпами, как и до него, так как уменьшения спроса на труд не было. А вопрос между нами сводится к следующему: будет ли рост населения сначала очень сильно задержан и вслед за этим очень сильно стимулирован или он будет происходить таким же темпом, который первоначально диктовался нуждами капитала и спросом на труд? На стоимость товаров, по моему мнению, влияют не только непосредственное предложение и спрос, но также и возможные предложение и спрос. Вы не должны предполагать, что я аргументирую в пользу налогов на предметы первой необходимости предпочтительно перед налогами на предметы роскоши, так как не в этом вопрос, я стараюсь установить, в чем состоит на деле различие между этими налогами. Я совершенно согласен с вами, в силу приведенных вами оснований, что введение подоходного налога вместо взимаемых теперь налогов, отнюдь не желательно при том положении, в котором мы находимся.

Сказанное мною в Палате общин по вопросу о земледелии во многих отношениях неправильно передано. Уверяю вас, что я твердо защищал принципы, которые, как вам известно, я считаю правильными. Г-н Броэм очень сильно исказил то, что я сказал, и сам выдвинул принципы, совершенно несостоятельные, но Палата была слишком пристрастна к одной точке зрения на этот вопрос, чтобы дать мне возможность опровергнуть их. У меня будет, вероятно, какой-либо другой случай сделать это.

Ваша статья в «Эдинбург Ревью» в высшей степени хороша, и я убежден, что она принесет большую пользу правому делу. Ваша статья о хлебе в сегодняшнем номере «Скотсмен» также рассчитана на то, чтобы убедить честных скептиков.

Вы ошибаетесь, думая, что я мог бы быть полезен в парламенте, выдвинув вопрос о свободе торговли с Францией. Во-первых, я не имею дарований, нужных для такого дела, во-вторых, в вопросах торговли меня считают ультрареформистом и фантазером как сельские хозяева, так и промышленники. Разве вы не заметили, что даже г-н Бэринг, признанный, но, по моему мнению, довольно прохладный друг свободы торговли, не выставил меня кандидатом в свой комитет¹.

Брайтон, 2 августа 1820 г.²

Пройдет еще некоторое время, пока ваша статья о стоимости сможет появиться в Дополнении к Британской энциклопедии.

¹ Комитет по внешней торговле, назначенный Палатой общин по предложению Бэринга.

² Ответ на письмо Мак-Куллоха от 16 июля 1820 г. — *Прим. ред.*

дии. Мне очень хочется увидеть ее, ибо я уверен, что вы освободите тему о стоимости хотя бы от части того тумана, которым она в настоящее время окутана. Я рад также узнать, что ваше внимание обращено и на тему о десятинах. Вы не преминете хорошо разъяснить природу этого налога, по поводу которого высказано так много ложных и неправильных взглядов. Мне сейчас не приходит в голову по этому вопросу ничего, что могло бы притязать хотя бы в малейшей степени на ваше внимание.

Я распорядился послать вам документы по вопросу о пошлинах на французские и другие вина, соблюдения которых я потребовал в парламенте. Существует еще другая серия документов, пока не напечатанная, в которых цифры доводятся до июля этого года; она также будет послана вам. Я внес предложение об их опубликовании по требованию Комитета торговли, предполагавшего, что они дадут материалы для обоснования петиции, которую я должен был по его требованию составить; однако факты, сообщаемые этими документами, как будто вовсе не те, которые ожидал Комитет, и поэтому он отказался от намерения представить петицию. Я думаю, что документы содержат информацию, которую вы желаете иметь. Надеюсь, что вы найдете их полезными. Когда я писал в канцелярию, чтобы просить Митчелля послать вам документы, я упомянул и петицию, представленную Шарпом, на которую вы ссылаетесь, и просил послать ее вам, если она еще имеется. Боюсь, что она была представлена слишком давно и вряд ли сохранилась в канцелярии.

Я с прискорбием узнал, что г-н Вильсон избран профессором по кафедре моральной философии после всех предпринятых вами похвальных усилий показать, как мало достоин он занимать такое почетное положение. Мир становится лучше, чем был, но боюсь, что мы еще очень далеки от того времени, когда наибольшим правом на занятие таких серьезных должностей будут считаться заслуги человека.

С тех пор как я здесь, я второй раз перечитал книгу Мальтуса. Она нравится мне еще меньше, чем после первого чтения. Вряд ли есть хотя бы одна страница, которая не содержала бы какой-нибудь ошибки. Он непрестанно настаивает на том значении, которое имеет увеличение стоимости товаров, и считает это гораздо более важным, чем обеспечение обильного их предложения. Интересы потребителя он всегда приносит в жертву интересам торговца. Возросшая прибыль последнего приобретает величайшее значение, хотя бы она доставалась частной группе и была на деле результатом монопольного положения этой последней. Чтобы быть последовательным, Мальтус должен относиться сочувственно ко всякого рода монопо-

лиям, так как не может быть никакого сомнения, что они будут приносить выгоды торговцам и оптовикам за счет потребителей и придадут высокую стоимость товарам. Если вы увеличите количество товаров благодаря большей легкости производства (говорит он), вы причините ущерб обществу, если только эти товары не дадут возможности нанимать столько же или еще больше рабочих. Это явно неверно, ибо, если при помощи меньшего количества труда вы можете получить прежнее количество товаров, то это должно привести к одному из двух результатов: либо вы дадите работу прежнему или более значительному числу людей и еще больше увеличите для себя возможность получать наслаждения, или же, уплачивая прежнему или даже меньшую денежную заработную плату, вы дадите занятым рабочим возможность приобретать большее количество товаров; если же они предпочитают праздность вознаграждению за труд, они смогут при помощи меньшего количества труда купить прежнее количество средств удовольствий. Каким образом изобилие продуктов может привести к меньшему спросу на труд, этого я никак не могу понять. Мальтус, мне кажется, смешивает две вещи, которые всегда следует строго разделять. Человек может производить товары, выручка за которые может не оплачивать стоимость затраченного на них труда. Такие товары будут дешевы, и мы сказали бы, что они находятся в изобилии, но их дешевизна сопровождалась бы следующим эффектом: благодаря их производству национальный капитал уменьшится. Но когда товары производятся в изобилии и по дешевой цене, благодаря легкости производства, и в действительности в большем количестве чем нужно, чтобы возместить затраченный на них капитал, то это есть чистый выигрыш. Этот случай существенно отличается от первого. Нельзя отрицать, что и первый случай иногда имеет место, но он всегда является результатом просчета. Он может иметь место по отношению к одному или к тысяче товаров, но не по отношению ко всем товарам сразу.

Мальтус говорит, что нерасположение потреблять представляет очень распространенное явление. Я говорю, что таковое нигде не существует, даже в Южной Америке, на которую он с таким торжеством ссылается. В Южной Америке нет никакого нерасположения потреблять, есть только нерасположение производить. Чтобы человек мог потреблять там так же, как и всюду, он должен производить, но он предпочитает праздность тому удовлетворению, которое доставил бы ему нужный товар. И это Мальтус называет нерасположением потреблять, и потому он отрицает положение, что платежеспособный спрос зависит от производства. Если бы один человек прилежно работал, а все другие были праздными, то возможно ли, чтобы

он мог производить товары, для покупки которых ни у кого не будет средств? С какой же собственно целью он производил их? У него могло быть только две цели: либо потратить эти товары самому, либо обменивать на предметы, которые он желает потреблять. Если он делает последнее, хотя нет никого, кто дал бы ему предметы, в которых он нуждается, то он повинен в неправильном расчете. Он должен был произвести непосредственно все те предметы, в которых нуждается. А если так, то как же может накопление капитала быть вредным? При известных условиях накопление капитала может не приносить прибыли капиталисту, и тогда оно будет соответственно более выгодно для рабочего. Но если оно не приносит прибыли капиталисту, оно прекращается; в этом пункте мы все согласны, но как можно сказать, что оно причиняет ущерб всему обществу и настолько же убыточно для рабочих, как и для нанимателей? Это мне кажется такой же большой нелепостью, как утверждение, что дважды два не четыре.

Гэткомб парк, 15 сентября 1820 г.¹

Я с большим удовлетворением прочел вашу статью о десятинах. Вы разъяснили то, что было прежде неясно многим, и, надеюсь, заложили фундамент для какого-либо благоприятного изменения этого наиболее обременительного и угнетающего налога. Я не вполне согласен с вами, что было бы справедливо обложить этим налогом тех, чьи земли до сих пор были свободны от него. Ежегодно поступают в продажу многие свободные от обложения десятиной фермы, и за них платится дополнительная цена вследствие этого особого преимущества, которым они пользуются. Было бы, конечно, чрезвычайно несправедливо обложить владельца такой фермы налогом после того, как он уплатил за освобождение от него. Я полагаю, что было бы почти столь же несправедливо обложить этим налогом тех, кто, как вы говорите, удерживал в своих руках владение фермой в течение трехсот пятидесяти лет. Я также расхожусь с вами по вопросу о целесообразности заменить десятину налогом на ренты; это означало бы облагать налогом исключительно отдельный класс общества. Я говорю это, не принимая во внимание свои собственные интересы как землевладельца, и уверяю вас, что я не владею землей, свободной от десятины.

Я рад, что вы работаете над статьей о национальном долге и о различных планах, предложенных для его ликвидации. Я не очень хорошо знаком с возражениями, выдвигаемыми против нашего освобождения от этого тяжелого бремени. Главное возражение, о котором я слышал, заключается в том, что земле-

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 24 августа 1820 г. — *Прим. ред.*

владелец был бы вынужден расстаться с значительным количеством земли, чтобы избавиться от платежа своих ежегодных налогов. Трудно заставить этих людей понять, что уплата 1 тыс. ф. ст. в год более тяжелое бремя, чем единовременная уплата 20 тыс. ф. ст. Я подозреваю также, что они думают, будто их влияние будет ослаблено в результате столь большого уменьшения их земельной собственности, какого требовала бы ликвидация долга; быть может, они были бы до некоторой степени правы в этом предположении если бы ликвидация долга не затронула их всех и не оставила бы их после своего завершения в таком же точно положении по отношению друг к другу, в каком они находятся в настоящее время. Другое возражение, о котором я слышал и которое мне кажется наиболее правдоподобным, заключается в том, что ликвидация долга освободит от налогового обложения всех, кто занят различными профессиями и извлекает свой доход из заработной платы или жалования. На это возражение я старался ответить в моей статье¹, но, чтобы прилить вес моему возражению, требуется ваше умение. Что касается времени, которое потребует для такой колоссальной операции и способов ее осуществления, то тут имеется известная трудность. Одно время я думал, что было бы желательно выпустить специальные бумажные деньги, чтобы облегчить уплату. Предположим, что правительство начало бы операцию с выпуска казначейских билетов для удовлетворения держателей 50 млн. государственных бумаг, и что эти билеты принимались бы в уплату налоговых обязательств капиталистов; если же они не были бы использованы с этой целью, то подлежали бы оплате деньгами в назначенный срок; 50 млн. были бы таким образом выплачены без какого-либо значительного спроса на находящиеся в обращении деньги страны: путем же немедленного нового выпуска билетов и возобновления время от времени этой операции вся уплата могла бы быть произведена в не очень долгий срок. Некоторые меры предосторожности были бы необходимы, чтобы помешать людям скрывать свое имущество или отправлять его за границу с целью освободиться от своей доли бремени. Возражая в Палате общин против этого плана, г-н Броэм сказал, что последний поставит земельную собственность страны в зависимость от нестойких и преследующих дурные цели стяпчих; но на это возражение можно легко ответить. Актом парламента титул собственности на всякую землю, проданную с целью получить деньги, необходимые для уплаты падающих на земле-владельца контрибуций, должен считаться неоспоримым, как

¹ «Funding Sistem». См. т. II настоящего издания, стр. 257—296.—
Прим. ред.

бы ни был он недостаточен для всякой другой продажи. Предположим, что А уплатил за землю, а после оказалось, что она была собственностью Б. Последний не потерпел бы никакого ущерба или несправедливости, ибо, если бы он владел этой землей прежде, то должен был бы наравне с А отдать ту часть ее, которая полностью оговорена в парламентском акте. Никакая другая земельная собственность в стране не обладала бы лучшим титулом собственности и поэтому она пользовалась бы со стороны покупателя предпочтением перед всеми другими; продажа ее никогда не требовала бы вмешательства или совета со стороны грубых стряпчих. Это все, что я могу сказать в настоящее время на эту тему.

Газету «Скотсмен» я получаю здесь регулярно. Когда парламент начнет свою работу, я буду благодарен вам, если вы снова будете посылать мне газету в Лондон.

Гэткомб парк, 23 ноября 1820 г.

В течение некоторого времени я был занят примечаниями к последнему труду Мальтуса, которые я до сих пор еще никому не показывал. Я право же боюсь, что только посвященные поймут их, да и они также будут считать для себя тяжелым трудом прочесть их, так как везде, где я встречал место, которое желал подвергнуть критике, я цитировал только страницу и первые немногие слова указанного места и затем писал краткий комментарий. Даже если моя критика справедлива и защищаемые мною принципы правильны, все же, по моему мнению, было бы нежелательно публиковать мои примечания прежде всего потому, что книга Мальтуса, как я слышал, не возбудила большого интереса, а мои сухие и, быть может, не очень ясно изложенные комментарии к ней возбуждают еще меньший интерес. Вы однажды просили меня посылать вам всякие замечания, которые я мог бы написать по поводу труда Мальтуса, и теперь я склонен сделать это, если вы просмотрите первые несколько страниц этих примечаний и не придете к заключению, что я предъявляю неразумные требования. Боюсь, что в примечаниях слишком много повторений. Я не мог избежать этого потому, что именно в этом состоит большой недостаток труда, который я комментировал. Я сомневаюсь, будете ли вы в состоянии читать мою рукопись, так как у меня нет чистого экземпляра, и она испещрена перечеркиваниями.

Предполагаю, что вы видели письма Сэя. Наряду со многими верными положениями они, мне кажется, заключают и ряд весьма серьезных ошибок. Я отметил некоторые из них на нескольких страницах, но имеются также такие, которых я не касался.

У меня самые противоречивые сообщения о продаже книги Мальтуса. От него самого я слышал, что он готовит второе издание, а другие мне рассказывают, что книга идет очень плохо.

Сэй прислал мне очень любезное письмо вместе с экземпляром его писем к Мальтусу. В своем письме он говорит уверенно, что в четвертом издании своей книги¹ и в письмах к Мальтусу он ответил на все справедливые возражения против его теории стоимости и призывает меня согласиться с этой последней. Он желает видеть какое-нибудь новое мое произведение, чтобы знать мое мнение о его теории. Не знаю, хорошо ли вы знакомы с его трудом по политической экономии. Я тщательно просмотрел все новые дополнения к четвертому изданию, но не нашел ничего, что побудило бы меня изменить мнение, которое я высказал по поводу путаницы его мыслей по вопросу о стоимости. Полезность, богатство, стоимость, по его мнению, все это одно и то же. Стоимость товара выше потому, что он более полезен. Человек богат пропорционально стоимости — полезности, которой он владеет, и совершенно безразлично, имеют ли товары высокую или низкую стоимость. Как ни глубоко ошибочны, по моему мнению, эти взгляды, Сэю нельзя даже поставить в заслугу последовательную защиту их, так как он часто признает, что товары понизятся в своей стоимости, если уменьшатся издержки их производства, хотя и сохранят прежнюю полезность. Книга, по моему мнению, все же хорошо написана, но я вполне убежден, что Сэй не овладел полностью своим предметом.

Дайте мне знать, желаете ли вы просмотреть мои рассуждения. Вы, вероятно, теперь очень заняты, а я не могу обещать вам ничего нового; это повторение старой истории. Я считаю, что все написанное мною составит не больше 150 страниц.

Гэткомб парк, 4 декабря 1820 г.²

Я никогда не уделял особого внимания законам о союзах. Но на основании того немногого, что я знаю о них, они мне кажутся несправедливыми и притеснительными для рабочих и приносящими мало реальной пользы хозяевам. Несмотря на эти законы, хозяева часто дают себя запугивать и вынуждены уступать несправедливым требованиям своих рабочих. Подлинное средство против союзов — это полная свобода для обеих

¹ «Traité d'Economie politique», 1819.

² Ответ на письмо Мак-Куллоха от 28 ноября 1820 г., в котором он поднимает вопрос о союзах рабочих и о политической ситуации. Мак-Куллох считает, что существующие законы о союзах «делают их опасными». В связи же с политической ситуацией он очень резко нападает на «радикалов» типа Коббета, полагающих, что «революция — это единственный исход». — *Прим. ред.*

сторон и одинаковая защита против насилий и оскорблений. Заработная плата должна быть результатом свободного соглашения, и договаривающиеся стороны должны опираться на закон для защиты от насилия с той или иной стороны; соперничество не преминет, я думаю, довершить все остальное. В нашем промышленном графстве (Глостершире) господствует плохая практика. Суконщики уверяли меня, что заработная плата их рабочих почти никогда не изменяется. Когда дела идут плохо, они не могут найти постоянного занятия для своих рабочих, они платят по прежней расценке за сделанную работу и дают работу всем одинаково, но, вероятно, только в течение трех четвертей или половины дня вместо целого дня. В действительности это то же самое, что понижение заработной платы рабочих, но оно не сопровождается никакой выгодой ни для хозяина, ни для общества; гибельное же последствие состоит в том, что рабочие как бы побуждаются прозябать в отрасли промышленности, которая не может больше содержать их; это мешаает излишней рабочей силе в одной отрасли промышленности передвигаться в другую так быстро, как это имело бы место при других условиях.

Я опасаясь вместе с вами, что смены министров не будет. Я очень хотел бы, чтобы виги подверглись испытанию. Они, я думаю, сделали бы кое-что для нас, хотя, признаюсь, я не жду от них многого. Реформа парламента есть единственная возможная гарантия для реальной реформы, могущей устранить злоупотребления, но мы вряд ли получим, думаю я, от вигов что-либо действительно заслуживающее этого имени. Они, однако, могут принести кое-какую пользу, и во всяком случае, если даже они не реформируют парламента, то покажут нам, что реформы можно добиться только энергией и решимостью народа. Хотя я очень далек от того, чтобы соглашаться с большинством взглядов Коббета, я уже давно был убежден, что гарантия хорошего правительства должна опираться на наши учреждения и на те влияния, под которыми действуют те, кто управляет нами, а не на большую или меньшую добродетель наших правителей. Поведение двух различных групп людей, воспитанных почти одинаково, действующих под одинаковым контролем и преследующих одинаковые цели, не может быть существенно различным, поскольку затронуты их собственные личные интересы.

Гэткомб парк, 17 января 1821 г.¹

Я уезжаю в Лондон, где, по всей вероятности, останусь в течение ближайших шести месяцев. Я буду сильно разочарован, если в парламенте не стану свидетелем многих горячих деба-

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 25 декабря 1820 г. — *Прим. ред.*

тов, в которых примут участие все таланты этого собрания, и я не теряю надежды, что министры могут быть вынуждены оставить места, которые они так недостойно занимают. Лорд Грей, лорд Голланд и несколько других вигов недавно на публичных собраниях говорили немного о реформе представительства, но я весьма опасаюсь, что в случае прихода их к власти они не предложили бы или не санкционировали бы такую реформу, которая могла бы или должна была бы удовлетворить разумных друзей свободы. Виги сами владеют известным числом (гнилых) местечек, но с чем они менее всего будут расположены расстаться — это с влиянием, которое они оказывают на избирателей, благодаря тому, что в их числе есть много крупных собственников земли и другого имущества. Они не согласятся предоставить народу или той части народа, которую можно считать имеющей одинаковые интересы со всем народом, право действительного беспристрастного выбора представителей.

Вскоре после того, как я отослал вам свою рукопись, сюда приехал Мальтус, которого я уже отчаялся увидеть в этом сезоне, и пробыл у меня несколько дней. Он был огорчен, что не может видеть моих примечаний. Я рассказал ему, как я распорядился ими, и обещал после переезда в Лондон посетить его и захватить их с собою. Надеюсь поэтому, что не буду слишком торопить вас, если попрошу вернуть их мне на будущей неделе. Мальтус и я много спорили и в некоторых пунктах мы поняли соображения друг друга лучше, чем прежде, но все же между нами остается величайшее расхождение. По моему мнению, он часто выдвигает одно положение и старается доказать другое, а затем ссылается на выдвинутое, как не подлежащее спору, и соответственно аргументирует им. Я никогда не встречал человека, который так серьезно относился бы к какому-либо предмету, как Мальтус к политической экономии. Я внимательно слежу за ходом его рассуждений, и все же после многих часов, которые мы проводим в стараниях убедить друг друга, оказывается, что мы очень мало подвигаемся вперед. Один из нас должен сильно ошибаться.

Не знаю, сообщил ли я вам, что Милль занят теперь тем, что пишет элементарный учебник политической экономии¹. Как вы, я думаю, знаете, он согласен с вами и со мною в оценке тех принципов, которые мы считаем правильными, и поэтому хочет попытаться разъяснить и осветить эти принципы. Когда я его видел в последний раз, он имел намерение избегать, по возможности, трудного слова стоимость и собирался показать влияние различных пропорций в производстве товаров

¹ «Elements of Political Economy», 1821.

на ренту, прибыль и заработную плату, которые доставались бы при различных условиях трем классам — землевладельцам, капиталистам и рабочим. Надеюсь, что Милль выполнит свою задачу с успехом.

В газете «Скотсмен» была очень хорошая статья об ошибочных взглядах фермеров на их собственные интересы, поскольку они стараются удерживать цену нашего хлеба значительно выше уровня цен других стран. Я желал бы иметь возможность высказаться на эту тему в парламенте.

Правильные взгляды на вопрос о слитках и по некоторым другим вопросам политической экономии хорошо разъяснены в маленькой книге, которую автор только что прислал мне, но которую, как он пишет в письме, он не собирается опубликовать, хотя и напечатал ее. Автор мне совершенно не известен, но я советовал ему опубликовать ее обычным порядком, и из полученного от него ответа видно, что он это сделает. Его имя Бассетт и письмо его отправлено из окрестностей Ильффракомба.

Надеюсь скоро получить от вас письмо. Я всегда рад узнать, что вы заняты распространением правильных принципов как в политике, так и в политической экономии. Надеюсь, что ваша статья о накоплении движется вперед. Вы должны еще написать статью о проценте и другую — относительно закона о союзах.

Лондон, 25 января 1821 г.¹

Так как сегодня вечером в Палате общин нет никакой работы, то я не могу употребить более приятно свое время, как выражая вам мою искреннюю благодарность за очень откровенный и дружественный способ, каким вы выразили свое мнение о моей рукописи. Вы можете быть уверены, что оно имеет для меня очень большой вес и подтверждает взгляд, который я сам составил себе на нецелесообразность опубликования моих примечаний к труду Мальтуса. Пока я ничего не стану с ними делать. Я не могу найти время, чтобы попытаться извлечь из них то, что может быть в них более всего полезным, и облечь в ту форму, которую вы рекомендуете. Боюсь, что та же причина может помешать мне переработать главу о накоплении в моем прежнем труде, который находится теперь в типографии для напечатания третьего издания. Если однако раньше, чем дело дойдет до этой главы, я найду достаточно времени и таланта, чтобы исправить ее, я не премину сделать это². Я внес несколько изменений в первую главу «О стоимости», которые, как я опасаясь на основании замечаний в вашем письме, не встретят вашего одобрения. Хотел бы я, чтобы эта глава в том

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 22 января 1821 г. — *Прим. ред.*

² Глава XXI, о которой идет речь, осталась в 3-м издании без перемен.

виде, как она теперь печатается, была бы еще раньше послана вам, вместе с другими рукописями, чтобы у меня была возможность использовать ваши замечания прежде, чем я приготовил ее для опубликования. Я соглашаюсь с вами во всем, что вы говорите об изменениях, которые могут иметь место в относительной стоимости товаров при предположении, что они произведены при помощи капиталов такой разной степени долговечности, как 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, «так как любой стандарт, с которым их можно сравнивать, должен сам быть произведен при помощи капитала, возвращаемого в течение определенного периода. Когда заработная плата возрастает, те товары, которые были произведены при помощи менее долговечных капиталов, как будто повысятся в цене, а те, которые были произведены при помощи более долговечных капиталов, как будто понизятся в цене. Однако в действительности в цене понизятся бы все товары; и если стандарт был произведен при помощи капитала, долговечность которого равна 1, то почти все товары понизились бы в цене в сравнении с этим стандартом, но ясно, что цена ни одного из них не могла бы повыситься». Таковы и мои взгляды, но у вас они выражены языком в десять раз более ясным, чем мог бы их выразить я. Но здесь, по моему мнению, имеется и трудность. Вы говорите, что «если бы стандарт был произведен при помощи капитала, долговечность которого равна 1, то почти все товары понизились бы в цене по сравнению с этим стандартом, но ясно, что цена ни одного из них не могла бы повыситься». Это верно, если стандарт производится таким образом, но Мальтус и другие наши противники говорят, что стандарт должен быть произведен при помощи труда без всякого капитала или самое большее только при помощи такого капитала, который необходим для содержания человека в течение одного дня. При таком стандарте ваш № 1 понизился бы вместе с возрастанием цены пищи и предметов первой необходимости, а цена труда никогда вообще не могла бы повыситься. Мальтус предположил случай, при котором человек способен в течение одного рабочего дня собрать известное количество гранов золота или серебра на морском берегу¹. Предположим, что он может собрать столько серебра, сколько мы перечеканиваем в 1 шилл., тогда цена труда никогда не могла бы упасть ниже 1 шилл. в день; и если бы цена хлеба возросла в серебре, то цена труда не могла бы возрасти и произведенные при помощи капитала товары, которые не могли бы быть доставлены на рынок в течение года, месяца или даже двух дней, понизились бы в таком стандарте вместе с каждым повышением цены пищи и предметов первой необхо-

¹ См. т. III настоящего издания, стр. 127.

димости. Если бы мы могли остановиться на № 1, мы были бы в очень хорошем положении, но мы отклоняемся от него, а ведь доказано, что предмет, который произведен и доставлен на рынок в течение одного дня при помощи труда десяти человек, стоит не столько, сколько другой товар, произведенный и доставленный на рынок в конце десяти дней после того, как на него был затрачен труд одного человека в течение этого срока. Готовы ли вы принять такой стандарт однодневного труда? Возможно, что он правилен, но условия, в которых данный товар производится, так мало похожи на условия, в которых производится большинство других товаров, что, принимая его, мы вводим такую причину изменения цены, какой мы избежали бы, если бы выбрали стандарт, произведенный в обычных условиях, в каких производятся другие товары. Я не удовлетворен, как я часто говорил вам, моим изложением вопроса о стоимости, потому что не знаю точно, как установить свой стандарт. Я вполне убежден, что, останавливаясь на количестве труда, воплощенного в товарах, как на законе, регулирующем их относительную стоимость, мы находимся на правильном пути, но когда мне нужно установить меру абсолютной стоимости, я остаюсь в нерешительности, выбрать ли труд одного года, месяца, недели или дня. Мне не следовало сообщать вам мои мысли об этом трудном предмете так скоро после получения вашего письма: я получил его и пакет сегодня утром; я не сделал бы этого, если бы мог льстить себя надеждой, что при длительном размышлении я пришел бы к более удовлетворительным выводам; но я уверен, что мне это не удастся: я так много размышлял об этом, что теряю надежду разглядеть этот предмет яснее собственными силами без помощи других.

В двух частях моих замечаний о работе Сэя имеется много повторений, и я не должен был бы посылать их вам вместе, так как одна часть предназначалась для третьего издания моего труда, другая — для примечаний к Мальтусу. Если я опубликую одну, я не должен публиковать то же самое в другой части.

Если Палата общин будет слушать меня и если мужество не оставит меня, я воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы сказать что-нибудь о вредных последствиях хлебных законов для фермеров.

Благодарю вас за вашу статью о проценте, я прочту ее с большим удовольствием.

Лондон, 23 марта 1821 г.¹

Я с нетерпением ждал удобного случая для ответа на ваше письмо... Прежде всего я должен поблагодарить вас за

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 13 марта 1821 г. — *Прим. ред.*

откровенность, с какой вы высказали свое мнение о тех чувствах, которые я, по вашему предположению, выразил в дебатах о назначении Комитета по земледелию¹. Я ценил бы ваши письма далеко не так высоко, как теперь, если бы вы не подвергли откровенной критике все те стороны моей общественной деятельности, которые вы считаете вызывающими сомнения; это в особенности относится к той ее стороне, которая, по вашему мнению, может компрометировать выдвинутые мною принципы политической экономии; ведь именно они дали мне первоначально право на ваше внимание. Если я когда-нибудь изменю свои взгляды, я мужественно признаю это; я уверен, что буду в состоянии дать такие основания для этого изменения, которые убедят по крайней мере всех честных людей, что я сделал это, осознав свои ошибки. В данном случае такого изменения не произошло и в речи, на которую вы намекаете в своем письме, я смело и без обиняков защищал все доктрины о хлебной торговле, которые я выдвинул в своей книге. Моей задачей было показать нелепость представлений Карвена о покровительственной или компенсационной пошлине на ввоз хлеба, и я думаю, что с успехом выполнил это, сославшись на производство сахара из свеклы во Франции во время войны. Я показал, что на основе его системы французское правительство должно было бы после заключения мира наложить пошлину на ввоз вестиндского сахара, равную разнице между издержками производства сахара в Вест-Индии и во Франции. Моя аргументация, по-видимому, произвела большое впечатление даже на тех, кто был достаточно глуп, чтобы быть сбитым с толку такой доктриной, как доктрина Карвена. Я изложил свой собственный принцип компенсационной пошлины, который был искажен во всех газетах. Я утверждал, что эта пошлина должна быть не больше, чем те особые налоги, которыми облагается земледelec, и что по тому же принципу земледельцу должна быть предоставлена премия, равная налогам на вывоз хлеба; таким образом, цены за границей и внутри страны были бы всегда приблизительно одинаковы, и если бы у нас был обильный урожай, фермер мог бы вывозить хлеб без большого и разорительного падения цены. Я признал, конечно, что мы не могли бы немедленно осуществить этот план, но утверждал, что все принимаемые нами меры должны иметь в виду такую цель. Это я говорил всегда, и то же говорили вы. Мы оба были согласны, что не следует немедленно и сразу делать скачок от плохой системы к хорошей. Мы утверждали только, что не сле-

¹ Комитет по «тяжелому положению земледелия в Соединенном королевстве», назначенный 7 марта 1821 г. Рикардо был его членом. — *Прим. ред.*

дует никогда упускать из виду хорошую систему и что все наши мероприятия должны дать нам возможность постепенно приближаться к ней. Газеты искажали прежде и все время продолжают искажать мой взгляд. Я должен сказать, что вина падает в значительной степени на меня, потому что я говорю очень плохо и всегда слишком спешу. Некоторые части моей речи лучше всего изложены в «Бритиш Пресс», которую я старался найти, чтобы послать вам, но без всякого успеха. Что касается моего взгляда на настоящее положение, то речь моя передана довольно точно; я высказал то, что думаю. Я отвечал Уитмору, который изображал наше положение, как почти отчаянное, вследствие размеров налогового обложения и результатов изменений в нашем денежном обращении. Я сказал лишь то, что думаю, когда выразил мнение, что пройдет немного времени и положение заметно улучшится. Бедственное положение земледелия я приписываю не налоговому обложению. Я думаю, что при существующих хлебных законах положение было бы так же плохо, хотя бы нам не пришлось платить ни одного налога. Изобилие без возможности сбыта товаров не может не вызвать бедствия, но должно ли последнее быть продолжительным? Я не думаю. Вы думаете иначе, потому что придерживаетесь мнения, что капитал будет постоянно уходить из страны, пока хлебные законы остаются в силе. Я признаю тенденцию капитала к утечке из страны, но думаю, что вы ее переоцениваете. Я всегда говорил, что желание остаться в собственной стране представляет большое препятствие, которое должно быть преодолено. Вы, по моему мнению, делаете слишком крайний вывод, полагая, что прибыль за границей превосходит прибыль внутри страны на всю разницу в денежной цене хлеба. Мое мнение таково: если бы мы имели возможность получать хлеб путем ввоза так дешево, как это только возможно, то прибыль была бы значительно выше, чем теперь; но сказать так, совершенно не значит утверждать, будто прибыль значительно ниже здесь, чем за границей. Вполне возможно (хотя я не думаю, что это верно), что прибыли могут быть здесь выше, чем за границей. Возможно, что трудовая цена хлеба может быть меньше здесь, чем в странах, из которых мы вывозили бы хлеб, если бы торговля была свободной и открытой. Я привел в своей книге пример страны, имеющей очень небольшое превосходство над своими соседями в производстве хлеба, но очень большое в производстве промышленных изделий. В такой стране, несмотря на хлебные законы, прибыль была бы выше, чем в соседних странах, и следовательно, капитал отнюдь не уходил бы из нее, хотя она отказывалась бы ввозить дешевый хлеб. Прошу вас заметить, я не говорю, что таков наш случай. Я говорю только, что таков

мог бы быть наш случай, и я привожу его, чтобы показать вам, что разница в норме прибыли здесь и в других местах может быть не столь громадна, как вы склонны думать. Я признаю, что хлебные законы имеют тенденцию выталкивать капитал из страны. Я признаю, что наше колоссальное налоговое обложение имеет тенденцию вызывать аналогичные последствия, и я глубоко убежден, что никакие меры не могут содействовать нашему богатству и процветанию в такой большой степени, как отмена хлебных законов и выплата нашего долга; но хотя таково мое мнение, я все же никак не могу допустить, что для нас невозможно известное процветание в более ограниченном размере, несмотря на продолжающееся действие наших хлебных законов и продолжающееся существование нашего долга. Ни в одном моем теперешнем высказывании я не вижу поддержки какого-либо мнения, находящегося в противоречии с принципами, защита которых была моей гордостью; могу вас уверить, что я упорно поддерживаю эти принципы против своих противников — как лиц, дающих показания в Комитете земледелия, так и членов его. Прошу вас не судить о моих выступлениях на основании газетных сообщений. Моя последняя речь о денежном обращении так мало похожа в их изложении на что-либо сказанное мною, что я едва узнаю хотя бы одну свою мысль. Мне очень жаль, что дело так обстоит, но я не знаю никакого средства для улучшения положения.

В своей речи о хлебных законах я рекомендовал открытую торговлю на основе уже изложенных мною принципов. Я сказал далее, что пока какой-либо хлебный закон существует, он не должен оставаться в настоящем виде, так как приводит то к переполнению рынка хлебом, то к нехватке его и высоким ценам; я указал также, что в качестве ближайшего шага для перехода к открытой торговле желательнее установить определенную и постоянную пошлину при условии, что она будет лишь умеренно выше, чем указанный мною предел. Такое постановление даст нам по крайней мере устойчивые цены, но, принимая его, мы не должны терять из виду, что нашей подлинной политикой является политика свободной торговли. Если мнение такого скромного человека, как я, может иметь для кого-либо какое-нибудь значение, то вы можете с моего согласия авторитетно заявить в вашей газете, что положения, которые я уже излагал раньше, и есть именно те, которые я старался представить Палате общин как правильные¹. Вас, может быть, удивляет мысль о предоставлении премии на вывоз хлеба. У меня нет теперь времени изложить свои соображе-

¹ Это заявление Рикардо не было опубликовано в газете «Scotsman» (см. кембриджское издание, т. VIII, стр. 359).

ния в пользу этого мнения. Скажу только, что никакая покровительственная пошлина не может быть оправдана, за исключением лишь случая разрешения получить ее обратно при вывозе. Свобода торговли фактически требует премии в таком размере. Вы спрашиваете, «почему не потребовать у министра уничтожения налогов или ослабления варварских ограничений торговли, если мы уже почти справились со всеми нашими затруднениями и собираемся войти в гавань благополучия?» Я отвечаю: потому, что я не довольствуюсь малым благополучием, если могу добиться для страны гораздо большего. Я высказал свое мнение также по вопросу о реформе денежного обращения, которой часто приписывают все наши беды и за которую на меня возлагают ответственность, как будто я являюсь единственным автором принятой меры.

Я мог бы сказать многое о различных последствиях, которые проистекают от обложения налогами с целью поддержать уровень расходов и от обложения налогами для уплаты процентов по долгу, но не могу писать об этом в настоящее время. Я надеюсь, что после этого объяснения вы оставите мысль, будто между вашими взглядами и моими очень мало общего. Я всегда буду на своем посту, чтобы защищать правое дело, по поводу которого я никогда не вступал и не буду вступать в компромисс. Мне всегда казалось, что большинство людей весьма сильно недооценивает ресурсы великой нации: если язык оппозиции в Палате общин искренен, то она недооценивает эти ресурсы, и я думаю, что она не приносит пользы, рисуя картину более мрачной, чем она есть в действительности.

Лондон, 25 апреля 1821 г.¹

Полковник Торренс прислал мне вашу статью о накоплении и о последствиях применения машин. Я считаю ее очень хорошей, хотя некоторые части ее не совсем сходятся с моими нынешними взглядами. Я, кажется, сообщил вам в одном из прошлых писем об изменении моих взглядов на выгоды, приносимые машинами, и о том, что я намеревался написать главу об этом предмете в новом издании моей книги². Вероятно, вы уже прочитали эту главу, так как на прошлой неделе я просил Мэррея послать вам экземпляр книги, и поэтому не считаю необходимым излагать здесь мои взгляды. Я однако буду рад узнать от вас, считаете ли вы правильными взгляды, которые

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 2 апреля 1821 г. — *Прим. ред.*

² В действительности Рикардо не сообщил об этом Мак-Куллоху. — *Прим. ред.*

я решился высказать. Вы найдете немного нового в последнем издании; все, что внесено вновь, указано в предисловии в начале тома.

Второе издание книги Мальтуса в ближайшее время не выйдет. Он держит мои примечания с тех пор, как вы их вернули мне, но боюсь, что они произвели на него весьма слабое впечатление.

Занятия нашего Комитета земледелия приостановлены на время каникул. Я вызвал в Комитет двух купцов, показания которых я считаю ценными. Один из них Тук. Он высказал здравые мнения, которые будут напечатаны в протоколах. Я не вполне согласен с ним, да и вы также не вполне согласитесь с ним. Он думает, что хлебные законы не имеют никакого влияния на повышение средней цены хлеба и что они, следовательно, совершенно бесполезны для землевладельцев. Он думает, далее, что если бы не было никаких хлебных законов, то Соединенное королевство производило бы в среднем все то количество хлеба, которое оно ежегодно потребляет, так как, по его мнению, мы можем конкурировать с другими странами в производстве хлеба. Я не думаю, что это так. Если бы наши порты были всегда регулярно открыты, я уверен, что мы были бы ввозящей страной. Вы прочтете его показание с интересом. Другой вызванный мною купец — Солли сделал некоторые интересные сообщения относительно цены хлеба в Польше и в прусских портах, а также о расходах по перевозке хлеба из внутренних районов страны в порты отгрузки, а из последних в Лондон.

Вообще показания свидетелей обычно плохи. Фермеры — очень плохие законодатели, и лучше было бы не запрашивать их мнения о законодательной политике. Так как это все же было сделано, я считал правильным показать их незнакомство с предметом и могу похвастаться, что принес некоторую пользу, заставив их говорить нелепости, которые запротоколированы.

Г-н Гескиссон сказал мне, что лорд Кэстльри написал всем нашим консулам и посланникам за границей, чтобы они дали сведения о ценах на хлеб в чужих странах за ряд лет. Эти сведения будут представлены парламенту, как только будут получены.

Критику работы Сэя в последнем номере «Скотсмен» я считаю очень правильной. Он, несомненно, значительно отстал в знании современных достижений науки.

Книга Милля о политической экономии почти закончена. Он признает все те принципы, которые вы считаете верными, и вы, несомненно, признаете, что труд его правильно рассчитан на распространение полезной информации.

Во вторник возобновляется моя работа. Я надеюсь, что до тех пор, пока мы сможем представить наш доклад¹, пройдет немного времени. Я знаю, что в наших взглядах на хлебные законы существует небольшое расхождение, но не думаю, что хотя бы в малейшей степени я отклонился от взглядов, изложенных в моей книге.

Лондон, 18 июня 1821 г.²

Хотя я и не расположен защищать метод, который я применил в третьем издании своей книги, признав изменение своего взгляда по вопросу о машинах, я все же не могу согласиться с вами, что тем самым я вооружил добавочным аргументом тех, кто утверждает, что политическая экономия есть сооружение без фундамента. Все изменение моего взгляда сводится просто к следующему: прежде я думал, что машины дают стране возможность ежегодно увеличивать валовой продукт, а теперь я думаю, что употребление их ведет скорее к уменьшению валового продукта. Я изложил свои соображения в пользу такого взгляда и готов снова признать свою ошибку, если мне докажут, что я не прав. В моей книге имеется столько недостатков формы, которые я не могу защищать, что я должен покориться и присоединить к их числу еще одну ошибку.

В этой части изложения вопроса у вас встречается выражение, которое меня удивляет и исходит, кажется, из большого непонимания моего теперешнего взгляда: льшу себя надеждой, что, если я лучше объясню мой взгляд, вы сами признаете его вполне здоровой доктриной. Вы говорите: «Мог ли я ожидать, после прочтения вашего торжествующего ответа на аргументы Мальтуса, что вы так скоро протянете ему руку примирения и уступите ему во всем». Мальтус вовсе не думает, что я уступил ему в чем-либо, и никто, читавший эту главу, не предположил, что я стал ближе к Мальтусу, чем прежде, хотя бы на один шаг. Вы, наверное, забыли, что возражение Мальтуса против машин заключается в том, будто они настолько увеличивают валовой продукт страны, что произведенные товары не могут быть потреблены, что на них нет никакого спроса. Я же, напротив, думаю, что применение машин часто уменьшает количество валового продукта, и, хотя склонность потреблять неограниченна, спрос уменьшится благодаря недостатку покупательной способности. Могут ли две доктрины быть более различны? А вы говорите о них, как о совершенно одинаковых.

¹ Т. е. доклад Комитета земледелия. — *Прим. ред.*

² Ответ на письмо Мак-Куллоха от 5 июня 1821 г., в котором он резко нападает на Рикардо за изменение его взгляда на роль машин. — *Прим. ред.*

Перейду теперь к рассмотрению самой доктрины. Я не теряю надежды убедить вас, что она правильна и так же доказуема, как и всякая другая доктрина в науке политической экономии. Я признаю, что машины не были бы введены, если бы они не производили товары дешевле, чем последние производились до введения машин, но я отрицаю другое положение: «если они производят товары дешевле, то их введение должно быть выгодно для всех классов людей». Их применение должно быть выгодно для каждого класса покупателей, как покупателей, но вопрос между нами состоит в том, уменьшит оно или нет численность класса покупателей. Я говорю, что уменьшит, потому что уменьшит количество валового продукта; поэтому сделанное в вашем письме замечание, что больший или меньший размер валового или чистого продукта не имеет для нас ни малейшего значения, не может быть обосновано, так как весь вопрос покоится на истинности именно этого положения. Уменьшите количество поступающих в обмен предметов и вы сократите спрос на товары, а также средства наслаждения какого-либо одного класса или нескольких классов общества. Если я не сказал, будет ли машина служить один год, десять или сто лет, то я был не настолько точен, насколько должен был быть. Я допускаю также — это ясно, как любое положение в геометрии, — что если бы машина работала только год, уменьшения спроса на труд не могло бы быть, но я не допускаю, что такой же результат имел бы место, если бы машина функционировала десять лет. Если бы машина действовала только год, то произведенное при ее помощи сукно должно иметь по меньшей мере такую же стоимость, как прежде, но если бы она функционировала десять лет, то значительно меньшая стоимость сукна доставила бы обычную прибыль на капитал: ведь при затрате такой же суммы капитала, меньшая часть последнего была бы употреблена на содержание труда, и, следовательно, из валовой стоимости произведенных товаров делался бы ежегодный меньший вычет. Только то, что остается после этого вычета, неизменно составляет прибыль. Фабрикант сукна производит 10 тыс. ярдов сукна по 2 ф. ст. ярд или на 20 тыс. ф. ст., из которых он платит 9 тыс. ярдов или 18 тыс. ф. ст. за труд. При помощи машин и с тем же самым капиталом он может производить только 3 тыс. ярдов ежегодно, но из этих 3 тыс. он может удержать 1,5 тыс. ярдов на свою долю, как прибыль; вследствие экономии в средствах производства, цена сукна, предположим, понизится до 1 ф. ст. 10 шилл. за ярд. Разве фабрикант не получит 2250 ф. ст. на прежнюю сумму капитала вместо 2 тыс. ф. ст., которые он получал прежде? Не достаточный ли это для него мотив заметить оборотный капитал основным, и может ли он сделать это.

не вытесняя труда? Здесь мы имеем пример товара, ставшего более дешевым в силу снижения издержек производства, хотя общее количество товара уменьшилось. Сделайте машины более долговечными, и меньше, чем 3 тыс. ярдов будет достаточно, чтобы вознаградить фабриканта, потому что он должен пожертвовать меньше ярдов с целью содержать свой основной капитал в его первоначальном эффективном состоянии. Если вы предполагаете, что при большей долговечности машина будет продолжать производить 3 тыс. ярдов сукна, цена сукна упадет, так как издержки производства его будут и далее уменьшаться. Только при наличии машины, могущей производить 10 тыс. ярдов сукна, вы могли бы дать работу прежнему количеству труда, так как только в этом случае вы имели бы ежегодно то же самое количество пищи, сукна и всех других товаров. Вы говорите, что производительности паровой машины не будет нанесен ущерб, хотя бы повеление всевышнего одавило неразрушимостью материалы, из которых она составлена. Верно, но тогда паровая машина имела бы меньшую стоимость, потому что природа делала бы для нее больше, а труд меньше. Чтобы получить неразрушимую паровую машину в настоящее время, мы вынуждены ежегодно тратить на нее известное количество труда, и поэтому она имеет большую стоимость. Я не сказал, что, если бы воля всевышнего дала нам паровые машины вполне готовыми и способными производить для нас работу без содействия человеческого труда, то такой подарок был бы убыточен для какого-либо класса. Дело обстоит бы совершенно не так. Но я сказал, что, когда фабрикант владеет оборотным капиталом, он может, пользуясь им, сдать работу большему числу людей; но если для его целей выгодно заменить оборотный капитал основным капиталом той же стоимости, это неизбежно будет сопровождаться必要ностью уволить часть рабочих; ведь основной капитал не может дать занятие всем рабочим, на замену труда которых он рассчитан. Признаюсь, что эти истины кажутся мне столь же доказуемыми, как любая из истин геометрии, и я только поражен, что так долго не мог их разглядеть. В свою очередь прошу вас посвятить им ваше беспристрастное внимание; если вы это сделаете, вы, я думаю, согласитесь со мною.

Доклад Комитета о земледелии будет представлен Палате общин завтра. Доклад лучше, чем можно было бы ждать, принимая во внимание состав Комитета; я льщу себя надеждой, что в нем достаточно хорошего, чтобы выявить те ошибки, которые мы не могли изгнать из него. Доклад был написан Гескиссоном, и справедливость требует сказать, что он стоит за организацию торговли на самой свободной и либеральной основе.

Машет желает, я думаю, чтобы его таблицы¹ были отмечены в «Скотсмен». Я не рассматривал их со всей тщательностью, но замечаю, что он считает весь долг, как капитал, приносящий 5%, тогда как большая часть его приносит только 3%. Не знаю, компенсируется ли эта основная ошибка тем, что Машет исчисляет долг, созданный со времени девальвации 1800 г., таким же образом. Если так, результат будет, вероятно, правилен. Думаю, что он должен был произвести все свои расчеты из сложных процентов, а он произвел их из простых.

*Гэткомб парк, Минчингемптон,
30 июня 1821 г.²*

Я рад, что вы собираетесь написать статью в «Эдинбург Ревью» о значении сохранения стандарта денежного обращения, установленного в 1819 г. Странно, что те, кто обычно защищал здравые принципы по этому важному вопросу, находились или скорее находились среди самых настойчивых сторонников таких поправок к стандарту, которые были бы равносильны его изменению, в то время как министры, которые меньше всех других видели вопрос в его истинном свете, находятся теперь в рядах наиболее стойких защитников неизменного и постоянного стандарта. Я надеюсь, что все шансы на отмену закона 1819 г. теперь исчезли и что мы настолько учтем свой прошлый опыт, что никогда не рискуем снова проводить такое опасное мероприятие, как закон 1797 г.

Вы желаете знать мое мнение о таблицах Машета. Я сообщу его вам вполне откровенно; надеюсь, что смогу выразиться достаточно ясно, чтобы быть легко понятым. Его план состоял в том, чтобы при помощи баланса дебета и кредита показать, что в общем выиграли или потеряли держатели фондов, благодаря последовательным мероприятиям: сначала девальвация находящихся в обращении денег, а затем восстановление их стоимости до прежнего уровня. В течение того периода, когда деньги были обесценены, держатель фондов потерял часть своих годовых дивидендов на ту долю долга, которая существовала еще до девальвации. Но так как в течение того же периода он давал займы государству в обесцененных деньгах, на которые он должен был бы получать и впредь дивиденды в деньгах такой же стоимости, то он выигрывает, поскольку ему теперь платят в деньгах большей стоимости. Машет взялся сравнить эти выигрыши и потери и определить, какие из них

¹ «Серия таблиц, показывающих выигрыши и потери держателей государственных бумаг в зависимости от колебания стоимости денег с 1800 по 1821 г.»

² Ответ на письмо Мак-Куллоха от 21 июня 1821 г. — *Прим. ред.*

преобладали, но совершил некоторые очень важные ошибки. В первой таблице его расчет сделан для капитала в 471 335 923 ф. ст. в предположении, что таков был размер непогашенного долга; но в действительности, в 1800 г. таков был размер всего долга как погашенного, так и непогашенного. Он должен был ограничиться непогашенным долгом. Во-вторых, в той же таблице он высчитывает процент по норме в 5% на номинальный капитал и предполагает поэтому, что государственный кредитор имеет право на дивиденд в 23 млн., но так как большая часть капитала состояла из трехпроцентных бумаг, то действительные дивиденды составляли не больше...¹ То же замечание относится к последнему столбцу, в котором дана капитальная стоимость выпущенных бумаг, а не их денежная стоимость. Сам Машет думает, что это не имеет большого значения, так как одно так же ясно, как другое; но это, конечно, имеет значение, и я очень сильно сомневаюсь, чтобы одно было так же ясно, как другое. В-третьих, в первой таблице он считает деньги по паритету и, следовательно, если общая сумма его дивидендов верна, то результат получился бы таким, как он констатирует, а именно — потеря для держателя государственных бумаг 40 099 891 ф. ст. в деньгах нынешнего стандарта; но в таблице третьей и в большинстве других рыночная цена золота отличается от стандартной цены и, следовательно, полученный в итоге выигрыш в 69 457 ф. ст. есть выигрыш не в наших стандартных деньгах, а в обесцененных деньгах, измеряемых стандартной ценой золота в 4 ф. ст. 5 шилл. за унцию. Чтобы сделать сумму выигрыша правильной, он должен сделать дальнейший подсчет и сказать, что 69 457 ф. ст. так относятся к X, или к правильной сумме, как 4 ф. ст. 5 шилл. относятся к 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенс. В таблице четвертой стандарт равен 4 ф. ст. 4 шилл., в пятой — 4 ф. ст. 16 шилл., 5 ф. ст. 4 шилл. и т. д. Вместо того чтобы выразить итоги, которые в конце концов складываются вместе, в одном общем стандарте, их выражают в почти столь же различных стандартах, как и самые суммы, что должно привести к самым ложным заключениям. Во всех расчетах процентов от таблицы 21 до 226 Машет довольствуется простыми процентами. Я утверждаю, что он должен был пользоваться сложными процентами. Если бы я был старым держателем государственных фондов и если бы в течение 20 лет вследствие обесценения денег я ежегодно терял 100 ф. ст., то моя потеря составила бы 3300 ф. ст., так как 100 ф. ст. ежегодно, накапливаемые в течение 20 лет из сложных процентов, составили бы эту

¹ Пропуск в рукописи. Во втором издании таблиц Машета приведена цифра — 15 611 864 (см. кембриджское издание, т. VIII, стр. 397). — *Прим. ред.*

сумму. Согласно же Машету, моя потеря равнялась бы только 2950 ф. ст. или 2 тыс. ф. ст. от потери дивидендов и 950 ф. ст. за простые проценты с них. Все эти ошибки я указал самому Машету и полагаю, что он намерен составить свои таблицы заново и сделать их в другом издании более правильными¹.

Думаю, что я рассмотрел эти детали более подробно, чем необходимо. Я сделал это с целью показать вам, как совершенно непригодны эти таблицы для определения действительной потери или действительного выигрыша для держателя государственных фондов в результате различных опытов с нашим денежным обращением в течение 20 лет.

Теперь несколько слов относительно машин. Вы приводите очень хороший пример фабриканта, получающего 10 тыс. ярдов хлопчатобумажных тканей вместо 100 тыс. Если бы его 10 тыс. ярдов были целиком произведены машинами, которые никогда не снашиваются, и имели бы такую же стоимость, как капитал, использованный прежде для оплаты труда и производства 100 тыс. ярдов, то, говорите вы, цены хлопчатобумажных тканей возросли бы, это имело бы место потому, что капитал не может передвигаться из одного предприятия в другое с такой быстротой, какая требовалась бы при противоположном предположении. Я допускаю все, что вы утверждаете по этому пункту, и спрашиваю, каково было бы положение рабочих вследствие применения машин в этой отрасли промышленности. Какова бы ни была цена хлопчатобумажных тканей, произведенное количество уменьшится, и вместо них не будет произведено большего количества какого-либо другого товара. Можно ли представить себе такое большое уменьшение производства, которое не сопровождалось бы страданиями для какого-нибудь из классов общества? Платежеспособный спрос на хлопчатобумажные ткани не может быть так велик, как прежде, потому что этот спрос зависел от спроса на хлеб и сукно — товары, потребляемые рабочими, заработная плата которых в действительности выплачивается в хлопчатобумажных тканях. Цена труда уменьшится, потому что уменьшится спрос на него. Цены хлеба и сукна понизятся, потому что спрос на них зависел от спроса на труд. Цена хлопчатобумажных тканей может немного повыситься, но высокая цена может держаться только до тех пор, пока вследствие высокой прибыли в эту отрасль промышленности не будет привлечен добавочный капитал. В этом случае налицо будут все мотивы оставить занятие, которое не дает обычной прибыли, с целью заняться другим, которое дает прибыль более высокую, чем обычная.

¹ Во «втором исправленном издании» таблиц Машета большинство предложенных исправлений внесено. — *Прим. ред.*

Я не требую большей уступки, чем эта. Допуская, что вследствие применения машин ежегодный валовой продукт промышленности страны уменьшится, вы отказываетесь от всей своей аргументации, так как ежегодный валовой продукт не может быть уменьшен каким-либо другим путем, кроме уменьшенного использования трудящихся классов. Если бы машины могли производить всю работу, которую теперь выполняет труд, на последний не было бы никакого спроса. Никто не был бы в состоянии потреблять что-нибудь, если он не капиталист и не может купить или нанять машину.

Гэткомб парк, 8 июля 1821 г.

По просьбе Машета я пишу вам эти строки, чтобы сказать, что он сильно занят исправлением своих таблиц, с целью сделать их правильными в принципе. Он говорит, что вы можете ожидать получения экземпляра его нового издания через две или три недели.

Ваши замечания по поводу доклада Комитета о земледелии превосходны. Я очень польщен, так как знаю, что упорно боролся против принципа первого раздела¹, который вы цитируете, но без успеха. Гескиссон сам не вполне признавал его правильность, но разница между ним и мною заключается в следующем: он хотел бы постоянно держать земледелие на нынешней высоте, а я хотел бы постепенно свести его к уровню, на котором оно находилось бы, если бы торговля была свободна; я называл бы торговлю свободной, если бы пшеница была подвергнута постоянной пошине в 8 шилл. за квартал, чтобы компенсировать специальные налоги, которыми обложена земля. Вы не отметили место на стр. 16, начинающееся словами: «Принимая поэтому», а также на стр. 17: «Им од-

¹ В этом разделе Комитет ставит на рассмотрение парламента следующий вопрос: «Не будет ли торговля хлебом, постоянно открытая для всех наций мира, предпочтительнее, как перманентная система, чем законоположения, которыми регулируется теперь хлебная торговля? Она должна быть обложена лишь таким постоянным налогом, который мог бы компенсировать земледельца за потерю выгод, какие он извлекал во время последней войны из препятствий, чинимых свободному ввозу, и тем самым защитить капиталы, вложенные в настоящее время в земледелие, от неравной конкуренции на внутреннем рынке. Для применения такого принципа необходимо, чтобы при исчислении этого налога справедливо учитывалась разница расходов, включая обычную норму прибыли, требующихся при теперешнем положении вещей для выращивания хлеба и доставки его на рынок в Соединенном королевстве; разница исчисляется по сравнению с расходами, также включающими обычную норму прибыли, по выращиванию хлеба в одной из тех стран, откуда обычно шли основные поставки иностранного хлеба с прибавкой расходов по подвозу его из этих стран на наши рынки» (см. кембриджское издание, т. IX, стр. 7—8).

нако не трудно констатировать», а между тем оба эти места вызывают большие возражения. На стр. 11 имеется большое противоречие с первой частью доклада. Мы говорим: «Принимая поэтому за основание» и т. д.; здесь мы говорим, что устойчивые цены выгодны для землевладельцев, а выше мы сказали, что устойчивые цены могут быть достигнуты только в том случае, если мы позволим им быть низкими и на одном уровне с ценами других стран. Это приводит к выводу, что низкие цены выгодны для землевладельцев. С этим я не могу согласиться, но у меня нет теперь времени писать дальше.

Гэткомб парк, 3 января 1822 г.¹

Я буду в Лондоне не раньше конца этого месяца или в начале февраля и поэтому я не увижу вашей статьи о деньгах до этого времени, если вы не будете настолько любезны, что отправите ее мне сюда в закрытом пакете. Если она будет напечатана до февраля, то я желал бы, чтобы вы поступили таким образом. Коббет и его последователи ведут против меня непрерывные атаки, так как в своем показании перед комитетом о банке я сказал, что восстановление денежного обращения до прежнего стандарта повысит стоимость денег только на 5%. Он забывает, что я говорил о рекомендованном мною плане восстановления денежного обращения, который не потребовал бы употребления золота и поэтому не вызвал бы никакого спроса на этот металл; я поэтому спрашиваю, что же имеется в возвращении к слитковому стандарту такого, что может изменить цены больше чем на 5%? Предположим, что в 1819 г., когда золото стоило 4 ф. ст. 2 шилл. за унцию, у нас были две цены: цена в бумажных деньгах и цена в слитках; на 4 ф. ст. 2 шилл. в бумажных деньгах можно было бы купить не больше чем на 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенс. в золоте. Если бы мы повысили стоимость бумажных денег на 5%, то разве на 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенс. в бумажных деньгах мы не купили бы столько же, как и за такую же сумму в золоте? Если же в ходе операции по ограничению количества бумажных денег я произвожу огромные закупки золота и накопляю его в сундуках или использую на такие нужды, на которые оно прежде не употреблялось, то я повышаю стоимость золота и этим путем снижаю цены товаров как в золоте, так и в бумажных деньгах, причем стоимость последних должна соответствовать стоимости золота; а это и есть как раз то, что проделал Английский банк. Благодаря своему невежеству управляющие банка сделали возвращение к стандартному денежному

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 23 декабря 1821 г. — *Прим. ред.*

обращению настолько трудной задачей для страны, насколько это возможно.

Коббет забывает к тому же, что билль Пиля безусловно запрещал Английскому банку производить платежи в металлических деньгах до 1823 г. Все сторонники этого билля были вправе ожидать, что банк не будет производить никаких приготовлений для платежей звонкой монетой до 1822 г., т. е. за год до установленного срока; со своей стороны я льстил себя надеждой, что если бы за период с 1819 по 1822 г. было обнаружено, что система платежа слитками оказалась надежной и удобной, то платежи звонкой монетой будут и далее отсрочены; но Английский банк был сильно настроен против плана, немедленно начал скупать слитки и чеканить монеты и в прошлом году был безусловно вынужден обратиться к парламенту за разрешением платить звонкой монетой, так как накопил ее в большом количестве. Раз уж руководство банка оказалось достаточно глупым, чтобы проделывать это, то безразлично, согласится ли парламент с его просьбой или откажет в ней. Действительно, было более желательно удовлетворить эту просьбу, поскольку покупкой и накоплением золота вред был уже нанесен, и никакого нового ущерба не могло бы произойти от замены (в обращении) монетой бумажных денег, которые банк хотел извлечь. Некоторые из поклонников Коббета говорят о моих ошибочных предсказаниях в Монмаутсе; те же люди были в Герефорде, где мне удалось защищать свою точку зрения, так как я был там, и они ничего тогда не сказали.

Лондон, 8 февраля 1822 г.¹

Я нашел книгу, о которой я раньше упоминал. Заглавие ее: «Элементарные мысли по вопросу о слитках, о национальном долге, о ресурсах Великобритании и вероятной продолжительности существования нашей Конституции». Я немедленно пошлю ее вам, если вы желаете иметь ее. Быть может, вы предпочтете, чтобы я послал ее вместе с рукописью лекций, которую мне придется вернуть вам, когда вы мне ее пришлете.

Я с большим удовольствием читал вашу статью о деньгах в «Дополнении». Она принципиально верна и полна сведений о различных изменениях, которые наши деньги претерпели в разное время.

Очень опасаясь, что вы не согласитесь с мнением, которое я высказал на днях в Палате общин: налоговое обложение не является, по-моему, причиной бедственного положения земледелия. Облегчение от налогового бремени было бы полезно для фермеров и землевладельцев точно так же, как и для других

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 13 января 1822 г. — *Прим. ред.*

людей, но это не доказательство того, что бедствие вызвано налогами. Вопрос, как я себе его представляю, заключается в следующем: «Могла ли бы Англия переживать состояние весьма бедственного положения в земледелии, если бы не знала никакого налогового обложения?» Ответ, по моему мнению, ясен и очевиден: могла бы, потому что возможно, что у нее было бы избыточное количество земледельческих продуктов. Если страна запретила ввоз хлеба, а затем сразу открывает свои порты и хлеб может быть ввезен по низкой цене, земледелие будет терпеть бедствие. Если в стране было подряд несколько хороших урожаев, ее земледелие будет терпеть бедствие. Если она внезапно и в значительной степени усовершенствует обработку земли, она будет страдать от бедствия в земледелии. Все эти причины вместе содействовали бедствию в Англии, потому что мы открыли наши порты для неограниченного ввоза дешевого хлеба из Ирландии; у нас были два или три хороших урожая, и мы усовершенствовали обработку земли.

Вероятно, мы не сойдемся во взглядах на современное положение страны. Я считаю, что в общем и целом она находится в цветущем положении и что наше богатство ежедневно возрастает. Все указывает на то, что наши фабрики находятся в состоянии прогрессивного усовершенствования, а из данных о государственном доходе я заключил бы, что их процветание больше чем компенсирует потери и беды земледельческого класса. Я не могу не думать, что бедственное состояние земледелия не будет долго продолжаться, и не могу не опасаться, что произойдет реакция, которая будет очень выгодна фермерам и очень невыгодна для всех других классов. Я надеюсь, что мы пройдем через этот кризис, не отягчая зла плохим законодательством. Я не надеюсь, что будут приняты хорошие меры; землевладельцы слишком могущественны в Палате общин, чтобы дать нам какую-либо надежду на отказ от налога, которым они в действительности сумели обложить все остальное общество. Они, по-видимому, весьма недовольны и обозлены, и я почти сомневаюсь, удалось ли бы мне заставить выслушать себя, если бы я попытался выразить взгляды, до такой степени противоположные их собственным.

Я присутствовал на собрании нашего политико-экономического клуба в прошлый понедельник. Все были в сборе. Предметом дискуссии были некоторые запутанные вопросы¹. В по-

¹ На собрании 4 февраля 1822 г. обсуждались следующие вопросы:

1. Имеют ли машины тенденцию к уменьшению спроса на труд (Д. Рикардо).

2. Каково влияние налогов на цены в стране, не имеющей внешней торговли (Т. Тук) (см. кембриджское издание, т. IX, стр. 158—159).

следнем издании моей книги имеется примечание, в котором я выражаю мнение, что при повышении цены какого-либо товара вследствие введения налога и потребления его в прежнем количестве, добавочная цена не вызвала бы необходимости в затрате большего количества денег для его обращения¹. То же мнение высказано Миллем в его книге. Правильность этого взгляда была подвергнута сомнению, и вопрос поэтому сделан был предметом обсуждения. Большинство собрания, мне думается, убедилось, что это положение верно. Дискутировалось также мое мнение о влиянии машин на спрос на труд, но я не могу сказать точно, каково было общее мнение об этом спорном вопросе. Мы возобновим беседу об этих вопросах, когда с нами будут Милль и Торренс. Они оба отсутствовали по болезни.

Лондон, 19 февраля 1822 г.²

Вчера вечером я попытался подробно изложить Палате свой взгляд на вопрос, который так сильно занимает страну³, и сделал это достаточно подробно для человека, так мало способного говорить, как я. Палата слушала меня с вниманием и как будто следила за моей аргументацией и понимала ее, но, к сожалению, я должен сказать, что репортер «Таймс» меня, по-видимому, не понял. Я не видел других газет, но уверен, что если бы вы были одним из моих слушателей, то вы согласились бы с каждым положением, которое я выдвигал.

Нет ничего хуже, чем те лекции по политической экономии, которые недавно читал Палате Броэм. Он не знаком как следует даже с трудом Адама Смита и право же не дал себе труда познакомиться с работами, которые были опубликованы в наше время.

Я прочту вашу лекцию с вниманием и верну ее со своими замечаниями, если таковые сделаю, с г-ном Диком. Я пошлю также с ним книгу о слитках, которую вы можете мне не возвращать.

Я опять назначен членом Комитета о земледелии, но боюсь, что принесу там мало пользы. Мы кое-что выиграли, добившись осуждения существующего закона всеми партиями, и я почти не сомневаюсь, что те соображения, которые приводятся в осуждение настоящего закона, могут быть применены и против принципа любого покровительственного закона, который могут пожелать установить.

¹ См. т. I настоящего издания, стр. 179.

² Ответ на письма Мак-Куллоха от 12 и 13 января 1822 г.

³ О бедственном положении земледелия.

Лондон, 19 марта 1822 г.¹

Ваши лекции доставили мне большое удовольствие. Я рад, что мнения, которых мы оба придерживаемся, изложены так ясно и умело, и могу лишь быть уверен, что ваши старания будут способствовать их прогрессу и распространению.

Вы идете несколько дальше, чем я, в определении стоимости товаров количеством труда, требующегося для их производства. Вы, по-видимому, не допускаете никакого исключения или какого-либо ограничения, тогда как я всегда готов допустить, что некоторые изменения в относительной стоимости товаров могут быть объяснены причинами, отличными от количества труда, необходимого для их производства. Если тысяча кирпичей изменяется в относительной стоимости сравнительно с известным количеством муслина, произведенного при помощи ценных машин, то это может быть вызвано одной из двух причин: либо для производства одного из них может потребоваться большее или меньшее количество труда, либо заработная плата могла всюду повыситься или понизиться. По отношению к первой возможной причине изменения мы вполне согласны, но вы, по-видимому, не допускаете, что при одинаковом количестве труда, соответственно затраченном на кирпичи и муслин, их относительные стоимости могут изменяться только потому, что повышается или понижается стоимость труда, и все-таки этот факт представляется мне неоспоримым. Этой второй причине я не придаю такого большого значения, как Мальтус и другие, но не могу вполне закрывать глаза на нее.

В вашей лекции имеется другое место, которое, по моему мнению, требует небольшой поправки. Вы говорите: «Каждый продукт может быть использован для удовлетворения потребности или увеличения удовольствия его владельца, или он может быть употреблен как капитал, и будет использован для воспроизводства более значительной стоимости, чем он сам представляет».

Он может быть употреблен как капитал, если это товар, который возможно использовать в воспроизводстве или если его можно обменять на такой товар, но, если вы произвели вино, а я — тонкое сукно, мы не могли бы ни употребить их как капитал, ни обменять их друг на друга, как на товары, которые могут быть использованы как капитал.

Мне очень понравилась ваша передовая статья о признаках процветания в номере «Скотсмен», который я получил сегодня; с интересом буду ждать обещанной статьи о прибылях. У меня есть, однако, одно замечание по поводу вашего заявле-

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 13 февраля 1822 г. — Прим. ред.

ния, что прибыли и заработная плата могут быть обе высоки. В каком мериле могут они быть обе высоки? Они действительно могут быть обе оплачены обильным количеством произведенного товара, но тогда товар будет иметь сравнительно низкую стоимость, а прибыль будет высока, если доля всего произведенного количества, уплачиваемая в качестве прибыли, будет высока; если же эта доля будет мала, то прибыль будет низка, а заработная плата — высока.

Лондон, 7 мая 1822 г.¹

Статья ваша о хлебных законах в «Эдинбург Ревью» мне очень понравилась. Я рад констатировать, что мы так близко сходимся во взглядах на губительное влияние этих законов. Я уверен, что в конце концов они будут отменены. Растущая осведомленность страны в этом вопросе даст возможность понять вам и каждому, что свобода хлебной торговли имеет величайшее значение для роста благосостояния.

Я читал ваши лекции с большим удовлетворением. Ваша защита промышленности против нападков, которые непрерывно направляются против нее, прекрасна. Как и вы, считаю, что наше промышленное население так же нравственно, как земледельческое, и, конечно, гораздо лучше осведомлено. Взгляд Адама Смита на этот предмет, я думаю, чрезвычайно неправилен.

Я искал в ваших лекциях ошибки, а не красоты. Я смог найти очень немного мест, которые мне кажутся ошибочными, и везде, где я нахожу их, они относятся главным образом к принципам, по которым между нами существует небольшое расхождение во взглядах. Я отметил эти места в рукописи, и вы сможете очень легко найти их.

1. Вы говорите: «Спрос на труд должен возрастать, когда возрастает капитал страны, и должен уменьшиться, когда уменьшается капитал». Это не безусловно верно. Я могу построить на свои сбережения мастерскую или сконструировать паровую машину. Таким образом я увеличу свой капитал, но в следующем году я смогу нанять небольшое число рабочих.

2. «Пока она² делает это (увеличивает свой капитал), она всегда будет иметь непрерывно возрастающий спрос на труд и будет постоянно увеличивать продукт земли и труда и, конечно, свое население».

Замечание. То же, что и последнее.

3. «И капиталист, который может инвестировать капитал так, чтобы он давал прибыль в 10%, может также накапливать

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 17 апреля 1822 г. — Прим. ред.

² Т. е. страна.

в два раза скорее, чем капиталист, который может получить только 5% на свой капитал».

Замечание. Здесь недооценка. Он мог бы накапливать скорее, чем в два раза. Из двух караваев хлеба я могу сберечь один, из четырех я могу сберечь три.

4. Замечание. Он не мог бы дать занятие добавочному числу рабочих.

5. Замечание. Это может быть неверно понято. Меньше не потребляется. Вы признаете, что все потребляется, но потребляется иным классом, производящим классом вместо непродуцирующего класса.

6. «Интересы отдельных лиц никогда не пахотятся в противоречии с интересами общества».

Я не согласен с этим положением. В вопросе о машинах интересы предпринимателей и рабочих сталкиваются очень часто. Разве интересы землевладельцев и интересы общества всегда тождественны? Я уверен, что вы не скажете этого.

7. Я отрицаю, что мы в состоянии найти занятие для всех рабочих, которые вытесняются машинами.

Вот все замечания, которые я могу сделать по поводу тех или иных мест в ваших лекциях; в защиту их я мог бы сказать многое, но в этом нет необходимости. Они ясны и не преминут убедить всякого.

Я не вполне согласен с вами относительно немедленного возвращения к свободной торговле хлебом. Цена хлеба действительно низка, но обработка земли не прекращена. Думаю, было бы желательно, чтобы процесс, в результате которого земля будет оставлена, шел очень медленно. Иначе вы сделаете положение фермера непоправимым, он был бы разорен без надежды на улучшение.

Лондон, 25 марта 1823 г.¹

Я только что закончил чтение вашего очерка «Политическая экономия», написанного для Дополнения к Энциклопедии, как получил ваше письмо. Если бы вы написали его двумя днями позже, наши письма разминулись бы в пути, так как я не потерял бы ни минуты, чтобы выразить вам удовольствие, которое испытывал, читая вашу прекрасную статью. Кроме ценного исторического очерка, вы дали столь ясное изложение всех главных принципов науки, что мне не остается ничего больше желать. Возражения, которые были сделаны против теорий стоимости, ренты, прибыли, заработной платы, спроса и рынков, отчетливо и правильно выявлены, и на все эти во-

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 21 марта 1823 г. — *Прим. ред.*

просы даны самые удовлетворительные ответы. Я жалею только, что этот очерк не опубликован отдельно от книги, в которой он появится. Опасаюсь, что, будучи помещен в Дополнении, он не найдет такого многочисленного круга читателей, какой его достоинства обеспечили бы ему, если бы он вышел отдельным изданием.

Я вполне согласен с вашим мнением о книге Блэка. Он показал мне ее до того, как отдал в печать, и я воспользовался привилегией друга, чтобы откровенно высказать ему свое мнение о ней. Он был достаточно любезен, чтобы самым внимательным образом рассмотреть мои замечания, но в конце концов он пришел к заключению, что держится правильного взгляда на предмет. Мне кажется, что Блэк, сам того не сознавая, соглашается с теми, взгляды которых он подвергает критике. Он согласен с ними в том, что бумажные деньги должны соответствовать стандарту, как бы ни изменялась стоимость последнего; он также считает, что в нашем случае билль о приостановке платежей, который, по его словам, не должен был бы быть принят, помешал уравниванию стоимости; он согласен, что если бы в период с 1800 по 1815 г. министрам приходилось заключать займы и не было билля о приостановке платежей, они заключали бы займы на гораздо меньшую номинальную сумму, чем в действительности и, следовательно, по этим займам мы должны были бы платить в качестве дивиденда гораздо меньшую номинальную сумму. В чем же Блэк тогда расходится с нами? В понимании слова обесценение и в решении вопроса, вызвано ли различие между золотом и бумажными деньгами повышением цены золота или понижением цены бумажных денег. В обоих этих пунктах он, по моему мнению, не прав. Обесценение в применении к деньгам следует понимать как относительно низкую их стоимость по сравнению со стандартом и больше ничего. Следовательно, деньги могут быть обесценены, хотя бы абсолютная стоимость их и повысилась. Что касается второго пункта, действительно ли повысилось в стоимости золото или понизились бумажные деньги, то нет такого критерия, при помощи которого это можно было бы положительно удостоверить, но все внешние признаки говорят против Блэка. Если деньги сохраняют прежнюю стоимость при повышении цены золота, то почему возрастают также цены товаров? Ответ Блэка на этот вопрос совершенно неудовлетворителен. Он приписывает это возросшим правительственным расходам. Я отрицаю, что возросшие правительственные расходы могли бы повысить на сколько-нибудь продолжительное время даже цены тех товаров, на которые предъявляет спрос правительство, но невозможно приписать этому повышение цен всех других товаров, на которые

нет спроса со стороны правительства. Когда 120 ф. ст. в деньгах в Англии стоят около 100 ф. ст. в деньгах в Гамбурге или во Франции, тогда как прежде они имели одну и ту же стоимость, то невозможно, я думаю, отрицать, что либо гамбургские и французские деньги повысились, либо английские деньги понизились. Блэк отрицает и то и другое. Приведенный вами пример Америки неопровержим. Уверяю вас, что вы не должны сомневаться в своем суждении относительно вексельных курсов из-за того только, что вы незнакомы с практическими деталями этого предмета; теория, как вы знаете, здесь очень проста, а практика находится в строгом соответствии с ней.

Лондон, 3 мая 1823 г.

Я представил петицию, которую вы мне послали, и защищал ее лучшими доводами, какие только мог привести, но ни Палата, ни репортеры не обратили на меня большого внимания. Теперь это не имеет никакого значения, так как просьбы, изложенные в этой петиции и в других петициях этого рода, правительством удовлетворены.

Я читал ваши замечания по поводу памфлета Блэка и думаю, что вы обвиняете его в некоторых противоречиях, в которых он не виновен. Во-первых, по отношению к денежному обращению: единственная перемена во взглядах Блэка с тех пор, как он написал свой первый памфлет, заключается в том, что он прежде думал, будто разница между золотом и бумажными деньгами, существовавшая во время войны, была вызвана падением стоимости бумажных денег, тогда как стоимость золота оставалась без изменения, а теперь он думает, что стоимость золота повышалась, а стоимость бумажных денег оставалась неизменной. В подтверждение этого мнения Блэк вынужден утверждать, что стоимость золота повысилась в нашей стране, из которой оно вывозится, и что стоимость его понизилась или оставалась неизменной в странах, куда его отправляли. Вы выступаете против этого взгляда, и я вполне согласен с вами, что тут Блэк неправ, но вы не поняли аргументации Блэка и предполагаете, что он защищает принципы, которые он первый осудил бы. В этом споре Блэк и вы придаете различное значение слову стоимость. Если мы измеряем стоимость золота иностранными товарами, которые являются объектом торговли между двумя странами¹, то ясно, что золото не могло бы в такой мере вывозиться из страны, в которой оно дорого, в ту, в которой оно дешево. Если бы мерой было вино,

¹ Такой мерой стоимости золота пользуется Мак-Куллох.

то золотом можно было бы платить за вино лишь тогда, когда вино дороже в стране, которая его ввозит, а это значит, иными словами, что золото в этой стране дешевле. Но во Франции, где выдвывается вино, стоимость вина может упасть, и в то же время могут возрасти расходы по его доставке. При этих условиях Англия может не ввозить больше вина из Франции, и если Франции придется уплачивать Англии субсидию, то поскольку у нее нет (предположим) ничего другого для вывоза, кроме золота и вина, она вынуждена будет платить золотом. Стоимость золота во Франции возрастет, поскольку она измеряется во всех громоздких товарах, непригодных для вывоза, а в Англии повысится стоимость всех товаров. Вексельный курс отклонится от паритета лишь настолько, чтобы покрыть расходы по пересылке золота. Но если мы измеряем стоимость золота французскими товарами во Франции и английскими в Англии¹, то золото будет притекать из страны, в которой стоимость его повышается, в другую, где стоимость его понижается. Если бы при этих условиях Франция сохраняла при помощи бумажно-денежного обращения прежнее количество денег, то ни один товар во Франции не понизился или не повысился бы в цене, кроме золота; последнее повысилось бы в цене, и вексельный курс отклонился бы от паритета больше чем на сумму расходов по пересылке золота, потому что вексель оплачивался бы не в золоте, а в бумажных деньгах, процесс уравнивания которых со стоимостью золота был прерван. Таковы аргументы Блэка, и следует признать, что такой случай возможен, но я думаю, что вероятность того, чтобы он имел место, очень мала.

Блэк употребляет слово «стоимость» очень двусмысленно. У него, как мне кажется, нет никакой установленной меры для общего ее измерения, но он имеет отдельные стандарты для каждой отдельной страны. Я указал ему на это и возражал также против употребления им слова «обесценение», что побудило его дать мне объяснение, заключающееся в прилагаемой заметке².

Из того, что я сказал, вы увидите, что ошибка Блэка заключается скорее в том, что он слишком вдается в тонкости, и о нем нельзя сказать сколько-нибудь справедливо, что он стал защитником и апологетом теорий, ошибочность которых он сам доказывал. Выводы его те же, что и наши. Он стоит за то, чтобы придерживаться неизменного стандарта, и его книгу можно рассматривать скорее как исследование о причинах изменения стоимости стандарта, чем исследование о причинах

¹ Такова мера Блэка.

² Этой заметки не оказалось при письме. — *Прим. ред.*

изменения стоимости денег, находящихся в обращении. Я не могу понять, что именно Блэк понимает под воображаемыми деньгами неизменной стоимости или почему, говоря о стоимости товаров в различных странах, он измеряет стоимость столь различными стандартами. В пользу Блэка я привел бы в противовес вам, что золото может уходить из страны, где оно возрастает в стоимости в силу наличия там особых препятствий для вывоза других предметов. Но хотя я допускаю эту возможность, я согласен с вами, что Блэк все же не смог доказать, что таково было наше положение во время войны и что вся разница между золотом и бумажными деньгами вызвана была повышением стоимости золота. Аргументы Блэка относительно действия военных расходов вызывают еще больше возражений¹. Я не могу сказать ни одного слова в защиту его теории.

Видели ли вы книгу Мальтуса о мере стоимости? Доказательства его кажутся ошибочными от начала до конца. Он сделал бы гораздо лучше, если бы основывал защиту выбранного им стандарта на старых аргументах, которые я считаю неудовлетворительными; те же, которыми теперь он пользуется, иллюзорны и совершенно невразумительны.

Гэткомб парк, 8 августа 1823 г.

Трудный предмет стоимости занял мои мысли, но я не смог найти удовлетворительный выход из лабиринта. Я получил от Мальтуса два длинных письма на эту тему, и так как это может вам помочь узнать все за и против в пользу доктрины Мальтуса, то я посылаю вам его последнее письмо и мой ответ ему. Верните их мне по почте, когда прочтете. Я желал бы также, чтобы вы мне изложили свои взгляды на этот предмет в письменной форме. В вашей статье о политической экономии в Британской энциклопедии вы, думается мне, не отдаете должной справедливости аргументам наших оппонентов. Я не могу преодолеть затруднение с примером вина, которое выдерживается в погребе в течение трех или четырех лет, или дуба, на который первоначально затрачено было труда, быть может, всего на 2 шилл. и который теперь стоит 100 ф. ст. Не трудно оценить все это в такой мере стоимости, как наша; трудность заключается в том, чтобы показать, почему мы останавли-

¹ Согласно Блэку, «расходы и потребление, вызванные войной, были главными причинами увеличения производства во время войны и трудностей, преобладавших после ее окончания» (см. кембриджское издание, т. IX, стр. 287).

ваемся на этой мере и доказать, что она и является такой, какой должна быть мера стоимости, т. е. неизменной.

Я написал краткий очерк о Национальном банке, в котором постарался показать, что от учреждения такого не пострадает никто, кроме Английского банка и других эмиттеров бумажных денег в провинции, которые не имеют никакого права на прибыль; ведь последнюю можно сравнить только с прибылью, получаемой из пошлины за чеканку монеты.

Гэткомб парк, 21 августа 1823 г.¹

Вы, наверно, получили еще два письма, которыми я обменялся с Мальтусом по поводу его меры стоимости и которые я послал вам несколько дней назад. Боюсь, что вы не согласитесь ни с одним из нас, и будете настаивать на математической точности меры, которую мы с вами предпочитаем. Я не вижу упоминаемой вами большой разницы между обстоятельствами, которые определяют меновую стоимость товаров, и мерой этой стоимости. Я согласен с вами, что если приходится измерять стоимость, то следует измерять ее через посредство того или другого товара, обладающего стоимостью; именно это Мальтус и все мы предлагаем сделать, и единственное расхождение между нами касается обстоятельств, которые определяют стоимость, — неизменную стоимость товара, избираемого в качестве меры. Не ясно ли тогда, что, как только нам становятся известными обстоятельства, которые определяют стоимость товаров, мы оказываемся в состоянии сказать, что именно необходимо для того, чтобы дать нам неизменную меру стоимости? Все мы признаем также, что 2 шилл. с ежегодным накоплением по сложной норме прибыли дадут в конце концов 100 ф. ст., и так должно быть, чтобы сохранить равенство прибылей, но я ставлю под вопрос, правильно ли называть эти накопленные прибыли трудом и можно ли сказать, что товар, стоящий таким образом 100 фунтов, обладает стоимостью пропорционально количеству затраченного на него труда. Дерево, которое первоначально стоило 2 шилл., уплаченных за труд, а позже приобретает стоимость в 100 ф. ст., в строгом смысле слова никогда не стоило больше чем 2 шилл., уплаченные за труд, затраченный на него.

Товар, произведенный трудом одного человека в 52 недели, стоит и должен стоить больше, чем товар, произведенный 52 человеками в одну неделю. Да, говорите вы, потому что капитал, применяемый в течение 52 недель, дает занятие большему числу рабочих, чем капитал, примененный в течение

¹ Ответ на письмо Мак-Куллоха от 11 августа 1823 г. — *Прим. ред.*

одной недели, но в действительности в этих двух товарах содержатся только эквивалентные количества труда. Вы объясняете это, говоря, что оцениваете труд, затраченный на товар, труд, затраченным на капитал и являющимся агентом, при помощи которого произведен товар. Это, я думаю, есть способ оценки стоимости, выдвинутый Торренсом, так как в действительности это значит, что товары обладают стоимостью соответственно стоимости капитала, затраченного на их производство, и времени, в течение которого он для этого применялся. Это совершенно иное, чем говорить, что товары обладают стоимостью соответственно количеству вложенного в них труда. Однако, я не соглашаюсь ни с одним из этих положений; я спросил бы, какими средствами вы располагаете, чтобы определить равную стоимость капиталов? Вы говорите «если требуется капитал в 1000 ф. ст., чтобы привести в движение мускулы каменщика, который строит мне дом, и если требуется также 1000 ф. ст., чтобы произвести брожение, очистку и все другие процессы, которые дадут мне бочку вина, то не ясно ли, что дом и бочка вина стоят одинакового количества труда, если произведены в одно и то же время? И не ясно ли также, что, если требуется различное время, чтобы произвести их, то это может произойти только потому, что в них вкладываются различные количества труда? Мне это не кажется столь простым. Вы принимаете, что эти равные количества капитала, которые теперь стоят 1000 ф. ст. каждый, будут всегда иметь одинаковую стоимость, но вполне вероятно, что в дальнейшем один будет стоить больше, чем другой. Эти капиталы не одного и того же рода. Капитал, с которым работает одна категория рабочих, это не такой же точно капитал, как тот, с которым работает другая категория, если же сами эти капиталы произведены в неодинаковое время, то они подвержены таким же колебаниям, как и другие товары. Пока вы не установили критерия, при помощи которого мы определяем стоимость, вы не можете ничего сказать о равных капиталах, так как то, что равно сегодня, может быть не равно через год. Вопрос состоит в том, каковы обстоятельства, необходимые, чтобы придать неизменность какому-нибудь товару, так как основной чертой нашей меры должна быть неизменность. Этому испытанию должны быть подвергнуты все меры стоимости, и я должен подвергнуть таковому всякую меру, какую вы можете предложить. Если бы вы сказали: «Из всех известных мне товаров, тот, в который труд входит в течение определенного времени и который всегда требует одного и того же количества труда, представляет лучшую меру стоимости», я согласился бы с вами; но вы не должны предлагать эту меру, как такую, против которой нельзя сделать никакого возражения; если бы вы сде-

лади это, Мальтус мог бы повернуть против вас аргумент, который я выдвигаю против него, и сказать: «если ваш товар — хорошая мера для креветок или золота, собранных на берегу моря трудом одного дня, то почему моя мера (креветки или золота, собранные таким образом), не является хорошей мерой для ваших товаров»? Мне кажется, что мы можем выбирать только между несовершенными мерами и что мы не можем найти совершенную меру, потому что такой вещи нет в природе. Когда мы измеряем длину штуки полотна, мы измеряем только длину и измеряем ее товаром неизменной длины, но стоимость складывается из двух элементов — заработной платы и прибыли, смешанных в самых различных пропорциях, какие только можно себе вообразить; поэтому напрасно пытаться измерять точно, если только ваша мера абсолютно не отвечает по соотношению заработной платы и прибыли измеряемому товару. Товар, который содержит только заработную плату и не содержит никакой прибыли, — а это и есть мера Мальтуса, — не является точной мерой для товаров, которые заключают как труд, так и прибыль. Все что мы можем сделать, это выбрать наилучшую меру из заведомо несовершенных, и я несколько не колебался бы выбрать меру Мальтуса, если бы число товаров, произведенных одним только трудом, было наиболее многочисленно; но так как факты говорят о противоположном, так как большая масса товаров производится соединением труда и капитала в течение известного периода времени, то мне нечего исправлять в выборе, который я сделал. Я считаю его средним. Мера Мальтуса представляет одну крайность шкалы, старые дубы — другую. В одной заключается только труд, в другой — ничего, кроме накопления капитала из прибыли почти без какого-либо труда, и поэтому обе они являются непригодными мерами стоимости. Я пришел к этому заключению после длительного размышления, но меня можно разубедить, если у вас есть какой-нибудь сильный аргумент в пользу вашего взгляда. Предположим, что вино и сукно оба произведены в течение года при помощи капитала одного и того же размера, и что бочонок молодого вина и известное количество сукна стоят оба по 50 ф. ст. Предположим, что прибыль составляет 50% в год. Бочонок вина, выдержанного в течение года, будет стоить 75 ф. ст., выдержанного в течение двух лет — 112 ф. ст. 10 шилл., а штука сукна будет всегда стоить 50 ф. ст. Если же прибыль упадет до 5%, то стоимость только что произведенных сукна и вина останется без изменения, каждый будет иметь стоимость в 50 ф. ст., но вино, выдержанное в течение одного года, будет стоить 52 ф. ст. 10 шилл., а в течение двух лет — 55 ф. ст. 2 шилл. 3 пенс. Стоимость затраченных капиталов одинакова, и при

одинаковом времени стоимость законченного товара будет одинаковой. Когда мы видим, таким образом, что стоимость товаров изменяется в зависимости от изменения прибыли, будет ли правильно утверждать, что не было никакой другой причины для изменения, кроме большего или меньшего количества примененного труда, необходимого для их производства. Практически стоимость товаров очень мало изменяется в зависимости от изменения прибыли, потому что прибыль вообще изменяется очень незначительно, но тем не менее мы обязаны на этом основании признать, что если изменяется прибыль, то изменится и стоимость товаров.

Я никогда не сомневался, что Блэк неправ. Я рад, что посланные вам Туком документы оказались полезными, чтобы показать, как действительно складывается вексельный курс с Америкой. С нетерпением жду вашей статьи о налоговом положении.

ПИСЬМА
К ДЖ. С. МИЛЛЮ
И Ж.-Б. СЭЮ

ВВЕДЕНИЕ

В этот раздел включено несколько писем Рикардо к Джеймсу Миллю и четыре письма из весьма краткой его переписки с Сэем.

I. Письма к Миллю

Из довольно длинной переписки Рикардо с Миллем мы отобрали лишь восемь писем, представляющих интерес с точки зрения истории политической экономии; это главным образом письма, в которых разногласия между Миллем и Рикардо выявляются с достаточной отчетливостью, а также письмо Рикардо с отзывом о теории цен Бентама.

В письме от 26 сентября 1811 г. Рикардо дает оценку присланной ему Миллем рукописи «О золотых слитках». Сначала он высказывает ряд похвал этой работе, далее отмечает ряд неточностей и сомнительных формулировок по вопросу о денежном обращении, а затем говорит:

«Вы нигде не даете определения слову стоимость. Значение его сильно отличается от значения слова цена, и все же вы, я думаю, нередко употребляете эти два слова как синонимы»¹.

В том же письме Рикардо говорит и о взглядах Милля на спрос: «Вы говорите, что *спрос* на зерно не имеет предела, но ...под спросом я понимаю желание иметь что-либо, соединенное с покупательной способностью. А если это так, то спрос ограничен»².

Таким образом, разногласия имеются уже по таким кардинальным вопросам, как природа стоимости, которую Милль смешивает с ценой, и природа платежеспособного спроса.

Весьма любопытное разногласие по вопросу о стоимости выступает далее в письме от 5 сентября 1823 г. Оно адресо-

¹ См. стр. 249.

² См. стр. 250.

вано Джемсу Миллю, но относится к статье его сына Джона Стюарта Милля, тогда еще молодого человека. Статья его, которую критикует Рикардо, не была найдена¹, но основное положение ее ясно из письма Рикардо. Джон Стюарт Милль вступил на тот путь, по которому пошла буржуазная апологетическая политическая экономия: он считает, что прибыль — это «заработная плата капитала». Рикардо критикует Джона Милля не с классовых, а с чисто логических позиций — с точки зрения своей теории стоимости. И все же в критике его немало едких замечаний. Одно дело — видимая поверхность явлений, а другое — сущность их: «Мы все согласны, что факты именно таковы, но все это не дает еще возможности сказать, что стоимость товаров пропорциональна количеству труда, затраченного на них»². И далее: «Мое главное возражение Джону состоит в следующем: он предлагает доказать, что стоимость товаров пропорциональна количеству труда, затраченного на них, а затем доказывает, что капитал — это лишь иное наименование труда, а прибыль — это название заработной платы, получаемой за этот труд...»³.

Очень веская и полезная характеристика апологетической политэкономии как эпохи Рикардо, так и позднейших времен.

В этом письме Рикардо читатель снова найдет ряд неясностей и неточностей по вопросу о стоимости, вносимой прошлым трудом и связываемой Рикардо с ролью капитала, а также по вопросу о мере стоимости; и все же это письмо, написанное в последний год жизни Рикардо, весьма характерно для его позиций в вопросах трудовой стоимости, труда и капитала.

Одно из писем Рикардо посвящено работе Милля по истории Индии. Здесь Рикардо, несмотря на общий хвалебный отзыв, делает ряд конкретных замечаний и ставит ряд вопросов, нередко вскрывающих весьма неточную и неопределенную позицию, занимаемую Миллем. Так, например, он спрашивает:

«Если обложение народа большей суммой, чем наименьшая стоимость защиты его, является несправедливостью и грабежом, то чем, собственно, занимаются англичане в Индии? Разве они дарят ее своими милостями из простого желания быть благодетелями?.. Не игнорируете ли вы в ваших расчетах то, что претерпели бы британские интересы, если бы не был заключен Бассейнский договор... Не включает ли расход в 15 551 тыс. проценты по долгу, заключенному лордом Уэлсли? Не включен ли в долг и капитал компании?»⁴

¹ См. кембриджское издание, т. IX. стр. 385, сноска 2-я.

² См. стр. 261.

³ См. стр. 262.

⁴ См. стр. 254—255.

Мы привели в письмах к Миллю также несколько отрывков, в которых речь идет о парламентской реформе, волновавшей тогда общественное мнение Англии. Рикардо считал эту реформу «самым эффективным способом предотвращения революции». Он весьма определенно высказывался в приведенных отрывках о монархии, аристократии, а также о партии вигов: «Одни хотят расширить избирательное право больше, чем другие; но проверкой их искренности является вопрос: допускают ли они, чтобы парламентское большинство было *bona fide* представителем интересов народа?»¹ Приведенные отрывки являются как бы дополнением к парламентским речам Рикардо (т. IV настоящего издания) и в достаточной мере характеризуют его политические позиции — позиции идеолога промышленной буржуазии, борющегося с земельной аристократией.

II. Письма к Сэю.

В нескольких письмах, которыми обменялись Рикардо и французский экономист Жан-Батист Сэй, на первый план выдвигаются разногласия их в понимании *стоимости*, а также *ренты*. Письма Рикардо полны опровержений сэевской теории, согласно которой стоимость товара зависит от его «полезности». «Я позволю себе ...отметить, — пишет Рикардо в письме от 18 августа 1815 г., — что... вы еще не преодолели трудностей, связанных с объяснением этого трудного слова. Полезность вещей представляет, бесспорно, основу стоимости, но степень полезности не может быть мерой стоимости. Товар, производимый с большей трудностью, будет всегда дороже, чем товар, производимый с большей легкостью, даже если бы все люди единодушно считали, что последний более полезен, чем первый»².

Позднее, в 1821 г., Сэй пишет Рикардо, что выдвинутая им «доктрина» о стоимости получила лучшее выражение, близкое к теории самого Рикардо, «поскольку она (доктрина. — *М. С.*) допускает, что стоимость какого-либо предмета есть не что иное, как способность последнего быть обмененным на *некоторое количество полезности*, и что эта стоимость пропорциональна *количеству полезности*, которое за нее можно получить. *Стоимость и количество полезности* являются, таким образом, равнозначными терминами»³. Рикардо ответил на эту вылазку в третьем издании своих «Начал политической экономии» и в письме от 8 мая 1821 г.

¹ См. стр. 260.

² См. стр. 263.

³ См. кембриджское издание, т. VIII, стр. 280.

В последнем он пишет: «Я указал там (в третьем издании. — М. С.) на разногласие между нами по вопросу о том, какое значение следует придавать слову «стоимость». Для вас оно означает то же, что и слово «богатство» и слово «полезность». Я очень желал бы, чтобы вы подвергли пересмотру именно эту часть вашей ценной книги»¹.

Но вместо пересмотра, рекомендованного Рикардо, Сэй стал заниматься дальнейшими натяжками и измышлениями с целью «сближения» своей точки зрения с взглядами Рикардо. В письме от 19 июля 1821 г. он заявляет, что есть два вида полезности: «...степень естественной полезности, составляющей часть тех богатств, которые природа дает нам безвозмездно и которые к политической экономии не относятся... степень полезности, созданной с помощью труда, капитала и земли, это — полезность, которую мы оплачиваем и которая только и составляет часть богатств, вступающих в обмен, и является объектом наших исследований»².

Углубляя свои компромиссные предложения, Сэй измышляет всевозможные случаи взаимоотношений двух полезностей, вплоть до арифметического отношения их как 1 : 999. Рикардо последовательно отвечает на все измышления Сэя, разбивая шаг за шагом всю фальшь и надуманность их. Ведь Сэй во что бы то ни стало хочет спасти свою «полезность», наряжая ее для этого в различные одеяния. В свое время «полезность» Сэя превратилась в «предельную полезность». Здоровое же ядро рикардовской теории стоимости получило свое дальнейшее новое развитие в теории стоимости Маркса.

Другим пунктом разногласий между Сэем и Рикардо явилась теория *земельной ренты*. Для Сэя — автора теории «производительных услуг» — рента является оплатой за те «производительные услуги», которые земля оказывает производству продуктов», так же как капитал и труд. На это Рикардо замечает довольно язвительно, несмотря на всю свою внешнюю любезность: «...Так как рента есть следствие повышения цены, а не причина его, то я ставлю вам вопрос, не следует ли ее откинуть при оценке сравнительной стоимости товаров»³. В своем ответе Рикардо (письмо от 19 июля 1821 г.) Сэй заявляет: «Природа дарит землевладельцу производительную услугу, за которую он может заставить потребителя заплатить, ибо он является монопольным собственником этой необходимой услуги»⁴.

¹ См. стр. 265.

² Кембриджское издание, т. IX, стр. 34.

³ См. стр. 265—266.

⁴ Кембриджское издание, т. IX, стр. 34.

Рикардо, боровшийся за дешевый хлеб, а тем самым за снижение цены рабочей силы, конечно, не может с этим согласиться. В своем ответном письме (от 5 марта 1822 г.) он сначала подтверждает фразу Сэя о том, что «рента есть результат монополии на землю с определенным плодородием», а затем разбивает своей логикой смехотворные аргументы Сэя и снова подчеркивает, что «рента есть следствие высокой цены, а не причина ее»².

Почтительное уважение Сэя к собственникам земли становится здесь с реалистическим подходом к сущности землевладения, каким оно представлялось идеологу промышленной буржуазии — Рикардо.

В немногих письмах Сэя и Рикардо друг к другу очень рельефно выступает то новое и значимое, что внес Рикардо в науку политической экономии.

М. Смит

¹ См. стр. 269.

I. ПИСЬМА К ДЖ. С. МИЛЛЮ

1 января 1811 г.

Я прочел, пожалуй, уж больше половины рукописи, которую вы прислали мне и которая мне очень понравилась¹. Насколько я могу судить, в ней изложены весьма тонкие и справедливые мысли, относящиеся к рассматриваемым вами вопросам. Но я боюсь, что ваши мысли будут совершенно непонятны для читателей. И в то же время в рукописи имеются, по моему мнению, некоторые серьезные недостатки, которые, если не внести в нее значительные изменения, помешают ей принести много пользы. Вы, я надеюсь, поймете, что, выражая свое мнение, я испытываю соответствующую робость, памятуя, что я возражаю такому заслуженному и глубокому автору. Но каждый человек высказывает свои суждения, пользуясь лишь той долей понимания, какая ему отведена.

Итак, во-первых, автор как будто не отдает себе отчета в эффективности бумажных денег при условии здорового состояния денежного обращения, поскольку стоимость драгоценных металлов держит последнее в должных границах. Наоборот, судя по высказываниям автора, он как будто считает, что количество обращающихся бумажных денег может бесконечно расти, пока оно не станет в конпе конпов столь огромным, что приведет к ужасной общественной катастрофе. Такой взгляд не подтверждается каким-либо опытом прошлого; правильный научный анализ также доказывает, что, пока бумажные деньги могут обмениваться на золотые и серебряные, такой рост их количества не является ни вероятным, ни возможным. Зная ваши мысли, я не имею ни малейшего сомнения в том, что вы согласитесь с этим мнением.

Во-вторых, поскольку я ознакомился с рукописью, автор совершенно не принял во внимание того влияния, которое окажет неограниченный выпуск бумажных денег на наши внешние

¹ Ответ Миллю на присланную им Рикардо рукопись французского перевода статьи Бентама о ценах — «Alarm» («Sur les prix») — с просьбой прочесть ее и сделать свои замечания. — *Прим. ред.*

сношения; а ведь это весьма важный момент, с которым необходимо считаться.

В-третьих. Многие аргументы автора опираются на его предположение, согласно которому увеличение числа обращающихся денег, хотя оно и сопровождается падением их стоимости, приводит в то же время (при условии, что оно проходит через торговые каналы) к увеличению капитала и товарной массы и постольку является благотворным. Автор полагает, что наличие денег вызывает к жизни появление товаров и что без наличия денег эти товары не были бы произведены. Такое мнение высказывается во многих частях работы, и, поскольку автор не приводит никаких аргументов в его защиту, мне было очень трудно понять его. Однако в конце концов как раз на том месте, на котором я остановился, я нашел раздел или главу, посвященную этому вопросу; но, признаюсь, прочитав ее с самым серьезным вниманием, я все же пришел к совершенно противоположному выводу. Поскольку бумажные деньги вводятся обычно для коммерческих целей, автор полагает, что введение их сопровождается теми же преимуществами, какие он перед тем приписывал рациональному введению металлических денег. Поскольку значительная часть дохода страны состоит из фиксированной денежной ренты, автор предполагает, что получатели ренты не пожелают делать сбережения или скорее тратить часть ренты на предметы, с помощью которых можно в дальнейшем увеличить доходы. Но все деньги, получаемые от коммерческих операций, были бы истрачены именно так. И вот автор утверждает, что эти операции принесут такие же выводы, какие получились бы, если бы все лица, имеющие денежные доходы, использовали бы свои ренты и ежегодные поступления таким выгодным путем.

Увеличение количества денег не может иметь, по-моему, другого результата, чем рост цен на товары. Этим путем одни члены общества обогащаются за счет других. Тут имеется лишь перемещение собственности, но ничего не создается. А будут ли те, кто разбогател, использовать свой добавочный доход более экономно и более выгодно, чем те, кто получал его раньше, это лишь дело случая. Я, однако, полагаю, что ни в одном классе не делается больших сбережений, чем среди получателей ренты или ежегодного дохода. Поскольку мне приходилось их наблюдать, а я видел немало денежных людей, они копят деньги больше всех других общественных групп.

Существует, по-моему, лишь одна возможность роста капитала страны в результате увеличения количества денег в ней. Вот в чем она состоит. До тех пор пока уровень заработной платы рабочих не будет соответствовать изменившейся стоимости денег, положение рабочего будет относительно хуже. Он

будет производить больше по сравнению с тем, что потребляет, или, точнее, он будет вынужден потреблять меньше. Фабрикант же будет в состоянии нанимать больше рабочих, так как он будет продавать свои товары по повышенной цене; он сможет поэтому увеличивать свой реальный капитал до тех пор, пока рост заработной платы рабочих не поставит его в надлежущее положение. В течение этого времени к национальному капиталу будет сделана какая-нибудь ничтожная прибавка.

В-четвертых, автор предполагает, что выпуски банкнот могут регулироваться отношением выпусков к банковским вкладам. Но это явно ошибочное мнение. Банкир может, пожалуй, выпустить безопасно банкнот на 300 тыс. на базе вкладов в 100 тыс.; но из этого отнюдь не следует, что при сумме вкладов в 1 млн. он может столь же безопасно выпустить 3 млн.

К тому, что я уже сказал относительно результатов увеличения количества денег в обращении, я могу еще добавить следующее: ввоз денег путем коммерческих операций не только не будет сопровождаться увеличением количества товаров, но приведет к фактическому уменьшению его. Деньги или металл, из которого деньги делаются, могут быть ввозимы только при условии возросшей производительности рудников; при этом стоимость металла обычно падала во всем мире, что приводило неизбежно к росту его использования. Далее, золото (или серебро) в форме денег не является элементом производства и не увеличивает наших богатств, но для получения этого не идущего в производство товара мы должны вывозить на обмен товары, которые можно рассматривать как подлинно эффективный капитал. И не только отдельные лица потерпят убыток в результате большего изобилия золота, но и все страны, за исключением лишь той, где находятся золотые рудники; ведь все страны должны затратить свою рабочую силу на производство тех товаров, в обмен на которые они обязательно должны приобрести золото.

Таковы некоторые принципиальные положения, которые поразили меня, как радикально ошибочные, в работе, которую я прочел с вниманием. В ней имеется, однако, и много превосходных мест, и мне было бы жаль, если бы мы потеряли то, что хорошо на том основании, что рядом с хорошим находятся и ошибки.

Лондон, 26 сентября 1811 г.¹

...Но довольно о моих делах, или не хватит места для замечаний, которые я намереваюсь сделать о вашей рукописи. Скажу,

¹ Ответ Рикардо на присылку ему Миллем рукописи «О золотых слитках». Эта рукопись утрачена и в архивах не числится. — *Прим. ред.*

прежде всего, что она мне очень понравилась. Она нападает на большинство сильнейших позиций наших противников, а из всего, что писалось нами по данному вопросу, она содержит наиболее серьезные аргументы. Я не успокоюсь, пока вы ее не опубликуете.

Мы так часто сопоставляли наши взгляды на данный предмет, что я вряд ли смог бы найти сколько-нибудь существенный предлог для разногласий. Имеются лишь несколько небольших расхождений, касающихся значения допущений наших противников: представления, которые они связывают со словом обесценение, влияние роста количества средства обращения на цены; неизбежного изменения этого влияния, связанного с расширением или сокращением кредитных сделок или количества кредитных документов, чеков и т. д.; к этим вопросам я привлеку ваше внимание при встрече. Я также сомневаюсь в том, что в период времени, когда нет никаких тревожных сигналов о внутренних волнениях или иностранном нашествии, банкноты, считающиеся неразменными, не шли бы в обмен по паритету при условии, что число их меньше установленного, и правительство продолжает принимать их в уплату налогов. Я очень склонен думать, что банкноты, выпущенные банком, от которого их приняло правительство, никогда не обесценивались ни в одной стране по какой-либо иной причине, кроме избыточного количества их. Я был бы рад, если бы вы показали крайнюю нелепость утверждения лорда Стэнгопа, что золото могло быть нужно как стандарт денежного обращения лишь во времена варварства; надо было также показать полную невозможность регулировать стоимость бумажных денег без какого-либо сравнительного стандарта. Рост товарных цен нередко приписывают не падению стоимости бумажных денег, но увеличению числа покупателей, каковое является результатом возросшего богатства страны. Предполагается, что налоговое обложение — это другая причина. По этим вопросам вы должны дать побольше полезных указаний; они являются частью проблемы, которой у нас очень пренебрегали, и ваша работа не будет полноценной, если вы о них ничего не скажете.

Вы нигде не даете определения слову стоимость. Значение его сильно отличается от значения слова цена, и все же вы, я думаю, нередко употребляете эти два слова как синонимы. На стр. 27 вы пишете: «Стоимость драгоценных металлов одинакова на всем земном шаре». И далее: «Единственная разница, какая может тут существовать, — это разница в издержках по перевозке». Я согласился бы с вами, если бы вы употребили слово «цена» вместо слова «стоимость». Предположим, что чек на Лондон на 100 ф. ст. продается в Гамбурге за 98 ф. ст., или за такое количество гамбургских денег, какое содержит столько

же золота, сколько его содержится в наших 98 ф. ст.; я сказал бы тогда, что разница между ценой золота в двух странах составляет 2%. Но когда мы говорим о стоимости золота, мы имеем в виду нечто совершенно другое; точнее, согласно моему пониманию вопроса, мы имеем в виду измерить эту стоимость через стоимость какого-либо другого товара — зерна, кофе, скотьных товаров или еще какого-либо из тысяч товаров, которые можно вывозить. Если деньги или золото оценены в одном из этих товаров, то стоимость их может быть различна в любых двух странах, учитывая не только все расходы по их вывозу, но и все расходы по ввозу товара, на который они обмениваются. Так, если расходы по доставке денег в Ост-Индию составляют 5%, а расходы по доставке муслина из Ост-Индии в Лондон — 10%, то до отправки денег из Англии с целью закупки муслина в Ост-Индии их стоимость, выраженная в этом товаре, должна быть по крайней мере на 15% выше в Ост-Индии, чем в Англии. Вы, по-видимому, знали, что в этом отношении в рассматриваемом нами вопросе имеются некоторые трудности, так как на стр. 34 вы замечаете, что издержки такого рода оплачиваются потребителями. Это несомненно так, но в первую очередь средства на них авансируются экспортером, и они составляют часть цены товара. Эти-то издержки и определяют, хотя это и не сразу очевидно, вывоз золота. Вы, я думаю, согласитесь со мной, что золото вывозится при условии, что пена его в одной стране отличается от его цены в другой на большую сумму, чем издержки, связанные с его вывозом; но если даже в ценах на золото нет такой разницы, мы можем быть вполне уверены в том, что различие в стоимости его, выраженной в каком-нибудь товаре, больше, чем сумма этих издержек.

У меня имеются такие же замечания по поводу следующего суждения на стр. 45: «Если нас спросят, после какого предела ввоз зерна прекращается, мы ответим: предел наступает тогда, когда стоимость золота и серебра подымается в данной стране выше стоимости их в других странах». Мне кажется, что указанное вами условие поставит предел вывозу золота и серебра, но оно не остановит ввоза зерна. Ведь у Англии может найтись тысяча вещей, которые стоят дешевле, чем зерно, и которые она поэтому может согласиться отдать в обмен за него. Вы говорите, что спрос на зерно не имеет предела, но для меня ясно, что вы придаете слову спрос другое значение, чем я. Я не назвал бы простое желание иметь какую-либо вещь спросом на нее; число таких желаний, конечно, беспредельно, но под спросом я понимаю желание иметь что-либо, соединенное с покупательной способностью. А если это так, то спрос ограничен. Есть еще один-другой вопрос, который я хотел бы обсудить с вами, когда мы встретимся.

Гэткомб парк, 30 декабря 1815 г.¹

Прежде чем мои читатели смогут понять доказательства, которые я намерен привести, они должны понять теорию денежного обращения и цен. Они должны знать, что на товарные цены воздействуют два обстоятельства: изменение относительной стоимости денег, влияющее почти одновременно на цены всех товаров, и изменение стоимости отдельного товара, не влияющее на стоимость какого-либо иного товара, за исключением лишь тех, которые входят в его производство. Неизменность стоимости драгоценных металлов (она может изменяться лишь от особых причин, имеющих лишь частное значение, как, например, спрос и предложение) — это тот якорь спасения, на который опираются все мои положения. Те, кто утверждает, что изменение в стоимости зерна вызывает изменения стоимости всех других товаров, независимо от стоимости сырья, из которого они производятся, фактически отрицают положение о причинах изменения стоимости золота и серебра.

Уидкомб Гауз, Бат, 20 ноября 1816 г.

...Я не побеспокоил бы вас в данный момент еще одним письмом, если бы не стремился исправить ошибку в материалах, которые вы от меня получили.

Мне было очень трудно примириться с тем, что казалось мне правильным в ходе аргументации, а именно, что налог на прибыль с капитала на деле упадет и на землевладельца либо путем уменьшения денежной ренты лендлорда, если цены товаров останутся прежними, либо при росте товарных цен и неизменной величине ренты. В течение одной весьма беспокойной ночи я открыл, что игнорировал важный факт.

Я рассуждал так, как будто налог на прибыль является соответственно налогом на валовой продукт земли, а не на продукт, получаемый фермером. Заметьте, что я в одном месте говорил, что при обложении одинаковым налогом всех видов обрабатываемой земли этот налог оказался бы неодинаковым в своем действии, так как для владельца лучшей земли он ока-

¹ Ответ на письмо Милля от 22 декабря 1815 г., в котором последний дает отзыв о брошюре Рикардо «*Essay on Profits*» («Опыт исследования о прибылях»). Милль настойчиво советует Рикардо подробно доказывать свои положения ввиду неосведомленности читателей по отдельным вопросам. В частности, для доказательства положения Рикардо о росте прибыли на капитал при усовершенствованиях в сельском хозяйстве надо-де было указать, что добавочная продукция идет именно на рост прибылей, так как и рента и заработная плата по природе своей «ограничены». А вы, говорит Милль, «нигде не приводите соответствующих доказательств». — *Прим. ред.*

зался бы подарком. Такой налог поднял бы цену хлеба на сумму, на какую бы уменьшился доход фермера, пользующегося худшей землей, но добавочная цена, полученная за большую часть продукта, выросшего на лучших землях, была бы выгодна для фермеров, работающих на таких землях; они пользовались бы этой выгодой в течение срока действия их договоров, а после окончания его выгода досталась бы землевладельцам.

Предположим, что фермеры, работающие на участках № 1, 2 и 3, получают совершенно одинаковую прибыль, различной является лишь рента. Если их земли дают 180, 170 и 160 кварталов, а в качестве налога каждый фермер уплачивает стоимость 2 кварталов и больше ничего не изменяется после введения налога, то останется неизменной и денежная или хлебная рента, ибо при вычете 2 из вышеуказанных количеств остается 178, 168 и 158. Различие между урожаем с участка № 3 и № 1 составляет по-прежнему 20 кварталов, а между урожаем с участка № 3 и № 2 — 10 кварталов. Если цена хлеба тоже не изменится и составит, скажем, 4 ф. ст., то рента с участка № 1 будет по-прежнему равна 80 ф. ст., а с участка № 2 — 40 ф. ст., а так как, согласно предположению, цены не поднялись ни на один товар, то землевладелец налога не уплачивает. Но предположим, что благодаря введению налога цены на хлеб и на все другие товары повысились в одинаковой пропорции. Рента тогда тоже повысится в той же пропорции. Ведь если цена хлеба повысится на 10%, т. е. с 4 ф. ст. до 4 ф. ст. 8 шилл., то рента тоже повысится на 10% и составит с земельного участка № 1 88 ф. ст., а с земельного участка № 2 — 44 ф. ст., ибо 20 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. будут стоить 88 ф. ст., а 10 кварталов — 44 ф. ст. Если цена хлеба поднялась на 25%, т. е. достигла 5 ф. ст., рента тоже подыметса на 25%, т. е. до 50 ф. ст., так что и в том и в другом случаях интересы землевладельца не будут затронуты этим налогом. Короче говоря, налог на прибыль с капитала всегда оставляет хлебную ренту неизменной; налог же на сырье, десятина и т. д. никогда не оставляют неизменной ренту в хлебе, но денежная рента обычно остается в этих случаях неизменной.

Гэткомб парк, 6 января 1818 г.¹

...Трудно представить себе что-либо более удовлетворительное, чем ваш обзор администрирования Уэлсли и недостаточности причин для заключения Бассейнского договора. Те шаги, с помощью которых мы продвинулись в Индию, были, по-ви-

¹ Письмо написано после получения Рикардо трехтомной работы Милля «История Британской Индии» («History of British India»). — *Прим. ред.*

димому, следующие: сначала мы продвинули войска на территорию наших союзников за обусловленное месячное вознаграждение, а затем получили с помощью разных претензий все полномочия правительства. Приводимые вами аргументы убедительно показывают, что первый шаг принес больше всего вреда народу Индии, так как лишил туземное правительство спасительной боязни восстания и открыл таким образом дверь для всякого злоупотребления властью и угнетения. Если бы лорд Уэлсли остался в правительстве Индии, он скоро открыл бы, что управление пешвы (Peshwa) никуда не годится, и ему не трудно было бы найти предлог, чтобы взять это управление в свои руки; идя этим путем, можно было бы распространить всю систему управления и дальше, пока вся Индия не подпала бы под господство британцев. Трудность вопроса заключается, по-видимому, в следующем: первый шаг, т. е. соглашение, согласно которому ваш союзник может пользоваться вашими войсками при условии оплаты их, включает, быть может, недостаток политического такта и мудрости, но в нем нет, как будто, никакой несправедливости; второй же шаг включает величайшую несправедливость, хотя можно доказывать, что такой шаг сможет сильно увеличить счастье народа. То, что свободно от пятна несправедливости, является причиной бедствий народа, а то, что явно несправедливо, является причиной его счастья. Неужели мы должны смотреть все время только на конечную цель — счастье управляемых — и добиваться его за счет тех принципов, которые все люди согласились считать добродетельными? Если это так, то лорд Уэлсли или всякий другой правитель может игнорировать все обязательства своих предшественников и силой оружия принудить к подчинению все туземное население Индии, раз он сможет доказать, что введение лучших способов управления связано с большой вероятностью увеличения счастья народа. Если он добьется этой цели за счет затраты Англией больших ценностей, то я не думаю, что его оправдает британская Палата общин, как бы свободно она ни была избрана. Трудность доктрины целесообразности или полезности заключается в сопоставлении одного объекта полезности с другим; поскольку здесь не имеется естественного стандарта, такой объект должен изменяться вместе с изменением вкусов, страстей и привычек людей. Это один из тех вопросов, по которым мне требуется получить разъяснения.

Ваши замечания о результатах нужды отличны; она является причиной эгоизма, жестокости и преступления.

Одной из важнейших причин плохого управления Индией является, по-видимому, слабый интерес, проявляемый англичанами к делам Индии. На это всегда жалуются в парламенте. Я надеюсь, что ваша книга будет способствовать прекращению

этой апатии. Трудность наказания виновных делает этот вопрос неприятным для Палаты общин.

Когда мы встретимся, я попрошу у вас дополнительных обоснований для мнений, изложенных на следующих страницах. Стр. 106. Каким образом величайшие безобразия, совершенные назначенным лицом, могут доказать коррупцию того, кто его назначил? Стр. 295. Разве большинство трудностей, испытываемых земиндарами, не возникает из их неспособности настоять на уплате ренты? Если это нарушение будет устранено, разве их цель не была бы достигнута? Стр. 296. Платили ли райоты (Ryots) определенную ренту земиндарам? Если платили, то что означает сдача последними земли в аренду через аукцион по истечении срока прежней аренды? Стр. 302. Если судебные издержки падают на нечестного истца, то может ли это помешать в сколько-нибудь значительной степени честному человеку обращаться с просьбой о возмещении потерь к закону, при условии, что закон применяется честно? Стр. 303. Будет ли правильно заключить из приводимых вами фактов, что шансы на успех одинаковы для честного или нечестного истца? Стр. 304. Я согласен, что зло, на которое вы жалуетесь, действительно существует; но мне кажется тем не менее невероятным, чтобы при абсолютном отсутствии коррупции судьи — и при наличии все же всякого рода проволочек в работе правосудия — надежда на успех у нечестного истца могла сравняться с такой же надеждой у честного. Стр. 328. Каким страшным препятствием к улучшению дела является равнодушие к нравственности у народа Индии. Стр. 328. В ваших рассуждениях относительно земиндаров вы отмечаете, что богатые арендаторы земли отнюдь не гонятся за небольшими добавками к их состояниям и поэтому не собираются улучшать обработку полей. Нельзя ли сказать с таким же основанием, что богатые полицейские начальники не станут беспокоиться из-за небольших выгод, получаемых путем коррупции. Стр. 502. Если обложение народа большей суммой, чем наименьшая стоимость защиты его, является несправедливостью и грабежом, то чем, собственно, занимаются англичане в Индии? Разве они дарят ее своими милостями из простого желания быть благодетелями? Стр. 600—601. Не игнорируете ли вы в ваших расчетах то, что претерпели бы британские интересы, если бы не был заключен Бассейнский договор и страна пешвы (Peshwa) была бы насильственно отнята у последнего Раджей Берар и Ссиндии? Стр. 602. Правильно ли причислять к тем преимуществам Ссиндии, лишить его которых мы не имели права, те надежды, которые он имел на получение — справедливое или несправедливое — известного влияния в правительстве пешвы, какого он тогда не имел? Стр. 721. Сделан ли при оценке дохода

вычет суммы, идущей на уплату долгов набоба Аркоты? Стр. 723. Не включает ли расход в 15 551 тыс. проценты по долгу, заключенному лордом Уэлсли? Не включен ли в долг и капитал компании? Не должно ли быть включено что-либо в фонд уплаты? Таковы места, которые я отметил для вопросов... На стр. 60 вами сделано весьма важное замечание об изумительной иллюзии, мешающей людям увидеть в своих поступках те самые качества, которые они так громко осуждают в поступках других людей. В поведении лорда Уэлсли эта иллюзия так велика, что почти превышает возможность признать ее.

Гэткомб парк, 28 декабря 1818 г.¹

Я послал вам в пятницу замечания, которые я написал на статью Торренса в «Эдинбург Ревью», а вчера отослал вам свою статью о реформе; последнюю я хотел отослать еще раньше, но в момент, когда я собирался запечатать ее, мне стало за нее стыдно. Вы просили прислать ее и увидите теперь, что ее следовало бросить в огонь, вместо того чтобы отнимать у вас драгоценное время на чтение этих жалких излияний. Мой ответ Торренсу был написан не для печати; вы посоветовали мне написать его, и я подумал, что можно с таким же успехом посвятить часок этому вопросу, как любому другому. В абзаце, где я цитирую Торренса, я сказал, быть может, слишком много по поводу моей солидарности с доктором Смитом. Дело в том, что Торренс излагает мнение Смита недобросовестно; у него выходит, будто Смит утверждает, что когда капитал накоплен и промышленные рабочие берутся за дело, то количество затраченного труда не является уже единственным моментом, определяющим стоимость товаров, и что я возражаю против этого. Вот я и хочу показать, что я возражаю против этого мнения не в том направлении, в каком он это изображает. Адам Смит полагал, что, поскольку на ранних стадиях развития общества весь продукт труда принадлежал трудящемуся и поскольку после накопления капитала часть продукта затрачивалась на прибыль, накопление неизбежно — и независимо от различной степени долговечности капитала и всяких иных обстоятельств — повышало цены или меновую стоимость товаров и что, следовательно, их стоимость не регулировалась уже больше количе-

¹ Ответ на письмо Милля от 24 декабря 1818 г. В этом письме Милль отмечает высказывания Рикардо о взглядах Торренса на избирательную реформу: «Я думаю, что вы правильно указали два пункта, на которые опираются все рассуждения... Торренса:

1) Всякая реформа, которая будет таковой не только по имени, уничтожит монархию и аристократию. 2) А это приведет к нарушению равновесия». — *Прим. ред.*

ством труда, необходимым для их производства. В противоположность ему я утверждаю, что меновая стоимость изменяется не благодаря разделению ее на прибыль и заработную плату и не в силу накопления капитала; она изменяется на всех стадиях развития общества только в силу двух причин; одна из них — это большее или меньшее количество труда, требующееся для ее производства, другая — больший или меньший срок жизни капитала; первая из них никогда не снимается второй, а только лишь изменяется. Но, говорят мои оппоненты — Торренс и Мальтус, в разных отраслях промышленности капитал всегда имеет различные сроки службы, какое же практическое значение имеет ваш вопрос об этих сроках? Он не имел бы никакого значения, отвечаю я, если бы я намеревался доказать, что сукно должно продаваться по такой-то цене, обувь — по какой-либо другой, муслин — по третьей и т. д. Но я никогда не претендовал на это. Я утверждаю, что определение причин, регулирующих меновую стоимость, является существенно важным, хотя бы они и были столь сложными и запутанными, что на практике познание их может быть весьма мало полезным. Мальтус считает чудовищным, что я говорю о падении стоимости труда, если даже количество предметов первой необходимости, которое получает рабочий, на деле возросло. В споре с ним я пытался использовать метод Сократа, и мне почти удалось доказать ему, что он в сущности согласен с моим положением, но он вдруг стал таким же осторожным и подозрительным, как тот человек, которого часто опровергал Франклин, пользуясь этим методом. Я спросил его, не упадут ли стоимость и цена хлеба, если последний можно будет производить с значительно меньшей затратой труда. Он ответил: да, упадут. Я тогда спросил его, останется ли при таком падении цены хлеба денежная цена труда неизменно на прежнем уровне, и на этот вопрос он не дал мне никакого положительного ответа. Но если цена хлеба упала на 50%, а цена труда — только на 5%, то мое положение доказано: хотя стоимость ряда средств существования не изменилась, но при измерении с их помощью стоимости труда оказывается все же, согласно допущению самого Мальтуса, что стоимость труда снизилась, хотя рабочий и пользуется теперь большим числом товаров... Я не ожидал, что примечания Сэя¹ вас удовлетворят. Некоторые из них остроумны, но автор не подходит в них к подлинному спорному вопросу; он делает вид, что отвечает на него, но на деле полностью уstraняет самый вопрос. В примечании по вопросу о валовом и чистом доходе он как бы выпрашивает другую постановку. Сна-

¹ К французскому переводу книги Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения». — *Прим. ред.*

чала он предполагает, что часть дохода, получаемого рабочими, больше, чем то, что требуется для удовлетворения их нужд, иначе говоря, эта часть является чистым доходом, а затем он говорит, что увеличение валового дохода выгодно, хотя тут и не происходит увеличения чистого дохода. Когда я писал об этом вопросе, я был нарочито осторожен. Я указал, что Адам Смит не разбирал этот вопрос на основе предположения, будто, увеличивая число рабочих, вы увеличиваете число человеческих существ, явно живущих счастливо и наслаждающихся своим счастьем; он рассматривал вопрос с точки зрения роста богатства и силы, какими располагает страна. Но Сэй все же отвечает на мои высказывания утверждением, что увеличение числа рабочих увеличит и число человеческих существ, наслаждающихся счастьем. Я предоставил Мэррею¹ поступить, как ему угодно в вопросе о переводе этих примечаний и помещении их в конце книги. Если бы уровень их был гораздо выше, то как из желания основательно продискутировать вопрос, так и из чувства гордости тем, что я имею столь видного и сильного противника, я хотел бы опубликовать эти примечания столь широко, сколь возможно; я сделал бы это, несмотря на то, что многие могли бы счесть мои аргументы более слабыми; однако теперь мне все это безразлично. Полагаю, что я отвечу на примечания Сэя лишь указанием на то, что он ничего не ответил на мои основные положения, относящиеся к условиям изменения ренты. Не удивительно ли, что после того, как Мальтус опубликовал свою работу о ренте и признал в ней те же принципы, которые отстаиваю я, он теперь соглашается с Сэем и утверждает, что ни в одной стране не может расти такой хлеб, который не приносил бы ренты? Он говорит, что, высказав иное мнение, он впал в заблуждение и что я в этом последовал за ним, а вывод, к которому я пришел, доказывает неправильность самого принципа. Издание его книги отложено отчасти из-за указания Мэррея о времени года, считающегося наиболее благоприятным для публикации книги, а отчасти, я думаю, из-за тех сомнений в правильности его взглядов, которых он не может не иметь. Вот все, о чем я хотел сказать по линии политэкономии.

По вопросу о реформе мне остается прибавить немного; вы, следовательно, будете скоро освобождены от мало интересного занятия читать мои скромные соображения. Мальтус как-то высказывал по этому вопросу один-другой аргумент, которые я в свое время как будто успешно опроверг, но мне доставит большее удовлетворение увидеть на бумаге как его

¹ Издатель работ Рикардо.

замечание, так и мою попытку возразить на него. Мне хотелось бы также установить — и по этому поводу я должен иметь преимущество личного разговора с вами — следующее: если бы мы добились проведения реформы в таких размерах, чтобы Палата общин стала подлинной и эффективной представительницей народа, то подверглась бы монархическая часть нашей конституции опасности быть сверженной? Разве у монархической исполнительной власти нет больших и явных преимуществ, которые обеспечили бы этой форме ее предпочтение при установлении впервые правительства страны? Когда оно будет установлено, то не станет ли явным зло постоянных изменений: ставшие известными чувства народа, а с другой стороны, те прерогативы монарха, от которых он не захочет отказаться без борьбы, его власть назначать людей на все почетные и доходные посты, распускать парламент, а также некоторые другие права. Ведь почти несомненно, что единственное изменение, которое произойдет в результате реформы, будет изменение в правительственной администрации и не затронет существенных форм правления. Ни во времена, когда была дана Великая Хартия, ни при ниспровержении Звездной палаты и получении народом иных привилегий, ни в эпоху Карла Первого, когда исполнительная власть правительства была более резко ограничена революцией, не было сделано попытки изменить форму правительства. Но по мере накопления знаний народ стал лучше понимать, какие ему нужны гарантии для ограждения своей безопасности. А разве теперь не происходит то же самое? Разве не ясно, что нам нужны дополнительные гарантии, что некоторые из тех, которые мы считали эффективными, не оказались таковыми, что имеются новые опасности, которых мы должны остерегаться? А может быть, наши знания и наша наука о правлении улучшились и это поможет нам не только открыть причины, которым можно приписать плохое правление, но также и определить, какими мерами можно излечить зло. Разве улучшения такого рода не вполне совместимы с сохранением монархии? Да разве имеется к тому же хотя бы один симптом, по которому можно узнать, что наши реформаторы — это замаскированные республиканцы, требующие реформы, но имеющие в виду революцию? Если бы они действительно оказались таковыми, мое стремление к реформе все же не уменьшилось бы, потому что я был бы уверен, что при наличии у нас достойных, мудрых членов законодательного собрания никакого проекту, целью которого является революция, не была бы оказана поддержка. Я был бы уверен, что цель, которую они преследуют, — это счастье общества, а исполнением такой цели я был бы удовлетворен.

*Отрывки из писем Рикардо к Миллю,
касающиеся парламентской реформы*

10 августа 1819 г.

...Большинство затруднений правительства являются результатом его нежелания сделать своевременные уступки народу. Реформа — это самый эффективный способ предотвращения революции; она может быть, по моему мнению, проведена в любое время вполне безопасно. Против реформы делают возражения на том основании, что народ якобы просит слишком много и идет по сути дела по пути революции. Разве ему будет легче произвести революцию, если реформа будет осуществлена? Я думаю, что после проведения ее недовольные потеряют всякое влияние. Реформа может быть проведена слишком поздно, но она отнюдь не может быть проведена слишком рано, если народ достаточно хорошо осведомлен, чтобы понимать ее значение. Если бы эмансипация католиков и реформа парламента были дарованы Ирландии в то время, когда лордом-лейтенантом ее был лорд Фитццуильям, то разве восстание в Ирландии имело бы место? Трудность состояла бы лишь в том, чтобы направить советы двух независимых стран к одной и той же цели. Одна из них могла стремиться к войне в то время, как другая хотела мира. Одна могла лишиться трона своего монарха, в то время как другая оставляла бы его на троне. С этой точки зрения союз двух стран был желателен, хотя объединить интересы двух стран, мне кажется, трудно. В таком законодательном органе, как наша Палата общин, в котором представители, избранные Ирландией, составляют меньше одной шестой, всегда имеется риск, что интересы Англии получают перевес во всех тех случаях, когда они сталкиваются с интересами Ирландии. Но есть ли против этого какое-либо иное средство, кроме независимости? Склонно представительное правительство в большей или меньшей мере быть тираном по отношению к своим непредставленным в парламенте отдаленным владениям, чем аристократия, как таковая, или монархия? Что вы об этом думаете?

Гэткомб парк, 9 сентября 1819 г.

Мы долго спорили по вопросу о реформе, и я был рад отметить, что Уишоу основательно уступает мне по вопросу об отсутствии подлинного представительства народа в парламенте; это на деле — отказ от всей его позиции. Он, конечно, крепко придерживался любимого утверждения вигов о том, что в некоторых случаях нельзя обойтись без назначений, так

как без них наиболее выдающиеся талантливые люди не попадут в Палату общин. Я не преминул бороться с этим положением, насколько только мог. Я настойчиво указывал ему, что предлагаемая вигами реформа на деле вовсе не реформа, так как она стремится обеспечить за аристократией большинство против народа. Одни хотят расширить избирательное право больше, чем другие; но проверкой их искренности является вопрос: допускают ли они, чтобы парламентское большинство было bona fide представителем интересов народа?.. Перед началом нашего разговора мы перечислили различных членов семьи герцога Бофорта, ставших членами парламента; все мы были возмущены неизменным обычаем, господствовавшим, очевидно, в этой семье в течение многих поколений, — навязывать обществу своих младших сыновей. Это был не плохой пример всех зол нашей теперешней системы, так как он показывает, что общественные интересы приносились в жертву для того, чтобы обеспечить избирательные бюллетени.

Гэткомб парк, 16 ноября 1820 г.

...У вигов, мне кажется, немного шансов победить на выборах. Я хотел бы, чтобы они прошли еще через одно испытание. Оно принесло бы пользу. Либо они сделали бы что-нибудь для народа — и это был бы хороший результат, либо пошли бы по пути всех аристократических правящих групп. В этом последнем случае их новое испытание дало бы по крайней мере один хороший результат: открылись бы глаза общества, и оно узнало бы, что хорошее правительство надо искать в другом направлении и что таковое можно получить лишь путем его собственных напряженных усилий. Такое испытание более основательно убедило бы нас в справедливости вашего заключения — при условии, что это правильное заключение, — о том, что аристократическая машина никогда не даст нам тех улучшений наших учреждений, которые нам так нужны.

Гэткомб парк, 28 августа 1821 г.

Виги — народ непоследовательный. Они громче всех жалуются на мероприятия, проводимые правительством, и возражают в то же время против всякого плана действий, который дал бы нам шансы принудить правительство проводить только лишь хорошие мероприятия. Единственная возможность устранить ту борьбу, которая, как принято говорить, разгорелась между богатыми и остальными классами, состоит в том, чтобы богачи уступили другим классам в том, на что последние по справедливости имеют право, но это — последняя

мера, к которой виги согласятся прибегнуть. Я не могу не позволить себе думать, что справедливость в конце концов победит и люди не пойдут по пути открытого насилия. Но если это сбудется, то только потому, что наличие борьбы станет столь очевидным для всех, что преимущество соответствующего шага, преимущество его для богатых, сделает его необходимым даже в их глазах.

Гэткомб парк, 5 сентября 1823 г.

То, что написал Джон¹, не устраняет полностью наших трудностей. По его мнению, «прибыль — это только заработная плата за известную работу». Стоимость товаров изменяется, следовательно, вместе с изменением заработной платы такого рода. Или она изменяется скорее пропорционально изменению двух видов заработной платы. А если так, то она изменяется не пропорционально количеству труда, затраченному на эти товары, а пропорционально заработной плате, уплаченной за этот труд. Поскольку стоимость товаров складывается из заработной платы и прибыли, они изменяются в той степени, в какой может на них повлиять изменение заработной платы и прибыли.

Верно, что прибыль, получаемая человеком, который хранит вино в течение многих лет, только лишь эквивалентна тому, что другой человек получает в иной форме и немедленно. Мы все согласны, что факты именно таковы, но все это не дает еще возможности сказать, что стоимость товаров пропорциональна количеству труда, затраченного на них. Стоимость бочки вина вдвое больше, чем стоимость куска сукна, и позвольте мне допустить, что это потому, что на производство вина затрачено вдвое больше труда. Никакого изменения не происходит в количестве труда, затраченного на тот или иной товар, и все же цена вина становится в 2,1 раза больше цены сукна. Не произошло ничего, кроме изменения заработной платы двух видов труда. Относительная стоимость товаров изменяется не только из-за изменения количества труда, затраченного на них, но также и в силу изменения заработной платы за два вида труда. Мальтус предполагает, что человек собирает за день известное количество крупинок золота и что продукт его труда всегда один и тот же, т. е. что он всегда находит совершенно одинаковое количество золота. Я предполагаю, что с помощью двух видов труда в течение года всегда производится одинаковое количество крупинок его. Если мы оценим вино и сукно в таких одинаковых количест-

¹ Эта работа Джона Стюарта Милля — сына Джемса Милля — не была найдена. — *Прим. ред.*

вах денег до и после изменения заработной платы и прибыли, то окажется, что они изменились в весьма различной степени. Какой мерой должны мы определять их стоимость? Мальтус говорит, что его мерой, потому что его мера — это неизменная мера стоимости, на которую всегда затрачено одно и то же количество труда. Я же говорю, что моей, потому что и на мою всегда затрачивается одно и то же количество труда. Но в его меру не входит прибыль, а в мою входит.

Не думает ли Джон, что товар, произведенный трудом одного человека в течение 12 месяцев, имеет ту же стоимость, какую имеет товар, произведенный трудом 12 человек в один месяц? Если таково его мнение, то он заблуждается; товар, произведенный в течение 12 месяцев, имеет наибольшую стоимость; насколько именно она будет больше — это зависит от нормы прибыли; если последняя составляет 10%, то стоимость будет выше, чем при 5%. Чем вообще мы будем измерять стоимость всяких вещей, товаром, произведенным в течение 12 месяцев или одного месяца, произведенным в течение 5 лет или одного дня? Скажите, какой мере вы отдаете предпочтение и почему. Я убежден, что выбор должен быть произвольным и что все эти меры несовершенны. И все же имеются веские основания для выбора одной из них и при этом для выбора товара, произведенного в течение года.

Мое главное возражение Джону состоит в следующем: он предлагает доказать, что стоимость товаров пропорциональна количеству труда, затраченного на них, а затем доказывает, что капитал — это лишь иное наименование труда, а прибыль — это название заработной платы, получаемой за этот труд, и что поэтому стоимость товаров пропорциональна *заработной плате* всех видов, *уплаченной* за производство их. Разве это не значит сказать, что стоимость товаров зависит от стоимости заработной платы и прибыли? Если бы он сказал так, он констатировал бы то, что действительно верно, но это положение совершенно иное, чем то, которое он выдвинул вначале.

Четыре семги, пойманные с помощью сети, произведенной в течение одного дня труда, обмениваются больше чем на 2 оленей по той же причине, по которой труд одного человека в течение 12 месяцев стоит больше, чем труд 12 человек в течение 1 месяца; восемь штук семги, пойманных сетью, сделанной в течение одного дня, но служащей 2 дня, стоят больше, чем 3 оленя. И поэтому «капитал входит в стоимость в особой форме, иначе, чем труд, и оплачивается по иной норме, чем непосредственный труд». Не знаю, удалось ли мне выразиться в понятной форме. Джон не принимает во внимание рост прибыли по сложным процентам. Прибыли, получаемые за 5 лет,

превосходят прибыли, получаемые за 1 год, больше чем в 5 раз, а прибыли за год превосходят прибыли за неделю больше чем в 52 раза. Это также создает значительные трудности. Попросите его принять это во внимание и дать мне знать, если я неправ в своей критике его статьи. Я много думал об этих вопросах последнее время, но без особого успеха, прежние трудности все еще стоят предо мной и я более чем когда-либо убежден в том, что, строго говоря, в природе не существует правильной меры стоимости и никакая изобретательность не может предложить таковой; ведь если что-либо является правильной мерой для одних предметов, то это как раз причина, почему оно не может быть правильной для других.

II. ПИСЬМА К Ж.-В. СЭЮ

Гэткомб парк, 18 августа 1815 г.¹

Я прочел ваш *«Катехизис политической экономии»* с большим удовлетворением и нахожу его отличным. Все главные принципы изложены в нем с точностью и силой, и я убежден, что не только начинающие, но и посвященные извлекут из него много пользы.

Я вижу, вы несколько изменили определение слова *стоимость*, поскольку она зависит от полезности, но я позволю себе, однако, отметить со всей скромностью, что, как мне кажется, вы еще не преодолели трудностей, связанных с объяснением этого трудного слова. Полезность вещей представляет, бесспорно, основу стоимости, но степень полезности не может быть мерой стоимости. Товар, производимый с большей трудностью, будет всегда дороже, чем товар, производимый с большей легкостью, даже если бы все люди единодушно считали, что последний более полезен, чем первый. Товар должен быть полезен, чтобы иметь стоимость, но трудность его производства есть правильная мера его стоимости. По этой причине железо менее ценно, чем золото, хотя и более полезно.

Богатства ценны для нас лишь постольку, поскольку они могут доставить нам наслаждение. Самый богатый человек, владеющий вещами самой высокой стоимости, — это тот, кто может, отдавая их в обмен, доставить себе не те вещи, которые он и все другие считают наиболее желательными, потому что их можно получить по дешевой цене, но те, производить которые очень трудно; это ведь всегда является основой более высокой стоимости. Вот почему я нахожу, что неправильно сказать, как вы это делаете на стр. 95, что наиболее богат чело-

¹ Ответ на письмо Сэя от 2 августа 1815 г. — *Прим. ред.*

век, хотя и обладающий небольшим количеством вещей высокой стоимости, но имеющий возможность получить дешево или даром все предметы, которые ему хотелось бы потреблять. Человек может желать потреблять хлеб и воду и быть не в состоянии купить что-либо еще. Он не может быть так богат, как его сосед, имеющий много вещей высокой стоимости, которые он может обменять на все предметы роскоши, какие пожелает иметь. Богатство измеряется количеством предметов высокой стоимости, которыми владеет человек, а не умеренностью его желаний.

Позвольте мне сделать еще одно замечание. На стр. 21 вы говорите, что промышленник, желающий знать, возрос ли его капитал, должен составить опись своего имущества, оценивая каждую вещь по ее текущей цене. Этот процесс показал бы ему только, увеличился ли его денежный капитал. Возможно, это удовлетворило бы его, но не таким путем должен политэконом судить об увеличении стоимости капитала. В эпоху обесценения наших денег (банкнот) многие считали, что стоимость их капитала увеличилась просто потому, что капитал стал состоять из большего количества фунтов стерлингов; на деле же эта стоимость, возможно, уменьшилась. Деньги, как металлические, так и бумажные, всегда могут понизиться в стоимости и, следовательно, не могут служить даже в течение шести месяцев мерой стоимости других товаров. Увеличение капитала может быть установлено лишь постольку, поскольку он в состоянии расширить производство и увеличить в стране количество продуктов земли и труда. Я знаю, что вы полностью признаете этот принцип, но боюсь, что в цитированном месте вы упустили его из виду.

Лондон, 11 января 1820 г.¹

По приезде в Лондон я нашел вашу книгу вместе с письмом, которое опередило ее. Помнится, когда я имел удовольствие видеть вас в Париже, вы говорили мне, что с каждым новым изданием моих и ваших работ наши взгляды должны все больше сближаться; я глубоко убежден, что правильность вашего замечания оправдается на деле. Мы сделали уже несколько шагов, а по мере того, как мы лучше разберемся в отдельных наших разногласиях, мы найдем, что многие из них окажутся чисто словесными. Ваша глава о стоимости, по моему мнению, много выиграла, однако я все еще не могу подписаться под всеми вашими положениями, относящимися к этому очень трудному разделу политической экономии.

¹ Ответ на письмо Сэя от 10 октября 1819 г. и присылку им Рикардо 4-го издания своей книги: «*Traité d'Economie politique*». — *Прим. ред.*

В этой главе, кажется мне, выявляется ваше неправильное понимание одного из моих положений. Я не говорю, что стоимость труда регулирует стоимость продуктов, так как в меру моих сил я стараюсь опровергнуть этот взгляд. Я говорю, что относительная стоимость товаров регулируется сравнительным количеством труда, необходимого для их производства.

Я думаю также, что вы ошибаетесь относительно одного из моих взглядов, который вы комментируете в примечании к переводу моей книги. Моя аргументация относительно ренты, прибыли и налогов основана на предположении, что во всякой стране есть земли, которые не дают ренты, или что есть капитал, применяемый на уже обрабатываемых землях, не приносящих ренты. Вы отвечаете на первую часть положения и не обращаете внимания на вторую. Моим целям отвечает допущение любой из них.

Прошу вас принять второе издание моей книги. Оно не содержит ничего нового; мне не хотелось брать на себя труд переделывать ее.

Политическая экономия все больше прогрессирует в нашей стране. Правильные принципы все время прокладывают себе дорогу, и ваша работа считается одной из наиболее авторитетных, как это и должно быть. Парламентские прения последней сессии принесли удовлетворение друзьям науки. Были, наконец, торжественно признаны истинные принципы теории денежного обращения. Надеюсь, что в этом отношении мы не пойдем уже больше по ложному пути.

Лондон, 8 мая 1821 г.¹

Я написал бы вам сейчас же по получении ваших «Писем», адресованных Мальтусу, если бы не надеялся, что смогу немного позже послать вам третье издание моей книги. Вследствие же задержек, происшедших по вине типографа и издателя, это заняло гораздо больше времени, чем я рассчитывал, но наконец я в состоянии присоединить к этому письму один из первых экземпляров третьего издания. Я указал там на разногласие между нами по вопросу о том, какое значение следует придавать слову «стоимость». Для вас оно означает то же, что и слово «богатство» и слово «полезность». Я очень желал бы, чтобы вы подвергли пересмотру именно эту часть вашей ценной книги.

Я почти полностью согласен с вашей доктриной о производительных услугах, но так как рента есть следствие повы-

¹ Ответ на письмо Сяу от 10 августа 1820 г. и присылку им Рикардо его «Писем к Мальтусу» («Lettres à M-r Malthus»). — *Прим. ред.*

шения цены, а не причина его, то я ставлю вам вопрос, не следует ли ее откинуть при оценке сравнительной стоимости товаров. У меня два карава хлеба, из которых один получен с наилучшей земли, какая имеется в стране, с земли, дающей ренту в 3 или 4 ф. ст. с акра, а другой получен с земли, рента с которой не составит столько же шиллингов, и все же стоимость обоих одинакова и по качеству они одинаково хороши. Вы сказали бы, что цена одного щедро оплачивает производительную услугу земли, но что производительные услуги капитала и труда, затраченные на обработку этой земли, были оплачены весьма мало; между тем цена другого щедро платит за производительные услуги капитала и труда, но мало — за производительные услуги земли. Это, несомненно, верно, но эти сведения бесполезны и из них нельзя сделать никакого вывода, которым можно руководствоваться в практической деятельности. Мы хотим знать, каков общий закон, регулирующий стоимость хлеба по отношению к стоимости других предметов, и, я думаю, мы сможем установить, что один из этих хлебов, тот, который доставляется землей, не приносящей никакой ренты или приносящей очень малую ренту, определяет стоимость хлеба; следовательно, его стоимость в сравнении со стоимостью других предметов зависит от сравнительного количества труда, затраченного именно на его производство сравнительно с количеством труда, употребленного на производство других предметов.

Позвольте мне сказать вам, что ваш труд много выиграл бы, если бы вы более углубились в исследование законов, регулирующих ренту и прибыль. Со стороны Адама Смита было, несомненно, большой ошибкой предполагать, что прибыль зависит от уровня накопления капитала, независимо от населения и необходимых ему средств существования.

Я прочел ваше письмо к Мальтусу с большим интересом. Я полностью согласен с многим из сказанного вами, но не подписался бы под всеми защищаемыми в нем доктринами, в частности под теми, о которых я уже говорил и которые по существу аналогичны доктринам, содержащимся в вашей основной работе. Я часто встречаюсь с Мальтусом; мы непрестанно говорим о вопросах, в которых мы не сходимся, но не можем убедить друг друга.

Я счастлив сообщить вам, что наука политической экономии все более и более изучается молодежью нашей страны. Недавно мы основали общество или скорее клуб политэкономов; среди членов его мы можем похвастать именами Торренса, Мальтуса и Милля. И многие другие, имена которых не так известны публике, стремятся защищать принципы либеральной политики в торговле.

Вы, я знаю, неустанно выступаете в защиту правого дела и не преследуете иной цели, кроме распространения знаний и торжества истины.

Лондон, 5 марта 1822 г.¹

Я получил ваше письмо, которое вы любезно прислали мне в ответ на мое от мая прошлого года. Я вам очень благодарен за труд, который вы взяли на себя, чтобы объяснить мне вашу точку зрения на стоимость, и с удовольствием отмечаю, что наше разногласие не так велико, как я до сих пор думал. Вы говорите, что есть два вида полезностей: одна, получаемая товарами от природы, без какого бы то ни было труда человека, и другая, получаемая ими благодаря лишь труду человека. Вы говорите, что за первую, которую вы называете естественной полезностью, нельзя получить ничего ценного в обмен, и что только за ту часть полезности, которая дается трудом или обработкой, можно получить какой-нибудь предмет, обладающий стоимостью. Вы добавляете: «но в политической экономии мы можем заниматься только той частью полезности, которая *получается с издержками*». На основе этих принципов вы объясняете приведенный мною пример: фунт железа и фунт золота, имеющие, по моему предположению, одну и ту же полезность, хотя стоимость золота в 2 тыс. раз больше. Если мы даем за золото в 2 тыс. раз больше, чем за железо, то это потому, говорите вы, что этот вид полезности, которым только и занимается политическая экономия, а именно полезность, сообщаемая золоту трудом, в 2 тыс. раз больше, чем полезность, какую труд дает железу; вы добавляете, что железо имеет 1 999 частей естественной полезности, за которую не дают ничего и которой золото не имеет.

Хотя я не могу одобрить термины, которыми вы пользуетесь, чтобы объяснить эту истину, я должен признать и всегда признавал аргументы, с помощью которых вы ее доказываете. Я ведь всегда утверждал, что товары имеют стоимость, пропорциональную количеству труда, затраченного на них. И когда вы говорите, что их стоимость пропорциональна их полезности и что они полезны соответственно количеству вложенного в них труда при производстве их, вы фактически выражаете тот же взгляд в других словах.

Из вашей доктрины следует, что, если бы в силу какого-либо более экономного² процесса из 2 тыс. частей полезности, придаваемой золоту трудом, 1 тыс. частей давались бы приро-

¹ Ответ на письмо Сэя от 19 июля 1821 г. — *Прим. ред.*

² Слово «экономного» вставлено в текст Сэем.

дой и другие 1 тыс. частей — трудом, то меновая стоимость золота понизилась бы наполовину. Но будет ли фунт золота составлять тогда такую же долю богатства, как прежде? Вы были бы вынуждены признать, что нет, так как вы говорите, что богатство зависит не от количества товара, а от его стоимости. Я, наоборот, измеряю богатства не их стоимостью, а всей суммой полезности, которой обладают предметы, составляющие богатство, из какого бы источника эта полезность ни происходила — из природы или из обработки. Я сказал бы поэтому, что после открытия более экономного процесса я так же богат, как прежде, хотя мое богатство сведено к половине прежней стоимости.

В своем утверждении я мог бы опереться на некоторые места в ваших трудах. Во втором издании вашего «Катехизиса политической экономии» вы говорите (стр. 2.), что богатство человека пропорционально стоимости предметов, которыми он обладает, а не их количеству. Теперь вы повторяете то же самое, но, когда ваш ученик просит вас объяснить, чем измеряется стоимость предметов, вы отвечаете, что мерой стоимости служит количество всех других предметов, которое владелец каких-либо вещей может приобрести через их посредство, если соглашается на обмен их. Мне кажется, что здесь имеется противоречие, ибо вы говорите, что богатство пропорционально стоимости, а стоимость пропорциональна количеству предметов; богатство, следовательно, пропорционально количеству последних, и, несмотря на это, вы говорите, что оно пропорционально стоимости, а не количеству вещей.

Предположим, что та же причина, более экономный процесс, уменьшающий стоимость золота наполовину, уменьшает в то же время в такой же степени и тем же способом стоимость шляп, башмаков, сукна и полотна. При таком положении вещей на фунт золота можно купить столько же шляп, башмаков, сукна и полотна, сколько до того, как был открыт более экономный процесс. Я спрашиваю, будет ли в этом случае человек, владеющий фунтом золота, так же богат, как и прежде? Сначала вы ответите: нет, потому что он не владеет товаром той же стоимости; а затем вы ответите: да, потому что он может купить такое же количество всякого другого товара.

В вашем письме к Мальтусу вы совершенно справедливо говорите, что если бы хлеб или сукно производились с такой легкостью, что можно было бы с теми же издержками производства получить двойное количество их, то их стоимость упала бы наполовину. Вы рассматриваете стоимость как меру богатства и все же признаете, что человек, получающий в обмен двойное количество сукна или хлеба, получает большую долю

богатств. Вот ваши слова: «при таком обмене продукты противопоставляются по стоимости производительным услугам; а так как во всяком обмене один из двух обмениваемых объектов стоит тем больше, чем большее количество дается за него другого, то, следовательно, производительные услуги стоят тем больше, чем больше количество продуктов и чем ниже их цены. Вот почему понижение цен продуктов, увеличивая стоимость производительных фондов нации и соответствующие им доходы, увеличивает национальное богатство. Это умозаключение, детально изложенное в главе 3-ей книги второй моего «Трактата по политической экономии» (4-е издание), оказало, мне кажется, некоторую услугу науке, объяснив то, что до сих пор подозревалось, но не было объяснено, а именно, что, хотя богатство есть меновая стоимость, богатство в целом увеличивается благодаря низкой цене товаров и всякого рода продуктов». Удваивая при помощи более экономичных процессов производство предпринимателей А, В, С и Д, вы не увеличиваете их богатство, но все вместе они тем не менее будут в 2 раза богаче, чем прежде. Несомненно, что при этом объяснении слова «богатство» и «стоимость» употребляются не в одном и том же смысле.

С моей точки зрения, они будут вдвое богаче, как поодиночке, так и все вместе, но стоимость их богатств не увеличится: она не увеличится потому, что они будут иметь не больше той полезности, которая дается товарам исключительно трудом.

Другой пункт касается условий, в силу которых стоимость двух хлебов, выращенных на землях разного плодородия и приносящих разную ренту, будет одинакова; тут мы согласны во многих отношениях. Рента есть результат монополии на землю с определенным плодородием и должна повышаться вместе с повышением стоимости хлеба и с трудностью производства добавочных хлебов. Но с последнего из произведенных хлебов уплачивается лишь небольшая рента или не уплачивается никакой ренты, и стоимость его, как и стоимость всех других хлебов, повышается потому, что большая часть его полезности является результатом труда и обработки, а меньшая часть обусловлена естественными факторами. Вы говорите, что предложение и спрос регулируют цену хлеба: это верно, но чем регулируется предложение? Издержками производства, тем количеством полезности, которую хлеб получил благодаря обработке. Рента есть следствие высокой цены, а не причина ее. Цена некоторых хлебов содержит неизбежно очень мало ренты, а быть может, и совсем ее не содержит. Вы говорите, что цена хлеба регулируется производительными услугами. Верно, но в хлебе, который стоит 5 шилл., производительные

услуги могут распределяться следующим образом: рента — 2 шилл., прибыль — 1 шилл., труд — 2 шилл. Тогда как в другом хлебе той же величины и той же стоимости производительные услуги будут распределяться так: рента — ничего, прибыль — 1 шилл., труд — 4 шилл. Я возражаю против такого соединения производительных услуг в одно целое; я хочу знать, какова доля каждой группы услуг в образовании стоимости хлеба.

На последнем заседании нашего клуба политэкономов я читал ваше письмо, и собрание поручило мне выразить вам свою благодарность. Задачи этого общества очень скромные, и оно не предусматривает приема почетных членов. Принято, однако, решение о допуске иностранцев только в таком качестве, и я рад уведомить вас, что вы были избраны единогласно. Мы надеемся со временем поднять наш «клуб» до более высокого ранга и стать более многочисленной ученой корпорацией.

Я получил от Плэса второе издание вашего «Катехизиса политической экономии», за что приношу свою благодарность. Пока я успел прочесть только первые две главы и ожидаю, что извлеку много удовольствия и пользы из чтения остальных глав.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПИСЬМА К Т. МАЛЬТУСУ	7
ВВЕДЕНИЕ .	9
ПИСЬМА К Д. МАК-КУЛЛОХУ .	155
ВВЕДЕНИЕ .	157
ПИСЬМА К ДЖ. С. МИЛЛЮ И Ж.-В. СЭЮ .	239
ВВЕДЕНИЕ .	241

Рикардо Давид

СОЧИНЕНИЯ. Пер. под ред. чл.-кор. Акад. наук
СССР *М. Н. Смит*. М., Соцэкгиз, 1961.
Т. 5. 1961. 271с.

Редактор *О. Арас*

Оформление художника *Н. Симагина*
Технический редактор *Л. Уланова*
Корректоры *Л. Дегтярева, Т. Никитина*.

Сдано в набор 15 октября 1960 г. Подписано в печать 30 января 1961 г. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆. Бумажных листов 8,5. Печатных листов 17. Учетно-издательских листов 15,83. Тираж 4000 экз. А 02117. Цена 78 коп.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, д. 15.

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.
Заказ № 1407

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

выпускает в 1961 г. следующие книги
ПО ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ:

1. *Смит М. Н.*, чл.-корр. АН СССР. **Очерки по истории буржуазной политической экономии (середина XIX — середина XX в.).** 20 л., ц. 1 руб.
2. *Альтер Л. Б.*, д-р эконом. наук. **Буржуазная политическая экономия США.** 30 л., ц. 1 р. 30 к.
3. *Левшин Л. В.* **От теории стоимости к теории полезности (критика вульгарной политической экономии в Англии).** 12 л., ц. 30 коп.
4. *Магьяш Ангал.* **Очерки истории экономических учений Венгрии (с конца XVIII в. до наших дней).** 15 л., ц. 45 коп.
5. *Филатова Е. М.*, канд. эконом. наук. **Ответ фальсификаторам экономической мысли.** 15 л., ц. 45 коп.
6. **Из истории экономической мысли народов СССР (XIX век).** Сборник статей под ред. чл.-корр. АН СССР А. И. Пашкова. 20 л., ц. 90 коп.

ՀԱՅԿԱ
ՔՈՒԿԱՐԱԾ

V